

С. И. НИКОЛАЕВ

ПОЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

(XVII—XVIII ВВ.)

ni pierwsze.
10730d z temi pany/
323010/ a wstano piany.
ćiu Polskim.
nie datno powiedzial /
ćie idoby tez na tr
ie/ to z kájdym pi
wlozoc nieboga |
: dziećićiu.
itac nie potrzeba
obc wnosla ma t
: przyczynia/
miec lac wtrzywa
młodość.
wiojny miec csa
by miodzi nie gal
starość.
smierć.
ifowne.
fortuna.

F R A S Z K I I A N A KOCHANOWSKIEGO.

FRASZKI tym książkiem dzieła: Kto sie
puedi na nie
Oczypliwym językiem / za strasznie nie
ostanie.

W KRAKOWIE,

W Drukarni Andrzeja Piotrkow: K. I. M. Typogr.
Roku Pańskiego, 1629.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

С. И. НИКОЛАЕВ

ПОЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Вторая половина XVII —
первая треть XVIII века

Ответственный редактор
А. М. ПАНЧЕНКО

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

Рецензенты: Л. А. СОФРОНОВА, Д. М. БУЛАНИН

И 4603020101-589
042(02)-89 470-89

ISBN 5-02-027885-8

© Издательство «Наука», 1989 г.

ВВЕДЕНИЕ

Стихотворный перевод возник в России в первой четверти XVII в. почти одновременно с появлением в начале столетия книжной силлабической поэзии. Число поэтических переводов, появившихся в XVII и в первые десятилетия XVIII в., и по количеству памятников и по их объему в несколько раз превосходит все предшествующие прозаические переводы стихотворных произведений в XI—XVI вв.¹ В это время стали переводить с разных языков, тогда как до XVII в. переводы с новых европейских языков скорее исключение, каким является, например, «Разговор магистра Поликарпа со Смертью», переведенный прозой с польского языка в первой половине XVI в. В XVII—первой трети XVIII в. появляются переводы с польского и латинского, затем с греческого, немецкого, английского и итальянского языков.

Велико и жанровое разнообразие переводной поэзии. Это драма (начиная уже с «Артаксерксова действия»), роман в стихах («История о Париже и Вене»), полемические сочинения, подписи к Библии Пискаatora и эмблематический сборник «Желания благоговейные» Германа Гуго, сборник басен «Совет воинский» Бартоша Папроцкого и др. Объем только названных произведений насчитывает несколько тысяч стихотворных строк. Сюда следует добавить многочисленные переводы стихотворных отрывков в переводе прозаических сочинений, переводы панегириков, стихотворений «на случай», эпиграмм, а также переложения и переработки.²

Вся эта обширная литературная продукция никогда не изучалась в совокупности, хотя имеются исследования и публикации отдельных памятников. Это привело к тому, что историю русского стихотворного перевода обычно открывают имена А. Д. Кантемира и В. К. Тредиаковского.³ Между тем до середины XVIII в.

¹ См. обзор работ, посвященных этим памятникам: *Панченко А. М.* Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 259—265.

² См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903. С. 96, 114, 165, 168, 171, 173, 174 и др.

³ Ср.: *Дерюгин А. А.* В. К. Тредиаковский — переводчик: Становление классицистического перевода в России. Саратов, 1985. С. 22—23.

переводная поэзия прошла сложный путь развития, и многие вопросы, занимавшие русских поэтов-переводчиков эпохи классицизма, были уже поставлены и отчасти решены в XVII в.

Ведущее место в переводной поэзии XVII в. занимают переводы с польского языка. Без исследования этих переводов не может быть полностью раскрыто и общеизвестное положение о влиянии польской поэзии на русскую в этот период. Последнее безоговорочно признавалось уже в XVIII в. В. К. Тредиаковский в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском», описав стихосложение, употреблявшееся в Киево-Могилянской академии, заметил: «Сей точно есть исправный состав среднего российского стихотворения, вычищенный уже во всем и утвержденный, а воспринятый к нам с образца польских стихов».⁴ Однако объем и хронологические границы этого влияния представляются довольно смутно, хотя сам факт и действительность его бесспорны.

Стиховедческий аспект проблемы уже анализировался в работах В. Н. Перетца, Б. В. Томашевского, В. Е. Холшевникова, А. М. Панченко, М. Л. Гаспарова и др. В изучении же таких историко-литературных проблем, как тематика и генология, по сути сделано очень мало. Несомненно, однако, следующее: до середины XVII в. польская поэзия проникает в Россию только через украинское посредничество, во всяком случае никаких фактов, свидетельствующих бы о знакомстве с польской поэзией в первой половине XVII в., обнаружить не удалось. Тем самым определяется нижняя хронологическая граница данного исследования — середина XVII в. Это совпадает с ранее традиционно принятой датой появления книжной поэзии в России. Традиция эта несомненно идет от Тредиаковского, до начала XX в. лучшего историка древнерусской поэзии. В цитированной уже статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» после характеристики вирш в Острожской Библии 1581 г. он писал: «Сей состав стиха. . . перешел от белорусцев и поляков в Малую Россию, а из Малыя к нам; да и пребывал у нас с 1663 до 1735 ровно 72 года, и есть точно оный, который я называю средним», совершенно определенно отметив ниже: «С времен Симеона Полоцкого, иеромонаха, жившего в Москве, польского состава стихи начали быть в составлении постоянны и одноличны на нашем языке».⁵

Выкладки Тредиаковского почти точно совпадают с выбранным для нашего исследования периодом — с 1650 по 1730 г. Однако «средний», или «польский», период русской поэзии необходимо соотносить с периодизацией истории польско-русских литературных связей.

Изучение интенсивного и регулярного литературного обмена между древними польской и русской литературами в XVII—на-

⁴ *Тредиаковский В. К.* Избр. произведения. М.; Л., 1963. С. 435, ср.: 434, 436, 438; ср.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 12—13.

⁵ *Тредиаковский В. К.* Избр. произведения. С. 431—432, 436.

чале XVIII в. имеет длительную историю. Результаты разысканий и исследований XIX в. были сведены в известных библиографических трудах И. А. Шляпкина, А. И. Соболевского и А. Брюкнера.⁶ Просмотр этих работ показывает, что проблема стихотворного художественного перевода до начала XX в. не занимала ученых, хотя в их трудах сообщены ценные сведения о некоторых стихотворных переводах. Более того, А. Брюкнер, построивший свой перечень переводов по жанрово-тематическому принципу, переводную поэзию не выделил, а раздел, посвященный повестям, заключил следующими словами: «Отдельно мы не перечисляем стихотворений, разнообразных кантов, которые в основном не пересекали малорусских границ и только в исключительных случаях попадали из польских текстов в русские».⁷ О переводах же книжной поэзии он писал, что ее поэтической формы не понимали, а таких поэтов как Шимоновиц или Морштыны не умели еще ценить. Переводы стихотворных сочинений ограничены только дидактической литературой («Совет воинский» Б. Папроцкого, «Четвертак» Я. Жабчица), да и они выполнены прозой.⁸

Эта резкая и несправедливая оценка переводной поэзии долгое время гипнотически действовала на исследователей, не решавшихся ни проверить, ни дополнить ошибочные выводы Брюкнера, который не знал рукописного материала в достаточном объеме.

В начале XX в. только голландская исследовательница А. Круазе ван дер Коп и В. Н. Перетц, обратившись к рукописному материалу, начали серьезное исследование переводной поэзии. Однако А. Круазе ван дер Коп в связи со смертью не удалось реализовать большую программу исследования.⁹ Полностью ею был изучен и издан только перевод интереснейшего памятника польской поэзии XV в. «Разговор магистра Поликарпа со Смертью».¹⁰

В. Н. Перетц в своих работах ограничивался преимущественно польско-украинскими связями в области поэзии, здесь следует назвать прежде всего обнаруженный им и частично изданный украинский перевод «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо—П. Кохановского.¹¹ В области польско-русских связей он писал

⁶ См.: Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891. С. 79—96; Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903; Brückner A. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzysta: Szkic literacki. Lwów, 1906.

⁷ Brückner A. O literaturze rosyjskiej. S. 79.

⁸ Ibid. S. 49, 54—54.

⁹ Croiset van der Kop A. Die russischen Übersetzungen polnischer Literaturwerke: Ein Beitr. zur Geschichte der geistigen Bildung Russlands im 16. und 17. Jh. // Arch. für slavische Philologie. Berlin, 1909. Bd 30. H. 2. S. 57—89.

¹⁰ Croiset van der Kop A. Altrussische Übersetzungen aus dem Polnischen. 1: De morte prologus. Berlin, 1907.

¹¹ См.: Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв. Л., 1928. С. 168—234.

более всего о польских кантах и псалмах в русских рукописных песенниках.¹²

Новый период изучения начался только в конце 1950-х гг., после IV Международного съезда славистов, на котором с докладом о польско-русских связях выступил П. Н. Берков.¹³ На съезде развернулась дискуссия о русском барокко, в ходе которой особое внимание было обращено на роль польского барокко, поэтому в большинстве последующих работ о польско-русских связях эти проблемы рассматриваются в их взаимосвязи.¹⁴

Незатронутой оставалась, однако, сравнительная периодизация истории польско-русских литературных связей. Исследования А. И. Соболевского и А. Брюкнера завершались началом Петровской эпохи. Подобный подход и сейчас имеет своих сторонников.¹⁵ Предложенная позднее периодизация, в которой интересующий нас период оказался заключен в широкие хронологические рамки с 1569 по 1770-е гг.,¹⁶ не оказалась плодотворной.¹⁷ В ней прежде всего не отражен сложный процесс развития русской литературы XVI—XVIII вв., объединены слишком разные литературные эпохи.

Наиболее плодотворным оказалось введение термина «переходный период»,¹⁸ который охватывает вторую половину XVII и три

¹² См.: *Перец В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы: Из истории русской песни. СПб., 1900. Т. 1. С. 124—194.

¹³ См.: *Берков П. Н.* Русско-польские литературные связи в XVIII в. М., 1958. — Отметим, что применительно к нашей теме П. Н. Берков писал: «Характерно, что произведения новой (для той эпохи) польской художественной литературы (за исключением псалмов Яна Кохановского) не привлекали внимания русских переводчиков» (там же. С. 11).

¹⁴ Итоги дискуссии изложены в статье: *Dębski J.* Spór o barok w literaturoznawstwie rosyjskim // Pr. historycznoliterackie. Kraków, 1975. Z. 33. S. 147—153. Cf.: *Łuźny R.* Problem prądu a zagadnienia komparatystyki // Zagadnienia prądów i kierunków w literaturze rosyjskiej. Katowice, 1980. S. 9—19.

¹⁵ См.: *Новицкий Г. А.* Русско-польские культурные связи во второй половине XVII в. // Докл. сов. историков на сессии Ассоц. славистических исследований междунар. ком. ист. наук (Краков, 27—30 августа 1973 г.). М., 1973. С. 77—91; *Łabyncew J.* Próba typologii polskiej książki naukowej tłumaczonej w Rosji w XVII w. // Studia o książce. Wrocław, 1977. T. 7. S. 51—61.

¹⁶ См.: *Jakóbiec M.* Stosunki literackie polsko-rosyjskie: (Próba periodyzacji dziejów) // Slavia Orientalis. 1968. № 2. S. 136—139.

¹⁷ Эта точка зрения также имеет своих сторонников; см.: *Липатов А. В.* 1) Литературный облик польского барокко и проблемы изучения древнерусской литературы // Славянское барокко: Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979. С. 39—98; 2) Формирование польского романа и европейские литературы. М., 1977. С. 238—248.

¹⁸ См.: *Лизачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1979. С. 17—19; *Берков П. Н.* 1) Задачи изучения переходного периода русской литературы (от древней к новой) // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 12—19; 2) О литературе так называемого переходного периода // Русская литература на рубеже двух эпох: (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 19—32; *Охрименко П. П.* Где же конец или начало?: (К вопросу о периодизации русской литературы) // Рус. лит. 1974. № 1. С. 94—99.

первых десятилетия XVIII в. Переходный период, однако, не выделяется как отдельная эпоха в истории литературы. Это положение между древней и новой русской литературой позволяет изучать переходный период в рамках или древней или новой русской литературы.¹⁹ Хотя часть исследователей, исходя из этого, включает изучение польско-русских связей в историю новой русской литературы, большинство рассматривает их как продолжение древнего периода.²⁰ Для нашей темы это принципиального методологического значения не имеет.

Определив хронологические границы исследования, считаем необходимым сказать несколько слов и о границах географических, этнически-культурных. Речь пойдет только о польско-русских литературных контактах, т. е. мы исключаем из своего рассмотрения польско-белорусские и польско-украинские связи. Эта оговорка представляется необходимой по той причине, что зачастую эти связи рассматриваются совершенно недифференцированно и тем самым утрачивается и стирается их историческая специфика. Совершенно очевидно, что польско-русские и польско-украинские литературные связи — это понятия разного качества и объема, что было обусловлено конкретными историческими причинами.²¹ Справедливо мнение Р. Лужного, что тему «„польская литература в России“ следует понимать в узком смысле, не политически-государственным, а этнически-культурном».²²

Вместе с тем в предлагаемом исследовании было нельзя, конечно, обойтись без привлечения материалов из истории белорус-

¹⁹ См.: История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 408—445; Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII в. М., 1977.

²⁰ Обзорных работ по этой теме вышло довольно много, назовем лишь некоторые: Моисеева Г. Н. Литературно-общественные и научные связи России и Польши конца XVII—середины XVIII в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII Междунар. съезд славистов. М., 1973. С. 438—451; *Łuźny R.* Literatura polska w Rosji w wieku XVII i XVIII // O wzajemnych powiązaniach literackich polsko-rosyjskich. Wrocław, 1969. S. 36—64; *Lewin P.* 1) Recepcja literatury polskiej tłumaczonej w Rosji w wieku XVII i pierwszej połowie wieku XVIII // *Slavia Orientalis*. 1966. № 1. S. 101—111; 2) Literatura staropolska a literatury wschodniosłowiańskie: Stan badań i postulaty badawcze // Literatura staropolska w kontekście europejskim. Wrocław, 1977. S. 139—168; *Fizman S.* Nowe aspekty badań nad rolą polskiej kultury w rozwoju kultury rosyjskiej // For Wiktor Weintraub: Essays in polish literature, language and history, present. of his 65th birthday. The Hague; Paris, 1975. P. 113—133.

²¹ См.: *Łuźny R.* Dawne piśmiennictwo ukraińskie a polskie tradycje literackie // Z dziejów stosunków literackich polsko-ukraińskich. Wrocław, 1974. S. 7—36; *Janów J.* Wpływy polskie na literaturę Rusi do XVIII w.: (Przegląd badań dotychczasowych) // Księga referatów II międzynarod. zjazdu sławistów (filologów słowiańskich). Sekcja II: Historia literatury. Warszawa, 1934. S. 69—73; *Радишевський Р. П.* Українсько-польські літературні зв'язки XVI—XVIII ст.: (деякі підсумки і перспективи дослідження) // Українська література XVI—XVIII ст. та інші слов'янські літератури. Київ, 1984. С. 186—205 (в статье дан обзор литературы предмета).

²² *Łuźny R.* Literatura polska w Rosji w wieku XVII i XVIII. S. 43, przyp. 15.

ско-украинско-русских культурных связей. Воспитанники Киево-Могилянской коллегии (Симеон Полоцкий, Стефан Яворский, Феофан Прокопович и многие другие) были зачастую деятельными пропагандистами поэтической культуры польского барокко в Московском государстве.

В многочисленных обзорных работах по истории польско-русских контактов раздел «поэзия» выглядит довольно бедно, хотя нельзя сказать, что эта тема не интересовала исследователей. Показательна история изучения «Пентатеугума» Андрея Белобоцкого. После издания А. Х. Горфункеля²³ поэма была переиздана в антологии русской поэзии XVII—XVIII вв.,²⁴ и теперь библиография работ об этом переводе насчитывает уже целый ряд статей советских и зарубежных литературоведов и лингвистов. Такой интерес к памятнику обусловлен не только его несомненными достоинствами, но и тем, что он издан. Но многие памятники не изданы, поэтому первоочередной задачей изучения переводов польской поэзии в XVII—XVIII вв. является просмотр рукописного материала и создание источниковедческой базы, введение в научный оборот как новых, так и забытых памятников.

Проиллюстрируем это положение только двумя примерами. Перевод книги Б. Папроцкого «Совет воинский» неожиданно зачисляется в раздел руководств по военному искусству,²⁵ хотя это стихотворный сборник басен. Недоразумение произошло из-за того, что этот перевод никогда не изучался. Второй пример не менее красноречив.

В описании рукописного собрания Ф. А. Толстого, вышедшем в 1825 г., упомянута пьеса «Дафнис гонением любовного Аполлона в древо лавровое превращенная».²⁶ В 1862 г. П. П. Пекарский указал ее оригинал — поэму польского поэта С. Твардовского «Дафна, превратившаяся в лавр».²⁷ Наконец, в 1874 г. Н. С. Тихонравов издал эту пьесу по двум спискам.²⁸ Таким образом, этот перевод-переделка был надежно введен в научный оборот. Как о переводе с польского об этой пьесе писали П. О. Морозов и В. Н. Перетц. Однако после их работ «Дафнис» совершенно выпала из научного оборота. Достаточно сказать, что она не упоминается ни в одной из обзорных работ о польско-русских связях. Не пишут

²³ См.: *Горфункель А. Х.* «Пентатеугум» Андрея Белобоцкого: (Из истории польско-русских литературных связей) // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 39—64.

²⁴ См.: *Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв.* Л., 1970. С. 216—249.

²⁵ См.: *Уланов В. Я.* Западное влияние в Московском государстве // Три века: Россия от смуты до нашего времени / Ист. сб. под ред. В. Е. Калаша. СПб., 1912. Т. 2. С. 46; *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966. С. 263.

²⁶ См.: *Калайдович К., Строев П.* Обстоятельное описание славяно-русских рукописей. . . Ф. А. Толстого. М., 1825. С. 544—545.

²⁷ См.: *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 459—464.

²⁸ См.: *Тихонравов Н. С.* Русские драматические произведения 1672—1725 гг. СПб., 1874. Т. 2. С. 440—484.

о ней и историки русского театра.²⁹ В исключительно редких случаях она упоминается либо в связи с историей театральной терминологии,³⁰ либо с историей русского стихосложения,³¹ причем без указания на переводный характер пьесы.

Таким образом, необходимо не только введение нового материала, но и привлечение известного, но прочно забытого. Это определяет логику данного исследования и его в первую очередь источниковедческий характер, поэтому в книге часть аналитическая преобладает над синтетической, хотя рассмотрены и вопросы теории перевода, жанровой системы русской поэзии, проблемы «поэт и перевод» и др.

Предмет настоящего исследования — переводы книжной поэзии. Мелическую поэзию (так называемую «книжную песенную поэзию») мы исключаем из своего рассмотрения. Во-первых, она изучена достаточно полно в уже названных работах В. Н. Перетца и А. В. Позднеева;³² во-вторых, процесс русификации отдельных русских песен шел чрезвычайно долго и был многоступенчатым. Не случайно в рукописных песенниках транслитерированные польские песни встречаются до конца XVIII в. Перевод их — сравнительно редкое явление, а постепенная русификация — довольно естественный результат частого их переписывания.

Кроме собственно стихотворных переводов для анализа были привлечены прозаические переводы польской поэзии, парафразы и переделки, а также некоторые пограничные формы стиха и прозы. Привлечение столь разнообразного на первый взгляд материала показалось целесообразным, поскольку оно позволяет выявить общие принципы отношения к иноязычному поэтическому тексту, выявить направления рецепции польской поэзии в переходный период русской литературы. Ограничиваясь только стихотворными переводами, мы воссоздадим идеализированную, упрощенную кар-

²⁹ «Дафнис» не упомянуты в репертуаре придворного, школьного и публичного театров с конца XVII до середины XVIII в. (см.: История русского драматического театра. М., 1977. Т. 1. С. 420—434) и значится среди оригинальных русских пьес в кн.: Материалы к истории театральной культуры России XVII—XX вв.: Аннотированный каталог. Вып. 2. Пьесы. Либретто. Нотные материалы. Л., 1984. Кн. 1. С. 154, 155.

³⁰ См.: Берков П. Н. Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII вв.: («комедия», «интермедия», «диалог», «игрище» и др.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 297.

³¹ См.: Гаспаров М. Л. Русский силлабический тринадцатисложник // *Metryka słowiańska*. Wrocław, 1971. S. 39—64.

³² См.: Позднеев А. В. 1) Польские книжные песни в русских рукописных песенниках XVIII в. // Русская литература XVIII в. и славянские литературы. Л., 1963. С. 158—167; 2) Польский элемент в русских рукописных песенниках XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 335—338; 3) Светские польские песни в русских рукописных песенниках XVII в. // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 56—70; 4) *Polskie pieśni w rosyjskich śpiewnikach rękopiśmiennych XVII—XVIII w.* // *Pamiętnik literacki*. 1962. Z. 2. S. 477—489. См. также другие работы А. В. Позднеева о русских песенниках XVII—XVIII вв. Имеется обстоятельный обзор работ Позднеева, см.: *Smith G. S. A. V. Pozdneev and the Russian 'Literary Song'* // *J. of Europ. Studies*. London, 1975. Vol. 5. № 2. P. 177—189.

тину, не отражающую всех сложностей функционирования переводных произведений в иной культурной среде. На наш взгляд, именно «различия в сходном» (здесь на первый план выступают геологические метаморфозы переводов) позволяют отчетливее увидеть своеобразие литературного процесса в России на рубеже XVII—XVIII вв.

Основу книги составили статьи и разыскания, опубликованные в 1970—1980-х гг., в той или иной мере они дополнены и переработаны.

ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ В РОССИЮ

Непосредственному анализу переводов должно предшествовать рассмотрение вопроса: что в России на рубеже XVII—XVIII вв. знали о польской поэзии?

Реконструкция «образа» польской поэзии в России необходима по той причине, что наши современные представления о ней существенно отличаются от представлений читателей и писателей переходного периода. Мы не можем (и не должны) абстрагироваться от результатов огромной работы, которую провели в течение последних ста лет и проводят ныне польские исследователи, буквально воскресившие польскую литературу эпохи барокко. Если теперь в эссе художественный приоритет единодушно признается за «Хотинской войной» В. Потоцкого, в лирике — за поэзией Яна Анджея Морштына, в мемуаристике — за знаменитыми «Записками» Я. Х. Пасека, в эпистолографии — за венценосным литератором Яном III Собеским, то следует помнить, что произведения этих и других первоклассных авторов были изданы только в XIX—XX вв. Недаром в польской научной литературе XVII век нередко называют «веком рукописей».

Достаточно бегло ознакомиться с хронологической росписью книг интересующего нас периода в «Польской библиографии» К. Эстрейхера, чтобы убедиться в том, что у польских просветителей, знавших часто лишь печатную продукцию, были некоторые основания презреть и перечеркнуть литературу предшествующей эпохи: поток панегирической стихотворной продукции залил книжный рынок и растворился, наконец, в начале XVIII в. в сумерках «саксонской ночи». Просветители, а за ними и исследователи часть приняли за целое, а период упадка — за всю эпоху.

По этим причинам даже просто сводка тех сведений о польской поэзии, которыми располагали в России в XVII—XVIII вв., будет характеризовать степень ориентации русских читателей как в предшествующей, так и в современной им литературной жизни Речи Посполитой. Источниками для такой реконструкции послужат курсы поэтики и риторики в русских духовных училищах, описи библиотек, а отчасти и анализ отношения русских поэтов XVII—XVIII вв. к польской поэзии.

Польская поэзия в духовных училищах XVII—XVIII вв.

Большая часть восточнославянских поэтов и литераторов конца XVII—первой трети XVIII в. получили образование в духовных училищах Украины и России, а иногда и за их пределами. Многие годы для восточных славян Киево-Могилянская коллегия (с 1701 г. академия) была единственным высшим учебным заведением; не потеряла она своего значения и в XVIII в. Духовные училища в России были по сути дела ее филиалами, прежде всего по той причине, что их основателями или преподавателями были выученики киевской школы.¹

Формирование литературно-эстетического сознания в Киевской академии и в разбросанных по всей России ее «отделениях» проходило под несомненным влиянием западноевропейской теоретической мысли (Понтано, Скалигер и др.) в ее польской переработке и носило полонофильский характер. Польский язык наравне с латынью был необходимым орудием для усвоения пиитической и риторической науки.

Роль польской традиции в преподавании поэтики и риторики в Киево-Могилянской академии и в русских духовных училищах исследовалась в прошлом веке Н. И. Петровым² и другими учеными. В последние десятилетия материал был значительно дополнен и вновь пересмотрен в работах Р. Лужного и П. Левин.³ В результате их исследований роль польской теоретической мысли и роль польской поэзии в курсах поэтики стала совершенно несомненной. Примеры в них приводились обычно из античной и новолатинской поэзии (в том числе и польских авторов), на национальных же языках цитировалась только польская поэзия. На русском языке примеры появляются в первой четверти XVIII в., и это были зачастую переводы с польского.

Каких авторов читали и изучали в Киево-Могилянской академии? Прежде всего это были поэты, чьи произведения были опубликованы, что сразу исключает определенный слой польской поэзии XVI—XVII вв., например поэзию Я. А. Морштына.

¹ Это подробно документировано в кн.: *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1913.

² См.: *Петров Н. И.* О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 г. // Тр. Киев. духовной акад. 1866. № 7, 11, 12; 1867. № 1, 3.

³ См.: *Łużny R.* 1) *Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska: Z dziejów związków literackich polsko-wschodniosłowiańskich.* Kraków, 1966; 2) *Nieznane karty z dziejów polskiego baroku* // *Spraw. z posiedzeń Komisji PAN w Krakowie, styczeń—czerwiec 1966.* Kraków, 1966. S. 37—40; *Lewin P.* 1) *Poetyka moskiewska z roku 1722* // *Slavia Orientalis.* 1967. № 4. S. 381—390; 2) *Wykłady poetyki w szkołach rosyjskich od końca wieku XVII do roku 1774: Stan posiadania i postulaty badawcze* // *Ibid.* 1968. № 2. S. 153—157; 3) *Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722—1774) a tradycje polskie.* Wrocław, 1972; 4) *Dawne polonica literackie w archiwach Moskwy i Leningradu* // *Slavia Orientalis.* 1972. № 1. S. 73—99; 5) *Барокко в литературно-эстетическом сознании преподавателей и слушателей русских духовных училищ XVIII в.* // *Wiener Slavistisches J. Wien,* 1977. Bd 23. S. 180—198.

Непререкаемым авторитетом для киевских учителей был, конечно, великий поэт польского Возрождения Ян Кохановский. О его популярности и авторитете свидетельствует не только то, что в лекционных курсах упомянуты почти все его сочинения от фразек до переложения псалмов, но и псевдоэпиграфы, встречающиеся даже у такого знатока как Феофан Прокопович. После Яна Кохановского следует назвать его племянника Петра Кохановского, переводчика «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо. Но этот перевод приобрел авторитет классического образца эпической поэмы только после лекций Феофана Прокоповича (1705), до этого образцовой поэмой считалась «Гражданская война» С. Твардовского. В разделе лекций, посвященном эпиграмматике, более всего цитировался (а затем и переводился) «христианский Гораций» — выдающийся польский новолатинский поэт М. К. Сарбевский. Он высоко ценился и как теоретик: в украинских и русских поэтиках раздел об «остроумии» излагался по его теоретическим сочинениям, в то время не опубликованным.⁴ Все примеры в Киеве, конечно, приводились на языке оригинала.⁵

Киевские воспитанники, преподававшие в Москве и других городах России, не повторяли киевские лекции своих наставников, а сами читали польских авторов. Теперь на первое место выходит Сарбевский, причем если в киевских поэтиках упоминаются 22 его сочинения, то в русских — 54. Более известным становится «Освобожденный Иерусалим» в его польской версии, встречаются отрывки, не упоминавшиеся в Киеве.⁶ Интерес к историческим хроникам «сарматского Вергилия» Твардовского ослабевает, а популярность Яна Кохановского не уменьшается, более того, в поэтиках появляются переводы его стихотворений,⁷ а также переводы других поэтов. Об этих переводах следует сказать особо.

Стихотворные переводы в русских поэтиках XVIII в. в этой книге не рассматриваются: они достаточно полно изучены и изданы, а хронологически не попадают в рамки настоящего исследования, так как становятся непременным атрибутом только в начале 1730-х гг. (см. поэтику Феофилакта Кветницкого), хотя изредка появлялись и раньше (см. поэтику Лаврентия Горки). Кроме того, эти переводы носят особый характер — это «ученые», вернее «учебные» переводы, преследующие определенную цель: обучение поэтическому (но не переводческому!) искусству. Примечательно, что эти переводы не вышли за пределы поэтик. Исклю-

⁴ См.: Lewin P. 1) *Teoria akuminu w estetycznej świadomości wschodniej słowiańszczyzny XVII—XVIII w. a traktat Sarbiewskiego* // *Literatura staropolska i jej związki europejskie*. Wrocław, 1973. S. 309—324; 2) *Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich*. S. 107—125.

⁵ О польской поэзии в киевских лекциях см.: *Łużny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej*. S. 89—97.

⁶ См.: Lewin P. *Rosyjskie przekłady «Gofreda» w wykładach poetyki z XVIII w.* // *Slavia Orientalis*. 1969. № 4. S. 383—391.

⁷ См.: Lewin P. *Rosyjskie tłumaczenia z Jana Kochanowskiego (I poł. XVIII w.)* // *Arch. literackie*. T. 16. Misc. staropolskie. Wrocław, 1972. T. 4. S. 81—85.

чения крайне редки — таков перевод 1705 г. Феофана Прокоповича из «Tristia» (I, 8) Овидия,⁸ который встречается и в рукописных сборниках.

Исследования Р. Лужного и П. Левин показали, что воспитанники Киевской академии учились на лучших образцах польской поэзии эпохи Ренессанса и Барокко. Став преподавателями, они постоянно обновляли свой репертуар приводимых примеров, обращаясь непосредственно к польской печатной книге, что отразилось в читанных ими курсах. Чтобы ориентироваться в лучших образцах, надо было много читать, а этот процесс остался, конечно, за рамками поэтик: для учебных целей его отражение излишне. Полемический элемент, из которого можно было бы извлечь некоторые сведения, есть только в лекциях Феофана Прокоповича. Это обстоятельство делает необходимым реконструкцию круга чтения литературных деятелей XVII—первой трети XVIII в. Здесь целесообразно не ограничиваться книжными собраниями одних литераторов — это дает возможность определить не только репертуар польской поэзии, но и круг ее читателей, а также тех, кто ее не читал.

Польская поэзия в русских библиотеках и книжных собраниях XVII—первой трети XVIII в.

Перестройка литературной культуры в XVII в. затронула и такой важный ее компонент, как книга. Отношение к ней изменилось. Если для традиционалистов (прежде всего старообрядцев) книга была духовным руководителем, то для «новых учителей» полонофильской ориентации она стала духовным собеседником. Это изменение немедленно сказалось на количественном составе библиотек: из нескольких «полезных» книг они вырастают до сотен и тысяч. Это понятно — духовный руководитель один (традиционалисты даже ориентировались на одну книгу), а собеседников сотни.⁹ Отсюда один шаг до библиофильства в современном смысле слова, и первыми библиофилами стали поэты.¹⁰

Незадолго до смерти президент Синода Стефан Яворский написал элегию «Possessoris horum librorum luctuosum libris vale» («Посессора сих книг плачевное книгам целование»). Поэт прощался со своими книгами, как через сто лет попрощается со своими «друзьями» Пушкин. Латинская элегия Стефана Яворского, по словам Филарета Гумилевского, сделала бы честь Вергилию. Она была высоко оценена и в XVIII в.: ее несколько раз переводили на русский язык и один раз, правда, по недоразумению,

⁸ См.: Феофан Прокопович. Соч. / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 494.

⁹ См.: Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой // Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980. С. 125—148.

¹⁰ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 140.

с русского на латинский: английский пастор Томас Консетт, сделавший обратный перевод в 1723 г., не знал о латинском оригинале элегии.¹¹ Позднее Евгений Булгарис перевел ее «в еллино-греческие стихи». Тот факт, что библиофильская элегия стала самым популярным произведением поэта, конечно, не случаен: поэт — это читатель. Сам Стефан недвусмысленно говорит о том, что книги для него в прямом смысле «питательная среда»:

Книги, мною многажды носимы, грядите,
Свет очию моею, от мене идите!
Идите благочестно, иных насыщайте,
Сот ваш уже прочим ныне искапайте!
Увы мне! око мое от вас устранено,
Ниже вам может быть к тому насыщено.
Паче меда и сот вы мне сладши бесте,
С вами жить сладко бяше, горе, яко несте.
Вы богатство, вы слава бесте мне велика,
Вы рай, любви радость и сладость колика,
Вы мене прославили, вы мене просветили,
Вы мене у лиц высоких милость приобрели.¹²

В какой мере эти слова относятся к польской поэзии, т. е. что читал сам Стефан Яворский и другие поэты?

Русская библиотека XVII—первой половины XVIII в. изучена довольно основательно.¹³ Что касается польской книги в русских библиотеках этой поры, то в очень немногих специальных работах отмечено главное и вполне очевидное: среди иностранных книг польская книга как в XVII, так и в начале XVIII в. занимала если не первое, то второе место после латинской и по роли, и чисто количественно.¹⁴

В имеющихся работах (за очень редкими исключениями) состав библиотек раскрыт частично, и поэзии в этом смысле не повезло: упоминаются обычно лишь античные авторы, и то как более легко угадываемые. В исследованиях по истории польско-русских культурных связей анализ библиотек носит фрагментарный характер: это либо отдельные замечания, либо разыскания об отдельных

¹¹ См.: Берков П. Н. Томас Консетт, капеллан английской фактории в России: (к истории русско-английских литературных связей в 1720-е гг.) // Проблемы междунар. литературных связей. Л., 1962. С. 7—10. — Примечательно, что при обратном переводе 2 стиха из 38 совпали полностью.

¹² Современный перевод цит. по кн.: Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914. Прил. С. V.

¹³ См.: Луннов С. П. 1) Книга в России в XVII в. Л., 1970; 2) Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973; 3) Книга в России в послепетровское время (1725—1740). Л., 1976. — Там же и библиография работ по теме.

¹⁴ См.: Луннов С. П. Польская литература в русских библиотеках и частных собраниях XVII—первой половины XVIII в. // Книга: Исследования и материалы. М., 1977. Сб. 34. С. 47—60; Рогов А. И. Польская книга на Руси // Конф. по истории средневековой письменности и книги. 25—27 октября 1977 г.: Тез. докл. Ереван, 1977. С. 79—80.

авторах.¹⁵ Общей картины нет, поэтому попытка воссоздать ее небесполезна хотя бы как первый опыт.

Составленный нами список польских поэтических книг, бытовавших в России во второй половине XVII—первой трети XVIII в.,¹⁶ разнообразен по источникам: учтены сведения описей библиотек, данные о покупке книг, либо привезенных в Москву, либо вывезенных оттуда, включены сохранившиеся книги. Нас интересует в данном случае, собственно говоря, не самая книга, а ее бытование среди русских читателей.

Насколько этот список полон? Конечно, об исчерпывающей полноте не может быть и речи. Выявление сохранившихся экземпляров осложнено тем, что наши сведения о судьбах библиотек XVII—XVIII вв. в большинстве случаев довольно скудны. Например, Симеон Полоцкий так распорядился своим собранием: «Обед душевный» и «Вечерю душевную» он завещал в Заиконоспасский монастырь, книги польские и русские — в Полоцкий Богоявленский, а латинские — в киевский братский. Книги, однако, попали к Сильвестру Медведеву, которому Симеон завещал только свои «писма» (т. е. рукописные сочинения). В конце концов библиотека Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева оказалась в ЦГАДА, но не вся: принадлежавшие им книги имеются в ГБЛ, в библиотеке бывшего харьковского коллегиума, а возможно, и где-то еще. Не обнаружен, например, экземпляр «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо—П. Кохановского из этой библиотеки.

Другой пример — библиотека Стефана Яворского. Ее судьба представляется также довольно смутно. Большая часть книг хранится в Харькове, но какая-то часть попала в Рязань. Судьба же более мелких собраний вообще неизвестна.

В списке учтены и некоторые книги, несомненно бытовавшие в России, хотя иногда их происхождение неизвестно. В ОРК ГБЛ хранится конволют (№ 5749—5750), составленный из произведений Яна Кохановского и принадлежавший некоему Василию Родионову. Возможно, что его владельцем был и митрополит Сарский и Подонский Павел.¹⁷ Неизвестно и происхождение конволюта ОРК БАН (8997q/23614—22r), в котором под одним переплетом собраны оригинальные сочинения и переводы Яна, Анджея и Миколая Кохановских, а также приплетено несколько произведений совязжальской литературы. Заметки на польском и немецком языках датируются 1612—1691 гг., на внутренней стороне верхней крышки переплета запись почерком начала XVIII в.: «Стихословие на полском языке». Конволют, следовательно, в петровское время

¹⁵ См.: Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII в. М., 1958. С. 17, 24; Лабинцев Ю. А. Распространение польских произведений Яна Кохановского на фоне общей рецепции польской книги и литературы в России XVII в. // Сов. славяноведение. 1980. № 6. С. 74—78.

¹⁶ См.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. и ее читатели // Русская литература XVIII—начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 172—179.

¹⁷ См.: Лабинцев Ю. А. Распространение польских произведений Яна Кохановского. С. 77.

был в России. Едва ли не тем же почерком сделана запись на внутренней крышке переплета «Метаморфоз» Овидия в польском переводе В. Отвиновского: «Овидиуса Насона стихословие на полском языке» (ОРК БАН, 10074q/29118r). Однако таких книг включено в список лишь несколько.

Немногочисленные сведения о покупке книг затруднений не вызывают. Остановимся на описях библиотек, основном источнике.¹⁸

Реестры и описи библиотек XVII—первой половины XVIII в. очень неровны — они делались неряшливо, непрофессионально, без учета содержания конволютов, иностранные книги описывались иногда суммарно и т. д. Это хорошо известно. Приведем примеры из наших разысканий.

В описи книг Феофилакта Лопатинского встречается следующее название: «Лямент милостивой матки, в черной коже».¹⁹ Экземпляр сохранился — это конволют, включающий 13 книг, и первая называется «Lament utrapionej Matki Korony Polskiej już się konającej» (ОРК БАН, Лопатинский 11л—23л). Почти все остальные книги представляют своеобразную антологию совизжальской литературы — польского аналога русской демократической сатиры XVII в. Среди записей в книге кроме «Ex cathedrali bibliotheca episcopi Tferensis» отметим следующую: «Сия книга Василья Володимирови [ча] Шилова».²⁰

В описи той же библиотеки под № 39 значится «Псалтирь полская в белом переплете, ветхая».²¹ На верхней внутренней крышке переплета сохранившегося конволюта стоит № 39 (ОРК БАН, Лопатинский 752л—759л). Первая книга действительно «Псалтирь» — «Psałterz Dawidów» Яна Кохановского (Краков, 1644), затем идут другие его сочинения, произведения К. Мясковского, Ш. Шимоновица и др. Владельческие записи самые разнообразные; кроме записей на польском языке и записи Феофилакта Лопатинского, отметим такие: «Псалтыр Кохановского», «Иван Иванович поп богоявленский [нрзб.]».

Из этих наудачу выбранных примеров ясно, что данные описей необходимо сверять с сохранившимися книгами, иначе описи так никогда и не «заговорят». В этом направлении сделано очень мало.²² Необходимо продолжить публикации реестров, но прежде всего надо выявить, особенно в провинциальных библиотеках,

¹⁸ Нами обследовано большинство описей библиотек изучаемого периода, сведения о которых по большей части взяты из работ С. П. Луппова (см. примеч. 13). К сожалению, у С. П. Луппова встречаются досадные неточности. В частности, по его наблюдениям в библиотеке Ф. Поликарпова польских книг не было (см.: Книга в России в первой четверти XVIII в. С. 233). Однако в указанной им описи читается: «Овидиев метаморфосис полский», «Молитвенник полский», «Кнапиуш латинополский» и др. (см.: ЦГИА, ф. 796, оп. 3, № 1217, л. 68, 68 об., 69).

¹⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 22, № 583, л. 46.

²⁰ Возможно, что это алхимик и аптекарь, живший в Москве в 1680 г., см.: Сб. Рус. ист. о-ва. СПб., 1888. Т. 62. С. 443.

²¹ ЦГИА, ф. 796, оп. 22, № 583, л. 14.

²² См. пример издания, подготовленного на высоком научном уровне: Библиотека А. А. Матвеева (1666—1728): Каталог. М., 1985.

те книги, которые бытовали в России на рубеже XVII—XVIII вв. Основным критерием при атрибуции должны быть владельческие записи на книгах.²³

Анализ состава библиотек приводит еще к одному наблюдению. Из лекционных курсов мы знаем нечто о круге чтения преподавателей — по цитатам, упоминаниям и отсылкам. Сопоставление этих упоминаний с описями опять разочаровывает. Феофан Прокопович и Лаврентий Горка, например, цитировали, а второй из них и переводил «Освобожденный Иерусалим» прямо по польскому изданию, а не из вторых рук. Это установлено точно,²⁴ хотя большая часть цитат из польской поэзии переходила из одной поэтики в другую. Однако в описях библиотек обоих преподавателей этой книги нет.²⁵ Объясняется это, вероятно, не только неудовлетворительностью описей, но и тем, что библиотека триста лет назад, как и сегодня, была живым организмом, книги постоянно находились в движении. Из переписки русских поэтов XVII—XVIII вв. мы знаем, что они часто обменивались книгами, посылали друг другу не только свои собственные сочинения, но и книги для чтения или для работы. В каталоге книг Стефана Яворского встречаются пометы: «Сия книга монастыря Николского Киевского, отдать ей тому монастырю», «Сия книга монастыря Печерского, отдать ей, где надлежит» и т. д. Свои книги он завещал в Нежинский Благовещенский монастырь, «кроме некоторых чужих, тут же в реестре означенных».²⁶ О филиации книг свидетельствуют и цитированные выше владельческие записи на книгах из библиотеки Феофилакта Лопатинского. Наконец, в библиотеках XVII—XVIII вв. не удалось обнаружить оригиналов некоторых произведений, переведенных тогда на русский язык, например, «Дафны» С. Твардовского, «Четвертака» Я. Жабчица, «Наставления разных философов о супружестве» Б. Папроцкого и др.

Все это затрудняет восстановление полного репертуара польской поэзии в России и, что не менее важно, круга ее читателей. И все же составленный список польских поэтических книжек в русских библиотеках имеет свой смысл. Разумеется, делать на его основании далеко идущие выводы было бы неразумно, но поскольку речь идет не о единицах, а о десятках книг, то этого достаточно для предложения следующих соображений.

В XVII и в самом начале XVIII в. поэзия в русских библиотеках была представлена только на латинском и на польском языках

²³ См.: *Николаев С. И.* 1) Польская книга в России в XVII в. // 3-я Всесоюзная науч. конф. «Книга в России до середины XIX в.»: Тез. докл. Л., 1985. С. 23—24; 2) Польская книга в России в XVII—начале XVIII в.: К методике разысканий // *Рукописная и печатная книга в России: Проблемы создания и распространения.* Л., 1988. С. 103—108.

²⁴ См.: *Łużny R.* «Gofred» Tassa—Kochanowskiego na Rusi w wieku XVII—XVIII // *W kręgu «Gofreda» i «Orlanda».* Wrocław, 1970. S. 124—126.

²⁵ См.: *Верховский П. В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Ростов н/Д, 1916. Т. 2. С. 3—71; ЦГИА, ф. 796, оп. 20, № 576, л. 91—103.

²⁶ *Маслов С. И.* Библиотека Стефана Яворского. С. IX, XIX.

(исключения были, но очень редкие, и они роли не играют). При этом на латинском языке только половина или несколько больше книг относится к античной поэзии, остальные — произведения новолатинских поэтов: М. Мурет, Я. Бальде, Д. Овен, Д. Барклай, Д. Буханан и др.

Польская печатная стихотворная продукция представлена в русских библиотеках во всем объеме жанров и видов: панегирики, исторические хроники, эпиграммы, поэмы, поэтические сборники (Я. Кохановский, К. Мясковский, В. Коховский и др.), совизжальская литература и т. п.

Заметны пристрастие русского читателя к одним авторам и умеренный интерес к другим. Самыми популярными поэтами были Я. Кохановский и С. Твардовский. Хотя бы в одном экземпляре представлены почти все их сочинения, а некоторые — десятками экземпляров. Конечно, могло получиться так, что одна и та же книга, известная только по описи, дважды названа в списке у разных владельцев: это результат филиации книг и для целей данного исследования особого значения не имеет, так как нас занимают не столько числовые показатели, сколько бытование книг в русской читательской среде.

Читатели польской поэзии — это в первую очередь ученые монахи, высшие иерархи церкви вплоть до президента Синода и его вице-президентов. В большинстве своем они выученики Киевской академии, отсюда и пристрастие как раз к тем авторам, которые высоко ставились в курсах поэтики. Еще одна четко выделяемая, хотя и количественно меньшая группа — аристократия западного толка (Д. М. Голицын, А. А. Матвеев).

Некоторые результаты разысканий могут иметь значение не только для русистики, но и для полонистики. Как известно, переводная литература XVI—XVII вв. сохранила сведения, ценные и для истории польской литературы, и такой материал из области переводной поэзии будет приведен в последующих главах. В ходе же книжных разысканий удалось выявить неизвестное по библиографиям издание 1683 г. поэмы С. Твардовского «Прекрасная Пасквалина» из библиотеки Сильвестра Медведева.²⁷

В заключение отметим, что в поэтическом репертуаре польских и русских библиотек того времени много совпадений.²⁸ Из этого явствует, что русские читатели имели достаточное представление о современной польской литературе и круг их чтения вовсе не ограничивался (в литературе встречаются и такие утверждения) второразрядными произведениями массовой литературы и «вчерашним днем» польской поэзии.

²⁷ См.: *Николаев С. И.* Неизвестное издание поэмы С. Твардовского «Прекрасная Пасквалина» // Сов. славяноведение. 1984. № 6. С. 77—78.

²⁸ Из новой польской литературы о библиотеках XVII в. см.: *Korotaj W., Korotajowa K.* Książka literacka w polskich bibliotekach prywatnych XVI i XVII w.: (Na podstawie wybranych przykładów) // *Z dziejów życia literackiego w Polsce XVI i XVII w.* Wrocław, 1980. S. 221—246; cf. S. 247—259.

Когда в России началось знакомство с польской поэзией? Несомненно, не позднее начала XVII в., когда среди наводнивших Москву поляков оказались интеллигенты, а среди них и поэты, например Я. Петрицы. Однако следов этого знакомства обнаружить пока не удалось. Первые документальные свидетельства относятся к 1650 г., когда из Польши в Посольский приказ Г. Пушкин привез поэму С. Твардовского «Владислав IV», а Г. Кунаков две самые популярные книжки совизжальской литературы о проделках церковного служки Альбертуса.²⁹ Так одновременно произошло знакомство с высокой эпической поэзией и с литературой социальных низов. Подробные сведения за вторую половину XVII и первую треть XVIII в. собраны в упомянутом списке книг. Однако наш обзор и самый список завершаются не 1730 г., а началом 1740-х гг. Условной датой можно считать 1742 год — год выхода «Камерного каталога» библиотеки Академии наук. Объясняется это тем, что библиотеки деятелей Петровской эпохи (Феофан Прокопович, Феофилакт Лопатинский и др.) изучались по описям, составленным в 1730—1740-е гг.

Расширение хронологических рамок в данном разделе подтвердило правильность выбранной нижней даты исследования — 1730 г. («точная» дата, конечно, условна). Польскую поэзию перестают читать, следовательно, не могло быть переводов. Так, в упомянутом «Камерном каталоге» (1742) раздел «Поэзия» включает 570 названий. Здесь уже представлены первоклассные европейские поэты XVI—XVII вв.: Т. Тассо, Л. Ариосто, У. Шекспир, Д. Марино и др., но нет ни одной поэтической книжки на польском языке. Польская новолатинская поэзия представлена только Сарбевским: в конце раздела под № 554 и 555 значатся два издания его «*Lyricorum libri tres*».³⁰

Угасание интереса к польской поэзии характерно и для поэтов нового поколения, поэтов новой русской литературы. В парижской библиотеке А. Кантемира польской поэзии не было.³¹ В. К. Третьяковский, впрочем, в «Эпистоле от российской поэзии к Аполлону» (1735) высказался о польской поэзии доброжелательно:

Чрез тебя гласит стихом польская спесиво,
Иногда ж весьма умно и весьма утивно.³²

Но сравнительно с подробным обзором французской или немецкой поэзии в той же «Эпистоле» эта характеристика выглядит слишком краткой и невнятной. Одно беглое упоминание в предисловии к «Аргениде» о польском стихотворном переводе романа Баркляя позволяет считать, что Третьяковский знал перевод В. Потоц-

²⁹ См.: Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI ст. М., 1898. С. 31, 32. — Подробнее о судьбе этих книг см. гл. 2.

³⁰ См.: *Bibliothecae imperialis Petropolitanae*. P. 4, que continent libros philosophicos etc. 1742: Typ. acad. imp. sci. Vol. 1. P. 395.

³¹ См.: Александренко В. Н. К биографии князя А. Д. Кантемира. Варшава, 1896. С. 15—46.

³² Третьяковский В. К. Избр. соч. Л., 1963. С. 393.

кого,³³ а более пространный отзыв встречаем в «Способе к сложению российских стихов»: «Просветительская есть поэма, которую или о чем-нибудь бога молим, или ему какие обеты творим, или чего у высочайших лиц просим. Может она сочиняема быть и гексаметрами и строфами. Пример ее у Сарбиевия в кн. 20 (так! — С. Н.), который весь весьма достоин есть чтения».³⁴

Возможно, что М. В. Ломоносову была известна «Гражданская война» Твардовского (Калиш, 1681),³⁵ а в 1762 г. он брал в академической библиотеке какое-то сочинение Кохановского, вероятно, Яна (в списке кратко: «Кохановский»)³⁶

Несмотря на всю краткость этих упоминаний, можно полагать, что польские интересы Тредиаковского и Ломоносова — маргинальное, реликтовое явление в их литературной биографии, память о школьных годах обучения в Славяно-греко-латинской академии, о чем говорит и самый подбор авторов. Как известно, литературные интересы реформаторов русского стиха были обращены к Германии, Франции, Италии.³⁷

Литераторы нарождающегося классицизма не только охладели к польской поэзии, но и открыто пытались от нее отмежеваться. В некоторых списках стихотворений Кантемира четвертый стих эпиграммы «Автор о себе» читается «Что взял по-польски, — заплатил по-русски», а в окончательном виде — «Что взял по-галльски, — заплатил по-русски».³⁸ Совсем сурово и очевидно, из вторых рук (что уже показательно), высказался о польской поэзии автор компилятивной статьи «О стихотворстве» (1762): «Польский язык не был способен к стихам, и хотя оные и пишут, однако никто себя отменно не показал».³⁹

Заново польская поэзия была открыта в России только в начале XIX в. В середине и во второй половине XVIII в. ее читали и переводили исключительно в духовных училищах, но и там уже давали себя знать новые веяния в русской поэзии. Примечательно, однако, что архимандрит костромского Богоявленского

³³ «Не будет уже причины удивляться, чего ради она переведена на все европейские языки, а на польский язык еще и стихами» (*Барклай Д. Аргенда.* СПб., 1751. Ч. 1. С. XLVIII).

³⁴ *Тредиаковский В. К.* Соч. и переводы. СПб., 1752. Ч. 1. С. 151. Ср.: *Николаев С. И.* Произведения М. К. Сарбевского в России // *Сов. славяноведение.* 1986. № 2. С. 103.

³⁵ См.: *Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б.* Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975. С. 192.

³⁶ См.: *Коровин Г. М.* Библиотека Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 330, 425.
³⁷ См.: *Пумпянский Л. В.* 1) Тредиаковский и немецкая школа разума // *Западный сб.* М.; Л., 1937. С. 157—186; 2) Ломоносов и немецкая школа разума // *Русская литература XVIII—начала XIX в. в общественно-культурном контексте.* Л., 1983. С. 3—44; *Берков П. Н.* Литературные интересы Ломоносова // *Литературное творчество М. В. Ломоносова: Исследования и материалы.* М.; Л., 1962. С. 14—68.

³⁸ *Кантемир А.* Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 471—472.

³⁹ Цит. по кн.: *Материалы для истории русской литературы / Изд. П. А. Ефремов.* СПб., 1867. С. 189. Ср.: *Берков П. Н.* Русско-польские литературные связи в XVIII в. М., 1958. С. 22—25.

монастыря Феодосий (ум. 1780) читал «Метаморфозы» Овидия в польском переводе В. Отвиновского,⁴⁰ как за 100 лет до него Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев.

Поэт и перевод

Отношение силлабиков к польской поэзии можно выяснить либо по их высказываниям, либо по их переводам. Однако здесь сразу начинаются трудности. Так, известны хрестоматийные слова Симеона Полоцкого из второго предисловия к «Псалтири рифмовторной»: «Видех и на приискрнем нашему славенскому языку диалекте полском книги печатныя, Псалтир стихотворно преложенную содержащяя, не точию во странах полских, но и в царствующем граде Москве обносимыя. . . Мнози во всех странах Малыя, Белья, Черныя и Червоныя России, паче же во Велицей России, в самом царствующем и богоспасаемом граде Москве, возлюбше сладкое и согласное пение полския Псалтири, стиховно преложенныя, обыкоша тыя псалмы пети, речей убо или мало или ничтоже знающе и точию о сладости пения увеселяющесе духовне».⁴¹ Но именно эти слова стали хрестоматийными только по той причине, что никаких других аналогичных высказываний Симеона Полоцкого мы не знаем. Обычно не подчеркивается и характер этих слов, ведь это не просто отзыв, а необходимая в ряду других *causa scribendi*. То, что Симеон не назвал Яна Кохановского по имени, а Евфимий Чудовский догадался, о ком идет речь,⁴² говорит только о распространенности «Псалтыри Давида» в Москве и о начитанности русских литераторов. Мы вправе ожидать каких-либо отзывов, но поэты ничего не говорят о своих польских учителях и собратях по перу. Что польские авторы были для русских учителями, нам хорошо известно из курсов поэтики, в которых о Яне Кохановском говорится всегда с почтением. Но за пределами школы, в оригинальном творчестве, о польской поэзии (не говоря уже о любой другой) нет ни слова.

Обратимся к переводам. С одной стороны, в переводной поэзии (анонимной по преимуществу) мы не встречаем произведений, подписанных именами профессиональных поэтов, с другой — в творчестве профессионалов нет стихотворений с указанием на переводной их характер. Здесь мы имеем в виду творчество «классических» барочных поэтов (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карион Истомин и др.).

Обзор литературного наследия силлабиков показывает, что в их творчестве не было установки на перевод. Подтверждается это, в частности тем, что в «Рифмологие» Симеона Полоцкого помещена анонимная «Песнь из полского диалекта преведенная

⁴⁰ См.: ЦГИА, ф. 796, оп. 61, № 3, л. 6.

⁴¹ *Симеон Полоцкий*. Избр. соч. / Подгот. текста, статья и коммент. И. П. Еремина. М.; Л., 1953. С. 213.

⁴² См.: Остен: Памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865. С. 137.

на славенский о прелести мира». ⁴³ Польский текст и русский перевод (по списку ГПБ, Q.XVIII.79) были опубликованы В. Н. Перетцем. ⁴⁴ В результате он пришел к выводу, что это один из лучших переводов XVII в. и, добавим, превосходный образец перевода-компенсации (по терминологии С. Матхаузеровой), теоретически обоснованного Симеоном. ⁴⁵ Однако это то самое исключение, которое подтверждает правило. «Есть прелесть в свете» встречается только в рукописных песенниках и относится к особому виду лирического творчества (песня). О том, что этот текст предназначался именно для пения, Симеон Полоцкий мог знать хотя бы из имевшегося в его библиотеке «Небездельного безделья» В. Ковховского:

Bo inszać-że w klasztorze i w westalskim cieniu
Brzęczeć na klawikordzie i lichym grzebieniu,
Nućąc: «Jest zdrada w świecie». ⁴⁶

Хорошо известна тесная связь с польской литературной традицией Феофана Прокоповича и Стефана Яворского, ⁴⁷ но и в их лирическом творчестве нет переводов с польского.

Таким образом, профессиональные поэты XVII—первой трети XVIII в. хорошо знали польскую поэтическую традицию, в их библиотеках были лучшие образцы польской поэзии эпохи Возрождения и барокко, при необходимости они могли делать совершенные стихотворные переводы («Есть прелесть в свете»), но, как правило, не делали их. Однозначно и удовлетворительно объяснить этот феномен пока не представляется возможным, но все-таки можно высказать некоторые предположения. Нельзя, очевидно, сбрасывать со счета то обстоятельство, что маркированно «чужие» тексты могли умножить число обвинений в «латинской ереси». В частности, чудовский инок Евфимий прямо просил патриарха Адриана запретить «преводити полских книжищ бредни и в них крыемые терны, и расплодяти и рассевати тая на прелесть между чистыя слова божия пшеницы». ⁴⁸ Но основной причиной это, конечно, считать нельзя (ср. «Великое Зерцало» с его католи-

⁴³ См.: ГИМ, Синодальное собр., № 287, л. 423 и сл.

⁴⁴ См.: *Перец В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 1, ч. 1. С. 132—141.

⁴⁵ См.: *Матхаузерова С.* Две теории текста в русской литературе XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 274—278.

⁴⁶ *Poeci polskiego baroku.* Warszawa, 1966. Т. 2. S. 222; *Hernas C.* W kalinowym lesie. Warszawa, 1965. Т. 1. S. 115. — Ср. перевод С. Петрова:

Пускай в монастыре под сению весталок
Они гнусавят так, что сам напев их жалок:
«Коварен мир».

(Польская поэзия XVII века.
Л., 1977. С. 129)

⁴⁷ См.: *Łuźny R.* 1) *Teofan Prokopowicz a literatura polska: Z dziejów związków literackich polsko-ruskich na przełomie XVII i XVIII w.* // *Slavia Orientalis.* 1965. № 3. S. 331—345; 2) *Stefan Jaworski — poeta nieznaný* // *Ibid.* 1967. № 4. S. 363—376.

⁴⁸ *Горский А., Невоструев К.* Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2. Вып. 3. С. 501.

чески гипертрофированным богородичным культом, переведенное под царским патронатом). Ответ, скорее всего, следует искать в эстетической позиции силлабиков.

Прежде всего, в школьной практике русского барокко перевод еще не осознавался как вид творчества.⁴⁹ Его функции были иными — это было упражнение в поэтическом искусстве. Феофан Прокопович писал в «Поэтике» (1705), что это упражнение «состоит в том, чтобы передать произведение какого-нибудь писателя другим размером, — или на другом языке, или выразить более подробно то, что у него дано кратко или — наоборот, или же, наконец, прозаическую речь другого переложить в стихи. Это упражнение полезно не только для выработки стиля, но также и для такого способа подражания, посредством которого можно выдать за свои переживания другого писателя. Ведь таким образом нелегко обнаружить подражателя, а если он и будет обнаружен, то вовсе не станут порицать и считать, что он живет похищенным».⁵⁰ Подобные положения встречаются во всех поэтиках. Так, Феофилакт Кветницкий (кстати, его слушателем был Ломоносов) рекомендует упражнение *per interpretationis traductionem*, и в качестве иллюстрации приводит девять переводов на русский язык двух эпиграмм М. К. Сарбевского.⁵¹

Это упражнение предлагается в разделе о подражании (*de imitatione*). Феофан Прокопович под подражанием понимает, в частности, «прилежное занятие чтением авторов, с помощью чего мы стараемся уподобиться какому-либо выдающемуся поэту».⁵² Ана-

⁴⁹ Совершенно не изучена семантика слов, обозначающих перевод и переводчика в художественной практике XVII в.: преложитель, преложник, преводник, преводчик, преводитель, толковник, претолковник, толкователь и т. д., п(е)ревод, преложение, преведение и пр. В европейских литературах разные слова могли означать разный характер перевода, в том числе и польские *tłumaczenie, przekład, spolszczenie* далеко не равнозначны, см.: *Ocieczek R. Siedemnastowieczni tłumacze dzieł literackich o swym warsztacie twórczym // Literatura staropolska i jej związki europejskie. S. 277—291*. Только в отношении слов «толмач» и «переводчик» в XVII в. мы знаем, что в дипломатической практике они различались (это отражалось и на жалованье): первый переводил устно, а второй письменно, хотя, находясь в «заграничной посылке», переводчик исполнял и обязанности толмача. Это необходимо повторить, так как эти слова могут смешиваться современными исследователями: так, Ф. Б. Тарковский назвал Ф. Гозвинского толмачом (см.: Государев толмач Федор Гозвинский и его перевод басен Эзопа // Вестн. Ленингр. ун-та. 1966. № 14), между тем Гозвинский был как раз переводчиком. Вовсе не подозревая автора статьи в незнании значения этих слов, считаем, что стилистические изыски должны сочетаться с научной точностью. Подробнее о толмачах и переводчиках см. в кн.: *Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 54—55; Сергеев Ф. П. Русская дипломатическая терминология XI—XVII вв. Кишинев, 1971. С. 112—122.*

⁵⁰ *Феофан Прокопович. Соч. / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 353—354.*

⁵¹ См.: *Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. S. 141, 164—165, 167—168.*

⁵² *Феофан Прокопович. Соч. С. 581.* — О подражании и имитации в эстетике XVII в., в том числе и польской, см.: *Otwinowska B. Imitacja: Zagry problematyki i ewolucja pojęcia // Problemy literatury staropolskiej. Wrocław, 1973. Ser. 2. S. 381—458.*

лиз категории подражания в нашу задачу не входит. Для нас важно уяснение того, что как в отношении перевода, так и в отношении подражания силлабики твердо следовали школьной теории. Например, Филофей Красногорский в своей поэтике говорит о «словесном» (*ad verba*) подражании классикам тремя путями: путем перифрастических добавлений (*ab adjectione*), путем отъятия (*a detractiōne*) и путем подмены (*a commutatione*).⁵³ Сами эти приемы были выработаны, конечно, задолго до Филофея и широко применялись в XVII в. Это убедительно продемонстрировал А. И. Белецкий на материале «Вертограда многоцветного» Симеона Полоцкого: источник каждого отдельного стихотворения установить трудно, так как из-за «добавлений», «отъятий» и «подмен» на эту роль претендуют сразу несколько западноевропейских исторических сочинений. Вот некоторые результаты наблюдений А. И. Белецкого: «Одним из обычных приемов его пользования источниками было сокращение чужого текста, устранение из него всего не общечеловеческого»; «передача (сюжета. — *С. Н.*) одного какого-нибудь из них (источника. — *С. Н.*), и свободное изложение, причем его занимает не столько фактическая сторона (имен нет, только названия мест), сколько трагичность происшествия»; «самостоятельность Симеона вообще заключается в выборе материала, его расположении, иногда в его переработке, но редко в освещении, редко в мыслях».⁵⁴

Особенной любовью Симеона и других поэтов его поры пользовались добавления и перифразы. Несколько позднее Иоанн Максимович назвал этот прием «расширением» или «умножением словес».⁵⁵ Прием был так популярен, что перешел и в выговскую литературную школу, где был назван «ращением слов»⁵⁶ (в терминах риторики это будет *dilatatio*). У самого Иоанна Максимовича он был возведен в принцип, что создало ему уже среди современников репутацию графомана (см. отзывы Дмитрия Ростовского и А. Кантемира).

Таким образом, в литературной теории перевод служил исключительно целям подражания; иноязычному тексту отводилась прежде всего инспирирующая роль, сам же текст, особенно в «расширительных» переводах, менялся до неузнаваемости. Это естественное проявление барочного вариabilизма.

Рассмотрим другую сторону вопроса: авторское отношение к поэтическому тексту, а также его стилистическому оформлению. Вернемся к «Псалтири рифмотворной» Симеона Полоцкого. На протяжении долгого времени она была основным, если не един-

⁵³ Левин П. Барокко в литературно-эстетическом сознании преподавателей и слушателей русских духовных училищ XVIII в. С. 190.

⁵⁴ Белецкий А. И. Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории. Харьков, 1914. С. 43, 37, 35.

⁵⁵ См.: Иоанн Максимович. 1) Богородице дево. Чернигов, 1707. Л. 18; 2) Осм блаженств евангельских. Чернигов, 1709. Л. 1 об.

⁵⁶ См.: Поньрко Н. В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 154—162.

ственным аргументом в суждениях о влиянии польской поэзии на русскую и часто называлась (к сожалению, даже до сего времени) просто переводом «Псалтыри Давида» Яна Кохановского. Примечательно, однако, что Евфимий Чудовский, первым назвавший «Псалтырь рифмотворную» переводом, никаких доказательств не привел, хотя есть основания полагать, что, обнаружив таковые, он бы их перечислил. Более того, добросовестное сличение текстов Псалтыри (Симеона Полоцкого, Яна Кохановского, славянского текста, польского, латинского и др.) показало, что зависимость Симеона от Яна Кохановского сильно преувеличена.⁵⁷

Наиболее очевидно влияние польского поэта в области версификации — полностью совпадает построение 68 псалмов. Однако влияния на уровне стилистическом и интерпретационном практически нет. Выявленные места, где это влияние сказалось безоговорочно, для текста подобного объема слишком слишком незначительны, т. е. ренессансная концепция Кохановского не занимала Симеона. Об этом, между прочим, он заявил сам во втором предисловии к своему переложению: «Тоже известую, яко не подражах преводника полскаго во украшении пиитическом, ни в толковании еже противу еврейскаго, но держажся словес псалтирных всячески и разума толкования приличнаго. Се же не яко то не подобающе есть, но снисходя обычаю рода и страны: да не рекут противно быти правде».⁵⁸

Интерпретируя это заявление, мы не забываем, что оно направлено и против возможных и, действительно, появившихся «гаждателей». Но это второй план высказывания. Попробуем поверить словам Симеона, и вот что тогда получается.

Во-первых, отступления от славянского текста Псалтыри все же незначительны, и Симеон их специально оговорил: «Ниже да удивишия, читателю благочестивый, яко некая словеса и целыя стихи обрящещи приданы: сия бо суть во исполнение разума или стихов. А идеже некая речения отяшася, та за нужду, яко не вместишася в стихи мерою: обаче в разуме никако скудости деют. <...> Напоследок, яже узриши не истолкованна, не удивися: ниже бо намерение мое zde бысть до чиста псалмы толковати, но точию стихотворно превести я, с толиким изъяснением, елико вместитися может».⁵⁹ Таким образом, отступления от канонического текста вызваны чисто техническими трудностями, Симеон действительно хотел только облечь псалмы в стихи, т. е. просто зарифмовать их. По его представлениям, в создаваемой словесной культуре и Псалтырь должна занять свое место, как это сделано в других литера-

⁵⁷ См.: *Łużny R.* «Psałterz rymowany» Symeona Połockiego a «Psałterz Dawidów» Jana Kochanowskiego // *Slavia Orientalis*. 1966. № 1; *Смирнов Н.* Из литературной образованности XVII ст. // *Журн. мин-ва нар. просвещения*. 1894. № 12. С. 375—401; *Глокке Н.* «Рифмотворная псалтырь» Симеона Полоцкого и ее отношение к польской Псалтыри Яна Кохановского // *Киев. унив. изв.* 1896. № 9—11. С. 1—18.

⁵⁸ *Симеон Полоцкий.* Избр. соч. С. 214.

⁵⁹ Там же.

турах (см. второе предисловие). Это обстоятельство объясняет тогда и то, что вместе с Псалтирью Симеон зарифмовал и месяцеслов, что впоследствии чрезвычайно удивило Третьяковского: «В ней (в «Псалтири рифмотворной». — С. Н.) сие удивительно, что и святцы или месяцеслов церковный, состоящий в именах только святых, почитаемых в церкви на каждый день, сочинен также есть стихами».⁶⁰

Для Симеона Полоцкого главное — магия стиха как такового, и это никак не связано с именем Кохановского. Впрочем, последнее обстоятельство несколько не умаляет роли Яна Кохановского, но она сказалась в другом — польский поэт вдохновил Симеона, его инспирирующая роль в начале русского псалмизма несомненна и неопределима.⁶¹

Во-вторых, слова «сниходя обычаю рода и страны» можно понимать еще и в том смысле, что Симеон Полоцкий понимал разницу поэтических стилей в разных литературах, т. е. то, что каждому языку свойственны свой поэтический язык и свои поэтические традиции.⁶² Поэтому Симеон не подражал, да и не мог подражать Кохановскому «во украшении пиитическом».

То, что отличие поэтических стилей разных языков осознавалось старшими и младшими силлабиками, совершенно определенно видно из их двуязычного творчества. К сожалению, барочный полилингвизм русских поэтов изучен мало.⁶³ Исключение составляют работы, посвященные польско-русским биллингвам.⁶⁴ В них убедительно показано, что польские произведения Лазаря Барановича, Симеона Полоцкого, Феофана Прокоповича, Стефана Яворского полностью вписываются в картину польского барокко.

Большой интерес для нас представляют варианты одного и того же произведения на разных языках. Они хорошо известны, например, три версии (русская, латинская и польская) «Епиникиона» Феофана Прокоповича. Сличение показывает, что это не перевод одного текста, а три самостоятельных произведения, которые различаются, хоть и незначительно, даже по объему. Автор,

⁶⁰ Третьяковский В. К. Избр. произведения. С. 436.

⁶¹ Ср.: Pele J. Inspiratorska rola Jana Kochanowskiego jako twórcy literatury narodowej w krajach słowiańskich i ościennych w dobie baroku // Z polskich studiów slawistycznych: Literaturoznawstwo. Folklorystyka. Problematyka historyczna. Warszawa, 1983. Ser. 6. S. 167—175.

⁶² Ориентация на отечественные стилистические традиции в переводе была отчетливо сформулирована в начале XVIII в., см.: Николаев С. И. О стилистической позиции русских переводчиков Петровской эпохи // Русская литература XVIII в. в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 109—122.

⁶³ См.: Берков П. Н. Русские новолатинские и греческие поэты XVII—XX вв. (период первый — с 30-х гг. XVII в. по 30-е гг. XVIII в.) // Ann. de l'Inst. de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves. Bruxelles, 1968. T. 18. P. 13—54.

⁶⁴ См.: Лужный Р. 1) Издания на польском языке в литературе эпохи Петра I // Проблемы литературного развития в России в первой трети XVIII в. Л., 1974. С. 304—312; 2) Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. S. 108—141.

резко отзывавшийся в «Поэтике» о стилистике польской поэзии, в польской версии своего панегирика воспроизвел все особенности окказиональной политической поэзии, в том числе мифологические атрибуты инвокации, которых нет в русской версии.

Показательно сличение цикла Симеона Полоцкого «День и ночь»⁶⁵ с более ранней польской версией «Cztery części dnia».⁶⁶ Приведем соответствующие отрывки.

Gdy się w pół nieba wzbierzy Phebus złoty,
Posiłek bierze, spocznie od roboty
Strudzony człowiek, zwierzęta do wody
Lub w cień kwapią się, szukając ochłody.

Оже среде небесе солнце бег свой деет,
Палит нивы, а скоты лучми зело греет,
Иже в сени при водах от трудов хладятся,
Жнеци пищею и сном по трудах крепятся, —
Так естество отчески строит еже быти,
Закон всем пишет вещем нуждный сохрани.

В русской версии сохранено только общее содержание, полностью изменена стилистика и усилен второй, моралистический план. Кроме того, части дня в польской версии — 4-стишия, а в русской 6-стишия, причем в добавочном двустишии развернута как раз аллегорическая интерпретация.

Еще дальше расходятся «Стихии четыре» в двух версиях, ср.:

Огнь воде ратник, с кремene сечется,
в различни нужды людем придеается,
Сваряет пиццы, вкус благий дарует
невкусным ядем, в хладе пособствует.⁶⁷

Wszystko by ginąć bez czasu musiało,
By nie ode mnie łaski doznawało;
Ja, ogień, siadysz przy samym niebie,
Ciepłem wygadżam wszecch rzeczy potrzebie.⁶⁸

Исходя из положения, что текст — лишь вариант некоего инвариантного текста, который является вневременным феноменом, и шире, из положения о божественном происхождении творчества,⁶⁹ силлабики в отношении к переводу шли вслед за европейскими теоретиками.⁷⁰ Вариант создавался не только в оригинальном творчестве, но и в переводе, этим можно объяснить те учебные примеры, в которых иноязычное стихотворение имеет несколько

⁶⁵ Симеон Полоцкий. Избр. соч. С. 80—81.

⁶⁶ ГИМ, собр. Синодальное, № 731, л. 151; цит. по кн.: *Luźny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska*. S. 120.

⁶⁷ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 156.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 381, № 1800, л. 17—17 об.

⁶⁹ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 167—208.

⁷⁰ См.: *Bogowy W. Dawni teoretycy tłumaczeń // O sztuce tłumaczenia*. Wrocław, 1965.

переводов. Поэзия авторская и переводная практически отождествлялись, потому и не было точного перевода. По словам С. Матхаузеровой, поэт барокко «погружается в себя и из себя самого пытается объяснить мир, истолкованный до сих пор как бы извне. Знание о жизни становится его знанием, а событие — его событием». ⁷¹

Как известно, понятия авторства и плагиата не были развиты, пример тому — центаоны в русской поэзии XVII—начала XVIII в. Этим отношением к тексту можно объяснить и то, что А. Белобоцкий не только всю поэму «Пентатеугум», но и каждую ее часть обозначил как «творение Андрея Белобоцкого», причем тут нет, конечно, наивного желания «обмануть» читателя. Просто эта поэма на русском языке принадлежит ему так же, как на латыни принадлежала М. Радеру и И. Ниссе, а на польском — Я. Либицкому. ⁷² Аналогично поступил еще в первой четверти XVII в. кн. И. А. Хворостинин, чей полемический стихотворный трактат «Изложение на еретики» является переводом с украинского. Хотя в трактате есть и оригинальные фрагменты, по всему тексту размещены акrostихи с именем Хворостинина, причем так искусно, что встречаются в тех частях «Изложения», которые переведены чуть ли не дословно. ⁷³ То же можно сказать и о переводе латинских стихов из Библии Николая Пискаatora Мардарием Хониковым (Ханыковым), который пишет, что эта Библия «в Москве сочинена краткими виршами», хотя и отмечает позже, что «превод, <...> преведенный виршами». ⁷⁴ Из этих примеров очевидно, что в 70—80-гг. XVII в. поэтическое произведение на другом языке считалось другим произведением другого автора. В поэтической культуре только намечается «переход от коммуникации автор / читатель к типу автор / другой автор». ⁷⁵

Тем не менее представляется, что понятие поэтического перевода все же существовало для Симеона Полоцкого, ⁷⁶ но понимать его следует широко — как трансплантацию поэтической системы. Во всяком случае именно так он сформулировал свою задачу в пре-

⁷¹ *Mathauserová S.* Baroko v ruské literatuře XVII století // *Československé predn. pro VI mezinár. sjezd slavistu v Praze*. Praha, 1968. S. 256.

⁷² См.: *Горфункель А. X.* «Пентатеугум» Андрея Белобоцкого: (Из истории польско-русских литературных связей) // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 39—64. Ср.: *Чернов И. А.* Из лекций по теоретическому литературоведению. Барокко: литература / литературоведение. Тарту, 1976. С. 147—152.

⁷³ См. издания: *Савва В. И., Платонов С. Ф., Дружинин В. Г.* Вновь открытое полемическое сочинение XVII в. против еретиков // *Летопись занятий Археографической комиссии за 1905 г.* СПб., 1907. Вып. 18. С. 1—177; *Українська поезія: Кінець XVI—початок XVII ст.* / Упоряд. В. П. Колосова, В. І. Кречотень. Київ, 1978. С. 71—136.

⁷⁴ *Соколов М.* Славянские стихи монаха Мардария Хоникова к лицевой Библии Пискаatora // *Археолог. изв. и заметки*, изд. Моск. археолог. о-вом. М., 1895. № 9—10. С. 302.

⁷⁵ *Чернов И. А.* Из лекций по теоретическому литературоведению. С. 147.

⁷⁶ Симеон Полоцкий и Карион Истомино сделали несколько прозаических переводов, поэтому отсутствие явных поэтических переводов — отсутствие значимое.

дисловии к «Вертограду многоцветному»: «Аз многогрешный раб божий, его божественною благодатию сподобивыйся странных идиомат пребогаточетных вертограда видети, посетити и тех иресладостными и душеполезными цветы услаждения душежитительно вкусити, тщание положих многое и труд немалый, да и в домашний ми язык славенский, яко во оплот или ограждение церкви Российския, отгуду пресаждение корней и принесение семен боговдохновенноцветородных содею, не скудость убо исполняя, но богатому богатство прилагая, занеже имущему дается».⁷⁷ Повятно, что при подобном подходе к творчеству и к переводу конкретное произведение конкретного автора еще не получают автономного значения. Заметим также, что от уподобления винограда поэту один шаг до уподобления поэта богу.⁷⁸ Именно так сформулировал цель поэзии Симеон Полоцкий в юношеских записях лекций по поэтике: «Itaque nostra poetica nil aliud est nisi poema aut eloquium Dei ipsius est».⁷⁹

Эта барочная концепция писательского труда, не совсем, конечно, оригинальная, помогает понять и некоторые аспекты отношения поэта к книге. Стефан Яворский в приведенной выше элегии подчеркивает, обращаясь к книгам: «Вы богатство», «вы слава мне велика», «вы мене прославили, вы меня просветили», «вы мне <...> милость приобрели» и т. д. Наиболее выразительна запись Симеона Полоцкого на одной из латинских книг его библиотеки: «Fida sum Suppellelex Simeonis Piotrovsky Sitnianowicz, т. е. «Я есмь надежное вместилище знаний Симеона Полоцкого».⁸⁰ Книга не просто творческая лаборатория писателя, что в общем-то уже не было новым для России, — она часть его творческой личности.

Представленная нами довольно пестрая картина взаимоотношений «поэт и книга», «поэт и перевод», «поэт и стиль» нуждается, конечно, в дальнейших уточнениях и комментариях. Это несколько упрощенная и идеализированная картина, что объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, формализованная эстетика и художественная практика далеко не всегда совпадают, что необходимо учитывать при сопоставлении требований, постулированных в украинских и русских поэтиках, с литературным наследием русских поэтов XVII—первой трети XVIII в. Во-вторых, избранный нами период—период ускоренного развития литературы, эпохи новаций и реформ, поэтому различные тенденции (в том числе и отношение к переводу) не сменяли друг друга, а сосуществовали. По этим причинам мы остановились на наиболее показательных примерах, упомянули самых значительных ли-

⁷⁷ Симеон Полоцкий. Избр. соч. С. 206.

⁷⁸ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. С. 176.

⁷⁹ ЦГАДА, ф. 381, № 1791, л. 9; цит. по кн.: Hippiusley A. The poetic style of Simeon Polotsky. Birmingham, 1985. P. 7.

⁸⁰ Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII в. // Книга: Исследования и материалы. М., 1960. Сб. 2. С. 166. Примеч. 27.

тераторов. И все же имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать следующий вывод: силлабики старшего поколения (Симеон Полоцкий и его ученики) не занимались поэтическим переводом. Перелом по отношению к переводной поэзии намечается в самом конце XVII в., и только Кантемир, Тредиаковский и Ломоносов — первые поэты новой русской литературы провозгласили себя не просто поэтами, но и поэтами-переводчиками.

Из этого следует, что возникновение поэтического перевода в XVII в. не связано, как это ни странно на первый взгляд, с корпорацией профессиональных поэтов полонофильской по преимуществу ориентации. Какова была среда, в которой родился стихотворный перевод, нам предстоит рассмотреть в следующих главах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Дополнения к списку польских поэтических книг в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. ⁸¹

1. *Boleslawiusz K. Przeraziłwе echo trąby ostatecznej*. Poznań, 1670 (Estr., XIII, 241—243).
 - а) Из библиотеки Лаврентия Горки (ЦГИА, ф. 796, оп. 20, № 576, л. 191 об.).
 - б) Из библиотеки Синодальной типографии (ГБЛ, собр. Ундольского, № 1288, л. 80).
2. *Bratkowski D. Świat po części przejrzany*. Kraków, 1697 (Estr., XIII, 322).
 - а) Из библиотеки справщика Феолога (ум. 1722) (ГБЛ, собр. Ундольского, № 1288, л. 43).⁸²
 - б) Из библиотеки К. Петрова, «рыбацкого сына» (ГБЛ, ОРК, инв. № 14677).⁸³
 - в) Из библиотеки Иллариона Рогалевского («Братковский» — Описание документов и дел, хранящихся в архиве. . . Синода. Пг., 1915. Т. 18. Стб. 1042).
3. *Sarbievius M. C. Lyricorum libri tres*. Ulm, 1628 (Estr., XXVII, 126—127).

Из библиотеки А. А. Виниуса (ААН, ф. 158, оп. 1, № 212, л. 7 об.).
4. *Twardowski S. Wojna domowa*. Kalisz, 1681 (Estr., XXXI, 442—443).

Из библиотеки А. А. Виниуса (ААН, ф. 158, оп. 1, № 212, л. 2 об.).

⁸¹ См.: *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. и ее читатели. С. 172—179. — Указанные в этом списке среди неустановленных изданий две книги из библиотеки А. А. Матвеева (№ 57, 60) верно определены как книги В. Потоцкого и С. Кобежыцкого в кн.: Библиотека А. А. Матвеева (1666—1728): Каталог. М., 1985. С. 117 (№ 505), 157 (№ 697).

⁸² В статье, названной в предыдущем примечании (С. 173, № 4), сохранившийся экземпляр этой книги (ЦГАДА, Библиотека Синодальной типографии, № 2794) был учтен без указания владельца.

⁸³ См.: *Лабунцев Ю. А.* Распространение польских произведений Яна Кохановского. С. 75. Примеч. 6.

ПОЭЗИЯ И ДИПЛОМАТИЯ

На заре XVII в., в 1600 г., в Москву прибыл польский посол, канцлер Лев Сапега. На аудиенции у царя Бориса Годунова он от имени всего польского народа выразил желание жить с русскими в «согласии и вечной и нераздельной любви, как люди одной веры христианской, одного языка и одного народа славянского».¹ Мысль «о вечном согласии», собственно, и варьировалась в 24 статьях заключенного тогда договора. Однако уже события Смутного времени показали, что это утопия. Многолетние войны, украинский вопрос, пограничные конфликты — все это сделало польско-русские отношения основной проблемой внешней политики России на протяжении всего XVII века, отеснив на задний план даже турецкие и шведские дела. Начиная с середины XVII в. между Россией и Польшей ведутся непрерывные дипломатические переговоры, почти ежегодно страны обмениваются посольствами. Россия со второй половины 60-х гг., после Андрусовского перемирия (1667), стремилась учредить постоянную миссию в Польше — и наконец добилась этого в 1673 г. (хотя впервые В. Тяпкин для постоянного пребывания в Варшаву был отправлен в 1668 г., он не был принят в связи со смертью короля и возвратился в Москву). В 1673 г. в Москву прибыл польский резидент П. Свицкерский, а в Варшаву снова отправлен В. Тяпкин, который пробыл там до 1677 г. После его отъезда не было представителя до 1688 г.; потом они были уже постоянно.² От войн и конфронтаций Россия шла к миру и союзу с Польшей.

Русские дипломаты внимательно следили за внешне- и внутриполитическим положением Речи Посполитой. В Посольском приказе переводились сеймовые конституции, привилегии, королевская переписка, манифесты и т. д. Однако кроме официальных документов русские дипломаты внимательно следили и за польской публицистикой, а также окказиональной политической поэзией,

¹ См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 4. С. 360—363.

² См.: *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 65.

прямо не касавшейся русских дел. Для изучения общественного мнения в Польше именно эта поэзия давала самый благодарный материал. Брошюры и летучие листы откликались на самые различные политические события — «элекции», коронации, браки высокопоставленных особ, «виктории» и т. д. Окказиональные политические стихотворения писали не только ремесленники. В этом жанре подвизались практически все крупные поэты польского барокко — «сарматский Вергилий» Самуэль Твардовский, государственный деятель и заговорщик Ян Анджей Морштын, арианин Збигнев Морштыч, Вацлав Потоцкий, великий коронный маршал Станислав Гераклиуш Любомирский и многие другие. Трудно сказать, интересовала ли русских дипломатов при чтении проблема художественного качества, но именно всеядность переводчиков приводила к тому, что наряду со слабыми сочинениями в их кругозор попадали и произведения высокого уровня. При обнаружении же произведений, заключающих в себе «бесчестье государства московского», русские посланники требовали для авторов наказания вплоть до смертной казни. Вот характерный пример.

Основной целью посольства 1650 г. в Варшаву было поздравить Яна Казимира с избранием на престол и добиться наказания тех, кто неправильно писал титул «великого русского государя». Глава посольства боярин Григорий Гаврилович Пушкин — сын Гаврилы Пушкина, изображенного в «Борисе Годунове», — потребовал для авторов четырех книг с «бесчестьями» смертной казни, а кроме того, несколько городов и 500 000 золотых червонных.³

Какова же судьба книг? Г. Г. Пушкин писал царю, что договорились «те книги, которые есть в Варшаве, собрать, а собрав из книг < . . . > листы, на которых печатаю с безчестным предкам великим государем царем российским < . . . > и всему Московскому государству, выдрав, все пожечь < . . . > И те листы < . . . > ва рынку (т. е. на главной площади Старого Мяста в Варшаве. — С. Н.) позжены, а иные и все книги < . . . > А посылали мы тех книг жечь из ответные полаты дворянина И. Т. Фустова, подьячего В. Михайлова п переводчика И. Максимова. А павы рада посылали судей И. Залеского с товарищи. А жег те книги на рынку кат, < . . . > в то время многие были польские и литовские люди»,⁴ которые, кстати, говорили, что «лучше бы король с Московским государством мир разорвал или города уступил, чем такое великое бесчестье положено на Корону Польскую и Великое княжество Литовское: описание славных дел королей Сигизмунда и Владислава на рынке сожжено!»⁵

Во всей этой истории примечательно то, что одной из книг была поэма «Владислав IV» Самуэля Твардовского, крупнейшего

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 560.

⁴ Цит. по кн.: Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 32—33, примеч. 2.

⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 564.

польского поэта XVII в., создателя национальной эпопеи.⁶ Сохранилась обширная «перечневая» выписка тех мест, которые Г. Г. Пушкин считал оскорбительными для русского государства.⁷ Например: «Двулетним стоянием Смоленск взят и воевода Михайло Шеин меж иными стыскан и изыман; и какое разоренье Смоленску починили, что некоторые люди со страху в огонь метались и топились в воду, и церкви и дома свои зажигали; и как, взяв Шеина с иными полонениками, отослали до Варшавы, и Потоцкий остался в Смоленску воеводою, и многие неизчетные безчестные укоризны писабы Московского государства людем, чего и писать стыдно».⁸ Хотя были сожжены листы (в цитированной выписке указаны листы 6, 7, 9, 18, 20, 21, 22, 24, 25 и 26), читалась, несомненно, вся поэма целиком. Из заглавия — «Владислав IV, король польский и шведский» — не видно, что речь в поэме идет и о России, следовательно, либо наши дипломаты имели хорошую информацию о литературной жизни (т. е. знали, где и что искать), либо читалась подряд вся печатная продукция. Так, очевидно, и получилось с поэмой С. Твардовского, которая послужила русским дипломатам лишь для скупых выписок. Как и следовало ожидать, после сожжения поэмы весь тираж был моментально раскуплен поляками. Все хотели знать — что так оскорбило русских? В XVII в. об этом эпизоде писал и сам Твардовский в «Гражданской войне», В. Потоцкий в поэме «Хотинская война» и В. Кюховский в своих «Анналах».⁹

Память об этой экзекуции была так сильна, что десять лет спустя, проезжая через Польшу в Россию, барон Августин Мейерберг довольно подробно описал суть дела, справедливо заключив, что «память об их (книг. — С. Н.) содержании никак не стореда, напротив засияла ярче, озаренная таким пламенем. Потому что в людях возбуждено было любопытство узнать, что бы тут было такое, что столько хлопотали скрыть москвитяне, даже до того, что и попустивших это в огласку приговорили к сожжению».¹⁰

В том же 1650 г. из Варшавы вернулся, еще до отправления посольства Пушкина, царский гонец дьяк Григорий Кунаков. Он привез из Польши шесть книг, которые были «освидетельство-

⁶ См.: *Kubala L. Poselstwo Puszkina w roku 1650 // Kubala L. Szkice historyczne. Warszawa, 1923. Ser. 1—2. S. 123—152.*

⁷ Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб., 1861. Т. 3. С. 443—444. — Г. Г. Пушкин действовал здесь самостоятельно, так как книга вышла всего за две недели до прибытия посольства в Варшаву и еще не могла быть известна в Москве.

⁸ Там же, с. 444.

⁹ *Н. М.* [Рец. на кн.] *Czechowski H. Samuel's von Skrzypna Twardowski «Wojna domowa». Doktordissertation. Posen, 1894 // Киев. старина. 1895. Т. 49. Май. С. 96, примеч. 1.*

¹⁰ *Мейерберг А.* Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга к царю и великому князю Алексею Михайловичу // ЧОИДР. 1873. Кн. 3, отд. 4. С. 6.

ваны» в Посольском приказе.¹¹ Среди них оказались и две поэтических книжки: «Wurgrawa plebańska» и «Albertus z wojny», которые охарактеризованы следующим образом. «В пятой тетради напечатано: „Как выправлял (или высылал) ксендз Албертуса на войну. Внове напечатана лета господня 1649-го“. А про Московское государство никаких речей в той тетради не написано. В шестой тетради напечатано: „Как Албертус с войны пошел назад. Внове напечатана в Кракове лета господня 1649-го“. А про Московское государство в той тетради ничего не написано».¹² Таким образом, уже в 1650 г. московские дипломаты познакомились как с высокой эпической поэзией, так и с совизжальской литературой — сатирической литературой социальных низов. Примечательно, что «Владислав IV» хранился долго и значится еще в описи 1784 г. библиотеки Московского архива Коллегии иностранных дел,¹³ в то время как о книжках о «военных похождениях» церковного служки Альбертуса, старопольского Швейка, никаких упоминаний в описях этой библиотеки в XVII—XVIII вв. нет, очевидно, по той причине, что никакого интереса для дипломатов они не представляли.

Изучение фондов Посольского приказа показывает, что информация о борьбе партий, а также о русской тематике в польской поэзии год от года становится все более представительной. Можно предполагать, что связано это с учреждением постоянной миссии в Варшаве в 1673 г. при московском резиденте, стольнике и полковнике Василии Михайловиче Тяпкине. К этому времени в посольское «свидетельство» попадает все больше польских книг.

«Око всей России» — Посольский приказ — придиричиво смотрит за всем. Так, например, в 1672 г. русские послы потребовали убрать следующую картину в зале королевского дворца в Варшаве: «На одной стороне король с сыном, а на другой — гетман польский гонит московские полки, царь и бояре взяты в плен, связаны».¹⁴ Что касается окказиональной поэзии, то отметим следующее. Во-первых, привлекают внимание не только панегири-

¹¹ Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Т. 3. С. 416—417.

¹² Там же. С. 417. — Заключение переводчиков Посольского приказа верно, но не совсем точно. «Москва» один раз упоминается в книге «Wurgrawa plebańska»: «Wywał w bitwach pod Gdańskiem, w Moskwi, na Podolu» (цит. по 1-му изд., 1590 г., перепечатанному в кн.: *Literatura mieszczańska w Polsce od końca XVI do końca XVII w.* / Орган. К. Budzyk, Н. Budzykowa, J. Lewański. Warszawa, 1954. Т. 2. С. 160).

¹³ Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. Прил. С. СССXVII.

¹⁴ Соловьев С. М. История России. Кн. 6. С. 408. — Очевидно, это картина Томмазо Долабелло «Представление Василия Ивановича Шуйского с братьями на Варшавском сейме 1611 г.». См.: *Darowski A. Szkice historyczne*. Petersburg, 1894. Ser. 1. S. 33; *Адарюков В. Я.* Добавления и исправления к подробному словарю русских гравированных портретов Д. А. Ровинского (СПб., 1889) // *Старые годы*. 1910. № 2. С. 53; *Лулейко Е.* Варшавский замок. Варшава, 1980. С. 157, 162—163. Ср.: *Wójcik Z.* Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji: 1674—1679. Wrocław, 1976. S. 149.

ческие стихотворения с такими упоминаниями о русском государстве, которые можно было использовать в дипломатической практике, но и стихотворения, отражающие либо борьбу группировок в Польше, либо критикующие современное состояние Польши, политику магнатов, которая вела к созданию магнатской республики, независимой ни от короля, ни от шляхты, а в конечном счете привела страну в XVIII в. к национальной катастрофе. Собрать подобные сведения также вменялось в обязанность русским дипломатам. Еще в 1649 г. в инструкции Г. Кунакову говорилось: «А едучи ему дорогою и будучи в Польше и в Литве, проведати, а о чем проведати, и о том ему дано писмо по статьям: 1. Польского Яна Казимера короля паны рада польские и литовские любят ли, и нет ли на короля от них, или от иных кого, рокошу? <. . . > 7. Паны рада польские и литовские в совете ли, и нет ли меж ими какие розни?».¹⁵

Среди печатной продукции, поступавшей из Польши до резиденции Тяпкина, поэзия занимает довольно скромное место. Например, в 1670 г. в Посольский приказ поступили «Стихи, сочиненные на бракосочетание полского короля Михаила Коррибута с Елеонорою Мариєю Иозефою, княжною венгерскою, ерцгерцогинею австрийскою» (*Temberski S. Serenitas Claramontana. Kraków, 1669*), тогда же переведенные с латыни на русский язык.¹⁶ Но более всего их поступило при Тяпкине, который долго жил в Польше, завел широкие знакомства и сам внимательно следил за литературными новинками. Так, уже через несколько дней по его приезде в Варшаву он получил сочинение на польском языке, рассуждавшее о возможном избрании царевича Федора Алексеевича на польский престол (Тяпкин приехал в Варшаву в январе 1674 г., после смерти короля Михаила Вишневецкого).¹⁷

Русский резидент следил и за поэзией, различными путями приобретал интересующие его произведения и отсылал их в Посольский приказ. Известно, что 18 августа 1676 г. он отправил в Москву «Вирши на королевское величество»,¹⁸ а 15 сентября того же года «Писмо виршевное уставом полским».¹⁹ Названных текстов в архиве Посольского приказа найти не удалось, а по этим упоминаниям трудно установить, о каких именно «виршах» идет речь. Все же возможно восстановить весь процесс работы Тяпкина и русских переводчиков с польским поэтическим текстом, а затем и использования его результатов в русско-польских переговорах.

¹⁵ Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Т. 3. С. 368, 369.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 79, 1970, № 6 (л. 1—30 — латинский оригинал, л. 31—36 — русский перевод).

¹⁷ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. С. 505.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 417. — Здесь помещена роспись писем с сентября 1676 по ноябрь 1677 г. В самом письме к Л. Иванову, начальнику Посольского приказа, сказано: «Тут же на особном листу похвала поступкам королевского величества от его верных подданных по-полску» (там же, л. 307).

¹⁹ Там же, л. 417.

В январе 1676 г. вышла из печати «Польская муза на въезд Яна III в Краков» — анонимный панегирик, посвященный коронации Яна III Собеского,²⁰ которая состоялась 2 февраля этого года. Автором «Музы» был великий коронный маршал Станислав Хераклиуш Любомирский — видный государственный деятель и не менее крупный поэт второй половины XVII в. Под одной обложкой с «Музой» также анонимно был напечатан и панегирик Собескому Вацлава Потоцкого.²¹ Тяпкин прочел эту книгу и, видимо, остался ею недоволен, так как вскоре на просьбу великого литовского гетмана Михаила Паца прислать войска для помощи Польше ответил: «Не погневайтесь на меня, гетман, если скажу, что не стоите вы доброго слова царского, не только военной помощи, когда позволяете печатать такие злокозненные и укоризненные сочинения, как книга, изданная здесь в Кракове после уже коронации в типографии Петраковича».²² Пац «просил с великим прошением», чтобы резидент не посылал в Москву этой книги и вообще о ней не сообщал. Тяпкин, однако, отправил ее, но в дороге книга и сопроводительное письмо были перехвачены. У дома, где разместились русские дипломаты, был поставлен караул, Тяпкину запрещено было выходить на улицу, о чем он жаловался в письме А. С. Матвееву: «От меня зело скрываются и под смертью заказывают, чтоб со мною никто не виделся».²³

И все же «Муза» попала в Москву! Дело в том, что Тяпкин купил два экземпляра²⁴ и второй послал не сразу, а некоторое время спустя через В. Тимофеева, что видно из записи на сохранившемся экземпляре: «Василий Тяпкин» и ниже «Послано из Варшавы 184 июля 8 чрез Василья Тимофеева».²⁵ В этом экземпляре против стихов, в которых упоминается Москва или русское государство, чернилами поставлены кресты, очевидно, самим Тяпкиным или

²⁰ *Muza polska na wjazd Jana III do Krakowa*. Kraków, 1676. — См. об этом издании: *Piroyński J.* Nieznany wariant «Muzy polskiej» S. H. Lubomirskiego // *Biul. B-ki Jagiellońskiej*. Kraków, 1964. Т. 16/1. S. 5—12.

²¹ *Panegyryk najjaśniejszemu królowi a Panu swojemu miłościwemu*. Kraków, 1676. — Первая редакция 1675 г. перепечатана в кн.: *Trembecki J. T.* *Wirydarz poetycki / Wyd. A. Brückner*. Lwów, 1910. Т. 2. S. 158—170.

²² *Понов А.* Русское посольство в Польшу в 1673—1677 гг. СПб., 1854. С. 175. — Текст «Музы» цитируется далее по экземпляру Библиотеки им. Оссолинских (Вроцлав), шифр XVII—17038—IV.

²³ Там же. С. 192. Ср.: *Darowski A.* *Rezydent na dworze polskim w XVII w. // Darowski A.* *Szkice historyczne*. Ser. 1. S. 173—175.

²⁴ В письме от 3 апреля 1676 г. он писал, что заплатил «за две папшквилные книги, завомую „Музу“, по ефимку за книгу» (ЦГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 369). «Пашквилный» означает здесь отношение Любомирского не к Собескому, а к России.

²⁵ ЦГАДА, ф. 79, 1676, № 8, л. 1. — Дело озаглавлено так: «1676 февраля 1. Стихи печатные полские на въезд полского короля Яна третияго в Краков для коронования. Конца нет». Несовпадение дат — книга выслана 8 июля, пришла в Москву 18 августа (ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 481), а значит под 1 февраля, — объясняется, очевидно, тем, что дело задним числом «приурочили» к коронации Яна Собеского, которая состоялась 2 февраля. В. Тимофеев — подьячий Посольского приказа, см.: *Русский биографический словарь*. СПб., 1912. «Суворова—Ткачев». С. 536; *Веселовский С. Б.* *Дьяки и подьячие XV—XVII вв.* М., 1975. С. 514.

Тимофеевым, а возможно, и переводчиком Тяпкина Семеном Федоровичем Лаврецким. Отмечены, например, такие стихи: «Z niewierną Rusią tu trudzili zdrowie», «Ze się nam Moskal w posiełku nie zbliża»²⁶ и т. д.

В Посольском приказе был сделан выборочный перевод этих двух панегириков. Кроме отмеченных крестами стихов были переведены и такие стихи или строфы, которые к России отношения не имели.²⁷ Среди других в экземпляре Посольского приказа помечен крестиком первый стих 31 строфы («статьи», по принятой в Посольском приказе терминологии) «Музы» Любомирского:

Że Moskwę takie obleciały tchórze,
Nie same się też lęgną tam sobole,
Nie za Dniepr, ale uciekłyby za morze,
Kogo srogi strach śmierci w oczy kole.
Wróć się oni znowu na Podole,
W pieszczonem ludzie Tryonie zrodzeni
Wytrwać niewczesnej nie mogli jesieni.²⁸

Вся октава переведена неравносложными (от 9 до 13 слогов) стихами:

Что Москву тако бы облетели хори,
не сами там родятца соболи.
Не за Днепр, но ушел бы за море
ково велик страх смерти в очи колет.
Не вся Литва в таком позоре,
Возвратяца они паки на Подоле.
В нежном обиталищи люди урождени
вытерпеть несчастливой²⁹ не могли осени.³⁰

Переводчики более всего внимания уделяли, конечно, «укоризненным» стихам. Вот еще несколько строк из «Музы» в переводе:

Что к нам москвитин в помочи не спешит,
как обещал с нами сабли не случит,
ко общему отзываяся кресту.
Тот нам в казаках обычну патает веру,
претворяся в различную харю.³¹

Но переводились и такие места, какие имели отдаленное к ним отношение. Проиллюстрируем это большими отрывками уже из панегирика В. Потоцкого. Поскольку книга издана анонимно, то в переводе, который следует за переводами из «Музы», сочине-

²⁶ Muza polska. К. С. К. («С неверною Русью zde здравие трудили, Стократы там себя дороже учинили», «Что к нам москвитин в помочи не спешит, Как обещал сабли с нами не случит» — ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 482 об., 483 об.).

²⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 481—485 об.

²⁸ Muza polska. К. С.

²⁹ Исправлено, в рукописи: несчастливой. В польском тексте: «niewczesnej» (несвоевременной); переводчик прочитал это слово как «nieszczęsnej».

³⁰ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 481 об. — 482. — Это первая октава на русском языке (аванс).

³¹ Там же, л. 483 об.

ние Потоцкого названо «В той же книге в о с о б ы х с т р о к а х положено». В этих фрагментах Потоцкий, говоря о заслугах Собеского, уже прославленного в Европе победителя при Хотине (битва состоялась 11 ноября 1673 г.), описывает упадок Польши при прежнем короле Яне Казимире:

Даже до твоего взятия булавы
Никакой Корона польская не имела славы, //
паче безчестье и срамоту вечну,
когда все вкратце наследник растерял,
что Лех храброю рукою собирал.
Где Кошцы? Где столпы Болеславы железны?
Где Днепр? Где Черное, где Варяжское море?
Где победа Грунвальская? Где Собачье поле?
Стыдливы очи Пилавцами колет,
измечает голубь дважды отереблен
орлу на очи шведов с каплуны
и печальные Корсуни и Желтые воды,³² //
злословят фортуны.

Бог пусть на твоей венец утвердит главе
и скиптр, которой в твои дает длани.
Пусть благословит, чтобы такова слава
ныне тебя как прежде от булавы встречала,
а скончав житие, так ж благоволит —
на небе на престоле с святыми посадит,
и видел после себя и тешился, когда //
ов побивая турка, ов крепкого шведа,
ин дурную Москву, возвратятся с отместием в дом,
права дальнейшим написав народом.³³

Реакцию русского резидента на подобное освещение военной истории Польши от войн Б. Хмельницкого до 70-х гг. XVII в. предсказать нетрудно, и, как уже говорилось выше, сразу по выходе «Музы» Тяпкин высказал свое неудовольствие М. Пацу, а саму книгу с «отпискою» отослал в Москву. Письмо и книга были перехвачены, и сам Ян Собеский выговаривал Тяпкину: «Мы имеем ясные доказательства, что ты писал ссорные письма».³⁴ Польский король прекрасно понимал, что претензии русского резидента лишь предлог в дипломатической игре.

Прошло несколько лет, и панегирикам Любомирского и Потоцкого опять пришлось сыграть аналогичную роль. В ходе переговоров, которые закончились «вечным миром» 1686 г., польские послы в Москве подняли вопрос о возвращении Польше Киева. В. В. Голицын тут же перечислил целый ряд причин, по которым это состояться не может, в том числе были упомянуты и «пропуски в титуле царского величества», а также книги, «которые на уку-

³² Исправлено, в рукописи: горы.

³³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 484—485 об. — Ср.: Najświętszemu królowi. К. L₂v — М, О₂. В первом фрагменте три стиха не имеют второго с ним рифмующегося. Эти «холостые» стихи появились, очевидно, из-за небрежности переписчика, так как переводчик заботился о рифмах, которые не всегда заимствованы из оригинала.

³⁴ Попов А. Русское посольство в Польше. С. 189.

ризу всему русскому народу печатаются». «В книге, изданной Потоцким, помещены такие речи, что не только говорить, но и вспомнить страшно, например: „неверная Русь, дурная Москва, упрямый москвитянин“. И после таких нестерпимых, лютых и явных досадительств, — заключил В. В. Голицын, — можете ли вы, поляки надеяться когда-нибудь получить Киев? Возможен ли между нами вечный мир?».³⁵

Из этого примера характер использования поэтических произведений в дипломатических целях совершенно очевиден, и он ничем не отличается от действий Г. Пушкина в 1650 г. Откуда, однако, узнал Голицын, что В. Потоцкий был автором, а вернее, одним из авторов этого «пашквиля»? Думается, что источник атрибуции можно указать почти безошибочно.

В сатирическом цикле стихотворений, переведенном в Посольском приказе в 1677 г. (о самом цикле см. ниже), о «Музе» говорится следующее:

Сей волк³⁶ лукавый с своими злодеями,
что иво хвалят лстивыми «Музами».³⁷

... Киев с Смоленском вечно в руках ляжет
у царя за ту «Музу»³⁸ Потоцкого
и за прописки канцлера Паца, будто умнаго. !

Тож нам ныне прядет песнь Потоцкого,
ныне сладки суть стихи Сабеского.

таковых заветчиков, понеж благочестиваго
царя поносили, крови не желающего,
как ныне нелепая «Муза» Потоцкого
поет на него.³⁹

Поскольку ни автор этого стихотворения, ни Голицын не упоминают о Любомирском, действительном авторе «Музы» (панегирик Потоцкого припечатан к ней), именно этот цикл стихотворений можно считать источником атрибуции «Музы» для русских дипломатов. То обстоятельство, что атрибуция все же не верна или верна лишь отчасти, никак не умаляет значения кропотливой работы русских переводчиков по изучению современной польской литературы. В других случаях их атрибуция была безошибочна.⁴⁰

Неизвестный польский поэт, автор цитированных только что стихотворений, предугадал, кстати говоря, и реакцию русских на «Музу».

³⁵ Цит. по кн.: Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб. 1858. Т. 1. С. 158—160.

³⁶ В рукописи на поле: король.

³⁷ В рукописи на поле: песни.

³⁸ В рукописи на поле: книга.

³⁹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 495 об., 496.

⁴⁰ См.: Николаев С. И. «Небездельное безделье» В. Коховского в Посольском приказе // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 255—256.

1680-х гг.⁴⁵ Приведем для сравнения цитированную выше строфу по тексту песенника:

Там их литевские хоронгве витали,
главы в завоях од шабел лятали;
гетман Радзивил палашем едного,
взиол бунчук его.⁴⁶

* * *

Исключительно внутривосточной ситуации в Речи Посполитой посвящен и сатирический цикл, который был переведен в 1676—1677 гг.: «Перевод с полского писма до виршов, каковы писаны на беществе королю полскому, и королеве, и послу французскому, и бискупом и сенаторем, а присланы те вирши чрез виленскую почту в нынешнем во 185 [1676] году октября в 8 [день]».⁴⁷ Этот большой цикл (около 900 строк) представляет интерес не только для истории русской поэзии, но и польской, так как есть основания полагать, что он сохранился только в переводе, сделанном в Посольском приказе.

Оригинала не удалось отыскать среди печатных произведений, посвященных Яну Собескому, главному герою этого цикла.⁴⁸ Оригинал, однако, вряд ли был напечатан, в этом случае в переводе бы значилось как обычно в таких случаях, «перевод с полского писма с печатной тетради». Скорее всего Тяпкину в руки попала рукописная тетрадь, в которой были собраны стихотворения разных авторов (двух или трех).

Окказиональная поэзия того времени изучена довольно неплохо, но интересующие нас тексты в литературе не указаны. Не упоминает о них К. М. Гурский в исследовании «Король Ян III в польской поэзии XVII в.».⁴⁹ Не значатся они и в Картоотеке польской поэзии XVI—XVIII вв., составляемой по рукописным материалам в Институте литературных исследований польской Академии наук (Варшава).⁵⁰ Не был известен этот цикл и самому авторитетному знатоку польской окказиональной поэзии Ю. Новаку-Длужевскому, который не пишет о нем ни в библиографии старопольской окказиональной поэзии, составленной преимущест-

⁴⁵ В песне 44 строфы, это как раз та расширенная редакция «Думы», которая была переведена в Посольском приказе. Текст по рукописи ГПБ (собр. Погодина, № 1974) опубликован, см.: *Позднеев А. В.* Светские польские песни в русских рукописных песенниках XVII в. // *Польско-русские литературные связи.* М., 1970. С. 65—67.

⁴⁶ Там же, с. 66.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 486. — В данном разделе ссылки даются в тексте с указанием листов рукописи. Полностью стихотворный цикл опубликован в статье: *Николаев С. И.* Поэзия и дипломатия: Из литературной деятельности Посольского приказа в 1670-е гг. // *ТОДРЛ.* Л., 1989. Т. 42.

⁴⁸ См.: *Estreicher K.* Bibliografia polska. Kraków, 1930. Т. 28. S. 355—371.

⁴⁹ См.: *Górski K. M.* Pisma literackie. Warszawa, 1913. S. 1—187.

⁵⁰ Этими сведениями мы обязаны любезности составительниц каталога М. Захары и К. Мрочек.

венно по рукописным источникам,⁵¹ ни в шестом томе своего монументального труда «Окказиональная политическая поэзия в Польше», который посвящен второй половине XVII в.⁵² Таким образом, мы имеем дело с неизвестными произведениями польской политической сатиры. В самом этом факте нет ничего исключительного. В Польше при Яне Собеском ходило по рукам множество направленных против него сатирических стихотворений, которые, кстати, изымались и публично сжигались.⁵³ Неудивительно, что только в переводе некоторые из них и могли сохраниться. Вместе с тем находки и публикации польских сатирических стихотворений до сего дня не редкость в науке.⁵⁴

Для точной датировки и атрибуции цикла исчерпывающих данных нет, но все же возможна довольно убедительная «локализация» всего цикла в общеполитической обстановке в Польше. В тексте упоминается коронация Яна Собеского (л. 504 об.), которая состоялась 2 февраля 1676 г.; о царе Алексее Михайловиче говорится, что он уже умер (л. 495), поэтому датировка всего цикла 1676 годом сомнений не вызывает. *Terminus ante quem* дан в заглавии перевода: «Присланы те вирши чрез виленскую почту в нынешнем во 185 году октября в 8 [день]», т. е. 8 октября 1676 г. *Terminus post quem* можно извлечь из стихотворения «Поздравление Яну Третиему, королю полскому, возвращения его из французской земли в Варшаву 1676 году июля в 8 день» (л. 503 об. — 506 об.). Хотя Ян Собеский и не покидал тогда пределов Польши и это лишь намек на его профранцузскую ориентацию, можно полагать, что стихотворение написано после 8 июля 1676 г. Следовательно, цикл был составлен не ранее 8 июля и не позднее 8 октября 1676 г. Анализ цикла не только подтверждает такую датировку, но позволяет и уточнить ее.

Исследуемые тексты относятся к редкой разновидности сатирической поэзии, которую можно условно назвать, пользуясь термином Г. А. Гуковского, «солдатскими стихами». Трудно указать, к какой из нескольких существовавших тогда в Польше политических группировок принадлежит автор (или авторы), ибо весь комплекс текстов — безжалостная и беспощадная сатира на короля и королеву, на духовенство от папы до ксендзов, на гетманов, на сторонников короля и на его завязых противников и т. д.

⁵¹ См.: *Nowak-Dłuzewski J.* Bibliografia staropolskiej okolicznościowej poezji politycznej XVI—XVIII w. Warszawa, 1964. S. 65—78. — См. также раздел, посвященный Михаилу Вишневецкому (там же. С. 56—64). Отметим, что в библиографии учтены стихотворения, насчитывающие несколько строк.

⁵² См.: *Nowak-Dłuzewski J.* Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce. Warszawa, 1980. Т. 6. Dwaj królowi rodacy.

⁵³ См.: *Korzon T.* Dola i niedola Jana Sobieskiego (1629—1674). Kraków, 1898. Т. 3. С. 11. — На русском языке имеется основательная работа, в которой можно найти общую характеристику сатирической поэзии в Польше, см.: *Чернобаев В. Г.* Политические пародии в старой польской литературе и на Западе // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 255—333.

⁵⁴ См.: *Sliziński J.* Sobiescianum z roku 1674 // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce.* Warszawa, 1977. Т. 22. С. 203—205.

Автор только однажды говорит о себе, что он «мирской» и служит в армии 4 года (л. 493 об.), т. е. от начала польско-турецкой войны 1672—1676 гг. Во всех остальных случаях он выступает от имени войска: «нам, жолнером» (л. 487 об.), «а мы, квартяные» (л. 511); речь его явно звучит в военном лагере: «тогда просим вас, ксендзы, до обозу» (л. 510), а обращаясь к краковскому епископу Анджею Тшебицкому, автор укоряет его: «Сам бы ты, бискупе, нужды отведал, в войске побывав, трупе, умел бы ты, как жолнера почитать, сена не давать» (л. 509 об.). Одно из стихотворений называется «Ответ некоего служивого х королю» (л. 507 об. — 508), другое — «Ответ и мысль всего войска» (л. 508—509 об.). Во втором говорится, между прочим:

Пусть же слепит (Ян Собеский. — *С. Н.*) лестьцов-полковников,
ротмистров кормит, будто бы мясников.
Нас накормил часто мертвою кониною,
смрадную псиною.

.....
Так вы, тыране, что хлеб наш ядите,
только б нас в обоз, сами не глядите,
сами в банкеты, в вина и в бастры,
а нас на нож острый.
(л. 508, 509)

Значит, эти стихотворения возникли в среде «ратных людей» (л. 486 об., 497 об.), в солдатской массе, голодной и обнищавшей, которой государство задолжало уже несколько миллионов золотых платы («кварти», одной четвертой части доходов короля, отсюда и название войска — «а мы, квартяные»; хотя само название «квартиное войско» было отменено в 1658 г., оно еще долго держалось по традиции). Деньги и вообще казна упоминаются в цикле неоднократно. Это позволяет уточнить датировку цикла.

Значительное место в цикле отведено жене короля Марии Казимири, урожденной д'Аркьен, которая прибыла в Польшу в 1646 г. десятилетней девочкой в свите Людвиги Марии, жены Владислава IV. Три десятилетия спустя и она стала польской королевой, проводившей свою (иногда независимо и в тайне от короля) политику. К королеве в Польше относились крайне недоброжелательно и даже враждебно, небезосновательно считая ее главным проводником профранцузской линии в Польше.⁵⁵ Поэтому когда летом 1676 г. королева отправилась на лечение за границу, по всей стране поползли слухи, что она вывозит казну, а король тоской и ждет ее отъезда, чтобы окончательно погубить Польшу и бежать во Францию.⁵⁶ 21 июля 1676 г. королева в сопровождении короля

⁵⁵ Тяпкин, например, писал А. С. Матвееву, что при коронации о Марии Казимири, «стоя меж сенаторов и воевод, я наслушался много басен, их же неудобь возможно писати» (*Попов А.* Русское посольство в Польше. С. 172).

⁵⁶ См.: Описание жизни Иоанна Собеского, короля польского, сочиненное г. аббатом Кое. СПб., 1773. Ч. 2. С. 108—109; Arch. spraw zagranicznych francuskie do dziejów Jana III / Wyd. K. Waliszewski. Kraków, 1884. Т. 3. С. 275.

и посла Франции марсельского епископа Форбен Жансона выехала в Гданьск. В тот же день в Гданьск из Франции прибыл еще один посол — маркиз де Бетюн, женатый на сестре Марии Казимиры. Оценив ситуацию, он отговорил королеву от поездки, о чем доносил Людовику XIV 5 августа. В начале сентября королева в сопровождении двух французских послов отправилась в имение Собеских недалеко от Львова.

По нашему мнению, именно этот эпизод описан в первом стихотворении цикла:

Златы поляком лучи солнце испущает,
из Гданска едина к нам надежда приезжает.

Казну покраденную назад всю привезла.

(л. 487, 487 об.)

Если это допущение верно, то *terminus post quem* следует перенести на начало сентября 1676 г.

Можно уточнить и *terminus ante quem*. В цикле неоднократно упоминается Львов, одно из стихотворений называется «Песнь львовская, которую казаки сложили» (л. 490 об.). Судя по всему, лагерь, о котором идет речь в цикле («обоз»), — военный лагерь подо Львовом. Ян Собеский стал собирать там войска как раз в начале сентября, а сам прибыл туда 17 сентября, 25 сентября началась осада турками Журавно, где заперся Ян Собеский с армией. Осада окончилась 17 октября 1676 г. польско-турецким договором, по которому Польша перестала платить ежегодную дань, получила назад Подолию, которая отошла к Турции по бучачскому договору 1672 г.⁵⁷ Между тем в нашем тексте о военных действиях речи нет. Более того — король «сам за зайцы гоняет, а нам велит к бою. Ныне в Яворове (имение Собеского. — С. Н.) на удах сидит, на сельди глядит» (л. 510 об.), т. е. короля еще в лагере нет.

Эти наблюдения можно суммировать следующим образом. Сатирический цикл мог быть составлен в период с 8 июля по 8 октября, а завершен в лагере подо Львовом в первой половине сентября 1676 г. и, вероятно, сторонником Вишневецких, как умершего короля Михаила, так и Дмитрия Вишневецкого, польного (а затем и великого) коронного гетмана, с которым автор большей части стихотворений знаком и которого хотел бы видеть польским королем вместо Собеского:

Знаюся с польным коронным гетманом,
лучши жить станет з Дмитром, нежели с Яном.
Перво князь Дмитрий пусть себя исправит,
как гордость скинет, бог духа свята вправит.

(л. 502 об.)

⁵⁷ См.: *Woliński J. Z dziejów wojen polsko-tureckich*. Warszawa, 1983. S. 163—181.

Возможно, что весь цикл и есть упоминавшееся выше «Письмо виршевное уставом полским (т. е. рукописное. — С. Н.)», которое Тяпкин выслал 15 сентября 1676 г., а к 8 октября оно вполне могло попасть в Москву.

Датировка сочинений подобного рода должна быть очень осторожной, так как в них вообще, в том числе и в нашем, много противоречий, в частности хронологических. Это и «возвращение» Яна Собеского из Франции, хотя он там не был; «Песнь львовская» может быть отнесена к лету 1675 г., так как в 1676 г. королева там не была и т. д. В только что приведенном фрагменте также есть анахронизм — Д. Вишневецкий был польным гетманом до 2 февраля 1676 г., а после коронации Яна Собеского был назначен великим коронным гетманом, польным же стал Станислав Яблоновский, между тем датировка текста временем после 2 февраля 1676 г., т. е. после коронации, сомнений не вызывает.

Однако перед нами памфлет, а не историческое сочинение. Перевод сохранил нам то, что вообще редко попадает на бумагу — стихию устной культуры, то, что в фольклористике принято называть «слухи и толки». Отсюда не только хронологические сдвиги, но и явно преувеличенные слухи о распутстве короля, королевы и их приближенных, продажности, пьянстве и т. д. Вместе с тем в этом цикле видны все те противоречия, которые раздирали Польшу, проставлены все акценты, подробно описано настроение в армии и т. д. И самое главное, стихотворный цикл дает ответ на вопрос: кто есть кто в Польше сегодня, сейчас? Для той дипломатической деятельности, которой занимался Тяпкин, именно такая сиюминутная информация и была необходима.

Памфлет на потребу дня иногда освещает те явления, которые и не могут попасть в официозный отчет, да и появляется он зачастую быстрее. Русские дипломаты читали и то и другое, читали придирчиво и со знанием дела, что видно по «реальному», а иногда и «филологическому» комментарию к переводу.

* * *

С собственно художественной точки зрения чрезвычайно интересны переводы из книги Веспасиана Коховского «Небездельное безделье»,⁵⁸ сохранившиеся в двух списках.⁵⁹ Переведено — полностью или фрагментарно — 10 стихотворений, всего 209 строк. На этом небольшом материале можно показать характерные особенности техники посольских переводов (поэтика стихотворного перевода будет проанализирована в V главе). Прежде всего отме-

⁵⁸ *Kochowski W.* Niepróznujące próznowanie ojczystym rymem na Liryka i Epigramata polskie rozdzielone i wydane. Kraków, 1674. Ссылки даются на издание: *Kochowski W.* Pisma wierszem i prozą / Wyd. K. J. Turowski. Kraków, 1859. В скобках римской цифрой указана книга, арабской — стихотворение.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 389 об. — 398; кн. 181, л. 54 об. — 63 об. В этом разделе все переводы сочинений В. Коховского цитируются по первому списку с указанием листов рукописи; во втором списке текст записан в строку, без деления на стихи.

тим, что перед нами не вирши литературного подмастерья, а книга крупнейшего художника позднего барокко, поэта-патриота, создателя «Польской псалмодии», прославившей Яна Собеского; книга королевского историографа, чьи «Анналы» встречаются и в русских библиотеках конца XVII—начала XVIII в. — у кн. Д. М. Голицына и А. А. Матвеева.⁶⁰ В 70-х гг. XVII в. в Москве было по меньшей мере два экземпляра «Небездельного безделья» — в библиотеке Симеона Полоцкого⁶¹ и в Посольском приказе.⁶² Эротическая и религиозная лирика с характерным для Коховского налетом польского мессианизма не привлекла внимания переводчика, во всяком случае переведены только окказиональные политические стихотворения, которые были написаны в 1648—1674 гг.,⁶³ т. е. в первый период творчества Коховского, результатом которого и явилось «Небездельное безделье». Отметим, что именно эти переводы уже не могли быть актуальны с точки зрения дипломатической, к тому же и переведена книга спустя три года после ее выхода.

Чем же привлекло В. Тяпкина «Небездельное безделье»? Это ясно из записи, предвещающей переводы, в которой даются не только краткая характеристика книги, заглавие, но и выходные данные, вплоть до дня печати: «В книге печатной полской, какову ис Полши вывез подьячий Прокофей Возницын в нынешнем во 185 году февраля 21, на бесчестие государства московского во многих местех напечатано. А имянуется та книга в начале по написанию ея Лирика и епиграммата Веспасияна с Кохова Коховского. Се есть гусли или вирши похвалныи или хулительныи о разных вещех. Выдана и печатана та книга нынешняго Яна Третьего, короля полского, на имя сына его, королевича Якова, в Кракове в типографии и проторми Войтеха Горецкого, славной Академии краковской типографа, в лето 1674, октября в 6 день по новому» (л. 389 об.—390).⁶⁴ И действительно, стихотворения «на бесчестие государства московского» переведены, но это не единственная, хотя и большая группа. Это стихотворения I, 6; IV, 1, 6, 11, 20, 25; V, 15 и заключительное стихотворение всей книги. Иногда это вырванные из текста строки, где просто упоминается Москва, например, «в стихах на погребение Владислава короля» (I, 1):

Сиде орел белый,
царь над птицами смелый,
Вчера своими крылы в народы протранися,
Ныне смертию короля зле перья лишися.

⁶⁰ См.: *Луннов С. П.* Польская литература в русских библиотеках и частных собраниях XVII—первой половины XVIII века // Книга: Исследования и материалы. М., 1977. Сб. 34. С. 56; Библиотека А. А. Матвеева (1666—1728): Каталог. М., 1985. С. 117.

⁶¹ ЦГАДА, Библиотека Синодальной типографии, № 4232.

⁶² Экземпляр Посольского приказа обнаружить не удалось.

⁶³ *Turowski S.* Wespazjan Kochowski na tle współczesnym jako poeta. *Lwów*, 1908. S. 8—11.

⁶⁴ Отметим, что слова «хулительные» в польском тексте нет, оно внесено переводчиком, так как по названию невозможно узнать, какого характера там стихотворения.

Шей турски попирает,
Крым и шведов побивает.
Упрямую Москву так нохтями согнет,
в которых уловленное нимало не дохнет.

(л. 390)

Эти 8 строк переведены из стихотворения, в котором 60 строк. Переводчик сделал выборку из-за упоминания Москвы, причем упоминания «укоризненного». Другие стихотворения переведены почти полностью. Это «Победа над Шереметем» (IV, 1), описывающая победу поляков под Чудновым над русскими войсками, которые возглавлял В. Б. Шереметев, и стихотворение «На похвалу Чернецкому» (IV, 6). Это не просто панегирики, но и батальные картины. Таким образом, переводы можно считать первыми опытами на русском языке в жанре «эпипикона»:

Приемлет ведомость государь великий,
что воеводу⁶⁵ и его стольники //
славных витезей Чернецкой бьет губя,
аки ястреб ярый безсилна голубя.
уж рука его в добываньи Вилна
неприятелем к здаче ныне силна,
а ляховичи когда выручает,
все поля московскою кровию сливает.
Не менши храбра помятует Бася,
когда Долгорукому зашол от Спаса,
воевода с войсками насилу с погрому
ушол, растеряв людей, предал их полону.
Он же на Белой Руси воевать не дает,
а Хованскому и ума не стаец —
и бога хулит и Николу лаец,
что стрела его напрасно летаец.

(л. 394—394 об.)

Этим стихам о победах С. Чернецкого над русскими в 60-х гг. в определенном смысле противостоит другая батальная картина — «Песнь 15⁶⁶ о Серке, как в Крым ходил» (V, 15). Это, кстати, единственное стихотворение, переведенное полностью. Связано это с тем, что судьба кошевого атамана запорожских низовых казачков Ивана Серка постоянно интересовала русское правительство, а за описанный поход 1667 г. на Крым Серко получил от царя похвальный лист.⁶⁷ Этим и объясняется, по нашему мнению, полный перевод стихотворения, лишь косвенно связанного с русско-польскими делами.

Еще два стихотворения вообще не имеют отношения к России и посвящены внутрисполитическим событиям Польши. Первое — «Посмеятельные слова жолнером полским» (I, 6), второе — гневная инвектива «Как полское войско отступило от короля Яна Ка-

⁶⁵ Исправлено, в рукописи: воевода.

⁶⁶ Исправлено, в рукописи: 25.

⁶⁷ См.: Русский биографический словарь. СПб., 1912. «Суворова — Ткачев». С. 242.

зимера, а поддались шведом под Краковом в лето 1655» (I, 20). В первом, правда, упоминается кн. Ю. И. Долгорукий, но не это упоминание привлекло переводчика. Сравнивая по объему эти стихотворения, переведенные почти полностью, со стихотворениями «укоризненными», в которых переведены лишь интересующие строки, мы приходим к выводу, что эти два текста переводились именно как сатирические, как обвинения шляхты в пьянстве, в продажности, в предательстве и т. д.

Великого бесчестья пота не лишимся
и вечного срама, покамест движимся;
никоторой никогда век наш не укроет,
и николи нам мутен Днепр не обмоет
греха, которой нас ныне осквернил,
что поляк государю своему изменил.

(л. 391 об.)

Чтобы яснее увидеть и осознать место этих сатирических стихотворений, которые занимают почти треть переводов из «Небездельного безделья», приведем следующее наблюдение. Дело в том, что переведены были не все места, которые можно считать «укоризненными», всего мы нашли еще 11 таких мест.⁶⁸ Трудно подозревать посольских переводчиков в небрежении своим долгом. Напротив, Коховский и в Польше вряд ли имел более внимательных и памятливых читателей. Вот ничем, казалось бы, не примечательные 4 строки из 38-строчного панегирика «каштеляну краковскому» Анджею Ольшовскому:

В то время, когда два взапуски борцы скоряе
один перед другим прибегали к мете ближае,
твоя им «Ценсура» стать повелевает —
не чюжеземец, но свой пусть власть достигает.

(л. 396)

И комментарий к ним: «„Ценсура“: выдана была книга латинским писмом про выборных на королевство полское, между которыми на государское имя блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, речи напечатаны непристойны, и о том полским камисарам на посольских съездах выговаривано, и полские комисары от той книги, что называется „Ценсура“, отпирались, что // та книга печатана не в их государстве. И имени у той книги, кто выдал и где и которого году и числа напечатана, нет. А ныне в тех похвалных стихах, написанных ему, Андрею Олшовскому, объявилось, что та книга латинская, что называется „Ценсура“, его, Андрея Олшовского» (л. 396—396 об.).

Этот пример, как и описанная выше атрибуция «Музы» Любомирского, ясно показывает, сколь «копотливая» работа по изуче-

⁶⁸ См.: I, 25; III, 4; IV, 1, 2, 6, 16, 30; V, 9. «Укоризны» остались непере-
реведенными даже в тех стихотворениях, которые частично были переведены,
следовательно, механический пропуск исключается.

нию польской публицистики велась в Посольском приказе, и упоминавшиеся выше пропущенные места были, конечно, не пропущены по недосмотру, а просто опущены, так как и из переведенных стихотворений можно было получить представление о характере книги. Если мы учтем, что книга была переведена три года спустя после ее выхода и поэтому не содержала актуального материала, так как некоторые описанные события относятся к 40—50-м годам; если учтем наличие сатирических стихотворений, не имеющих никакого отношения к русской тематике, то складывается впечатление, что мы имеем дело со своего рода рефератом, рецензией поэтической книги, выполненной столь изощренным способом.

Посольские переводы были не первой, но исключительно важной страницей в истории русского стихотворного перевода, хотя бы с точки зрения его техники. К каждой группе текстов переводчик подходит по-разному. Так, небольшие фрагменты с «укоризною» переведены точно, почти слово в слово: «Uproną Moskwę tak razurę ściśnie, W których ujęty obłow ani piśnie» (I, 1) — «Упрямую Москву так нохтями согнет, в которых уловленное нимало не дохнет» (л. 390); или немного объяснены, перетолкованы: «Moskwa < . . . > do nas ciągnie dla obłowu» (IV, 11) — «Москва < . . . > идет полонить *поляки*» (л. 395). «Победа над Шереметем», «Песнь о Серке» — уже более свободные переводы, переводчик объясняет или переставляет некоторые стихи, вводит свои рифмы, смелые переносы, которых нет в оригинале; заметна тенденция не к построчному переводу, а к строфической корреляции. А в сатирических стихотворениях, особенно в «Посмеятельных словах жолнером полским», переводчик не только виртуозно справляется с «вертоглавными концептами» Коховского, но и выступает здесь его соревнователем, вводя свои, исключительно смелые метафоры (см. гл. 5). Таким образом, характер текста определяет как технику, так и поэтику его перевода.

* * *

Посольский приказ на протяжении всего XVII века был литературным центром,⁶⁹ подвизались в нем и поэты, например Алексей Романчуков, который занимался литературным творчеством как частный человек,⁷⁰ к этому же кругу относится и самозванец Тимофей Акундинов. Но эта школа исчезла после никоновской реформы, и хотя традиция была жива, к приказной школе 30—40-х гг. нельзя возводить переводы, сделанные в 70-х.

⁶⁹ См.: Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244; Морозов Б. Н. Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII—начале XVIII вв.: Архив переводчиков Посольского приказа // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 107—124.

⁷⁰ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 35—42.

Прежде всего, переводчики этого времени в основном иноземцы на русской службе, хотя среди них и русские, в том числе и поэты (Л. Т. Голосов). Так, в 70—80-х гг. в Посольском приказе польский язык знали Семен Лаврецкий, Григорий Кульчицкий, Иван Гуданский, Гаврила Дорофеев, Иван Васютинский (в 1677 г. они перевели «Великое Зерцало»), Стахей Гадзаловский (в 1685 г. перевел «Гиппику»), Степан Чижинский (в 1691 г. перевел «Выдание о добронравии» Яна Жабчица), Петр Долгово и Иван Тяжкогорский. Латинский язык знали также Леонтей Гросс, Юрий Гивнер (Hübner) и Николай Спафарий. Напомним, что в эти годы в Посольском приказе было в среднем около 20 переводчиков, в том числе с польского 3—4.⁷¹

Пока нет возможности указать, кто именно какие стихотворения перевел, поскольку все они рассматривались как документы («вести» или «авизы») и читались наряду с дипломатической перепиской, сеймовыми конституциями, универсалами, политическими сочинениями. Поэтому неизбежен и тот комментарий, которым они снабжены. Впрочем, иногда он носит чисто индивидуальный, «читательский» характер, что очень важно.

Кроме жанровой новизны отметим другую особенность, касающуюся поэтики барочной поэзии. Характерна жалоба Тяпкина, что ему трудно достать верные сведения, потому что «много составных проектов рассевают каждый по своему желанию чрез обычные свои вертоглавные концепты».⁷² Эта фраза поистине замечательна, ибо она свидетельствует о знакомстве Тяпкина, хотя бы практическом, с теорией концептизма. Тяпкин был человеком образованным, знал польский и латынь, а сын его, который и учился в Польше, однажды произнес столь искусную речь по-латыни, что Ян Собеский наградил его сотнею золотых червонных и 15 аршинами красного бархата.⁷³ Таким образом, барочную поэтику и риторiku они знали и понимали, и «вертоглавный» не значит невразумительный, а то, что концепт для прямолинейного толкования сложен, недаром, кстати, наши дипломаты вступали в «филологические» споры с польскими дипломатами, толкуя значение того или иного слова. И награду сын Тяпкина мог получить лишь в том случае, если превосходно владел «вертоглавными концептами». Тяпкина они не устраивали как дипломата, а не как человека определенной культурной системы.

Переводчики успешно справлялись со своей задачей. Сапфические строфы, межстиховые переносы не представляют для них трудностей. Единственная особенность — нигде не выдержан изосиллабизм, что и для польских, и для русских профессиональных поэтов уже было нормой. Относительный силлабизм напоминает, кстати, о приказной школе 30—40-х гг. XVII в. Может быть, здесь наблюдаются отголоски этой школы. Напомним, что как раз в 70—

⁷¹ См.: Белокуров С. А. О Посольском приказе. С. 136—138.

⁷² Соловьев С. М. История России. Кн. 6, т. 12. С. 518.

⁷³ Там же. С. 521.

90-х гг. составляются сборники, куда включаются стихотворения приказных поэтов второй четверти XVII в., т. е. это была живая поэзия.

Переводчики Посольского приказа не были скованы школьными правилами и эстетическими запретами, о которых шла речь в предыдущей главе. Перевод был для них работой. Они то переводили, скажем, «Книгу конской езды», а потом «вертоглавые концепты» Коховского, и это было для них в принципе одно и то же. Однако свою специфику стихотворный перевод имел. Он был выборочен не только в том смысле, что выбирались, естественно, нужные места для перевода, а в том, что в оригинале выскивалась основная идея, смысл, которая передавалась свободно — брались стихи или полустихия из разных мест оригинала, при этом делались пропуски и даже добавления. Такой перевод является точным и ясным сокращением, чем-то вроде резюме оригинала. Однако отметим, что эта тенденция ощутима лишь в переводе стихов нейтральных или сатирических, тогда как стихи информативные (с «бесчестьем») переводятся точно, вплоть до пословного перевода.

Итак, в XVII в. стихотворным переводом занимались исключительно одни служащие переводчики, прежде всего Посольского приказа, а отчасти и Печатного двора. Литературное творчество — это их служебная обязанность.

Переводы польской политической поэзии уже в силу своей специфики не могли получить широкого распространения, однако перевод латинских стихов на въезд Яна Собеского в Варшаву, присланных Тяпкиным, читается в одном сборнике ГПБ среди слов на праздники и высокопраздничные дни Димитрия Ростовского, Феофана Прокоповича и др.⁷⁴ У сына царя Алексея Михайловича, Алексея Алексеевича, было «Описание коронации польского короля Михаила». В 1691 г. переводчик Посольского приказа С. Ф. Чижинский, известный также в истории русского театра, перевел сборник ритмизованных афоризмов Я. Жабчица «Выдание о добронравии», который известен сейчас в 14 списках, и т. д. Эти данные, далеко не полные, говорят о том, что произведения, переведенные в Посольском приказе, могли распространяться и распространялись, самый яркий тому пример — «Великое Зерцало». Это относится и к переводным стихотворениям. Дальнейшие разыскания, очевидно, подтвердят это.

* * *

Несомненной заслугой приказной школы стихотворного перевода является практическое усвоение жанровой системы польской поэзии. Дело в том, что в генеологии русской поэзии XVII в. не

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 520—522; ГПБ, Соловецкое собр., № 927/1037, л. 277—278 об.

нашлось места для окказиональной политической поэзии.⁷⁵ Переводчики столкнулись с жанрами для них новыми, которым аналога на русской почве не было. Посольские переводы — поэзия чужая, но не чуждая, и, вероятно, она в определенной степени замещала отсутствующие русские жанры — подобно украинской поэзии⁷⁶ или польским песням.⁷⁷ В таком случае понятно, почему «Песнь о Серке» В. Коховского переведена полностью, ведь именно за этот поход Серко получил похвальный лист от царя. Не случайно то, что первые стихотворения о русских победах написаны поляками на польском языке (П. Терлецкий, П. Болест). Попытки русских поэтов создать аналогичные стихотворения на русском языке в 90-х гг. XVII в. (Карлон Истомин и др.)⁷⁸ оказались практически бесплодными, причем дипломаты все это время продолжали следить за европейской стихотворной публицистикой.⁷⁹

Как известно, XVII век — время прилива в литературу деловых жанров, тесной связи литературы и делопроизводственной письменности.⁸⁰ В деятельности приказной школы стихотворного перевода эта граница почти неуловима. С одной стороны, это по природе своей поэзия, и иногда поэзия высокого уровня. С другой — документы, которые находятся среди королевской переписки, конституций сеймов, статейных списков и др. Поэтому в качестве документов стихотворения имеют и «подстрочные примечания»: «Бахус — винной бог»; «Кениксмарк — генерал швейцарской»; «снопок — герб прежних королей польских»; «Таурика — Крым» и т. д. Язык переводов — это язык деловой письменности, а не литературный язык той эпохи. Итак, функционально это документы, но некоторые переводы создавались уже как литературные произведения, и тут жанр теряет связь с узкоделовыми функциями.

Здесь мы подходим к вопросу, на который точно ответить пока не представляется возможным: для кого делались эти переводы, если они уже в силу своей специфики не могли иметь широкого распространения? Очевидно, что не для представления польским комиссарам — для этого достаточно «перечневой выписки». Оче-

⁷⁵ См.: Панченко А. М. 1) Несколько замечаний о генеологии книжной поэзии XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 236—246; 2) Русская стихотворная культура XVII в.

⁷⁶ См.: Каган М. Д. «Вирши об обороне Чигирина от турок» // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 435—444.

⁷⁷ См.: Позднеев А. В. Светские польские песни в русских рукописных сборниках XVII в. С. 56—70.

⁷⁸ См.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970; Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII в.: Литературные панегирики. М., 1983.

⁷⁹ См.: Богословский М. М. Петр I. М., 1941. Т. 2. С. 163—164; Николаев Н. И., Николаев С. И. Латинское стихотворение 1698 г. в честь Петра I // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 254—261.

⁸⁰ Лихачев Д. С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Славянские литературы. VII междунар. съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973. С. 160—177.

видно, что и не для себя, ибо подбор текстов тенденциозен, да такие переводы и не могли бы попасть в делопроизводство. Может быть, они делались еще и для самого царя и зачитывались ему, но не так, как «приветства» Симеона Полоцкого, а как «вести-курранты», а возможно, и вместе с ними.

Посольские стихотворные переводы во всем противостоят литературной продукции элиты, во главе которой стоял Симеон Полоцкий. Их жанр, язык, даже неравносложность стихов, как нам кажется, противостоят принципам школы Симеона Полоцкого, в частности изосиллабизму. Это была еще одна партия строителей культуры, которая новую культуру описывала на «новом» языке. Однако настоящую победу эта партия одержала позднее, в эпоху Петра I, когда последний в своей культурной политике начинает ориентироваться на тип писателя противоположный Симеону Полоцкому — на чиновника, литературного поденщика.⁸¹ Тогда и получила признание «копотливая» работа переводчиков Посольского приказа, в частности над польской поэзией В. Коховского, С. Х. Любомирского, В. Потоцкого и безымянных поэтов. Недаром Петр I, возвращая перевод «Географии генеральной» Б. Варения Ф. Поликарпову, передал через И. А. Мусина-Пушкина: «Высоких слов славенских класть не надобят, но Посольского приказу употреби слова»,⁸² имея в виду поэтическое и прозаическое творчество литературных поденщиков XVII в. В этом и состоит национальное значение переводческой школы Посольского приказа.

⁸¹ Панченко А. М. Славянские связи и национальные традиции в русской литературе на рубеже XVII—XVIII веков // Там же. С. 225—238.

⁸² Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом // Рус. архив. 1868. № 7—9. С. 1055; ср.: Живов В. М. Новые материалы для истории перевода «Географии генеральной» Бернарда Варения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 3. С. 246—260.

ПЕРЕВОДНАЯ ПОЭЗИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Деятельность приказной школы стихотворного перевода, описанная в предыдущей главе, представляется наиболее ярким эпизодом в истории стихотворного перевода XVII в. Для такой оценки необходим, конечно, ответ на вопрос: как соотносится деятельность приказных переводчиков с переводной поэзией того времени, прежде всего с польского языка? Ответить на него можно будет только после рассмотрения всех нам известных переводных памятников, так как уже беглое сравнение приказных переводов с «Пентатеугомом» А. Белобоцкого, наиболее известным поэтическим переводом конца XVII в., показывает, что мы имеем дело с разными приемами перевода, разным подходом к тексту, отличными способами передачи рифм и пр.

В данной главе, которая отчасти будет носить обзорный характер, будут рассмотрены самые разнообразны памятники, от фрагментов в 2—4 стиха, переведенных в составе прозаического произведения, до огромных сочинений, насчитывающих сотни и тысячи строк; поэзия дидактическая и «практическая» (лечебник, гадательная книжка и пр.), стихотворения анонимные и широко известных авторов. В ходе рассмотрения разновременных памятников второй половины XVII—начала XVIII в., которые можно назвать школой поэтического перевода, мы подойдем и к проблематике переводной поэзии собственно петровской эпохи.

В начале обзора следует отметить, что первые стихотворные переводы в XVII в. были сделаны не с польского языка, во всяком случае такие не обнаружены. В 1620-х гг. с украинского языка был переведен уже упоминавшийся трактат И. Хворостинина, а в конце 1630-х гг. московские бояре заказывали переводы стихотворений Пауля Флеминга,¹ которые если и были сделаны, до нас не дошли. Но сами эти факты говорят о том, что в 1620—1630-х гг. вопрос о самой возможности стихотворного перевода был решен, и решен положительно. Надо надеяться, что со вре-

¹ Эти сведения из неопубликованной части исследования о Флеминге в России сообщил нам ныне покойный академик М. П. Алексеев.

менем найдутся и переводы с польского, относящиеся к началу XVII в.

Пока первым стихотворным переводом с польского можно считать «Совет воинский», который является и самым большим по объему до конца XVII в. — в нем более четырех тысяч строк. Около 1576 г. поэт-геральдист, историк и моралист Бартош Папроцкий (ок. 1543—1614) перевел на польский язык с латинского сборник басен Николая Пергамена «Dialogus creaturarum moralisatus iocundis fabulis plenus», созданный в Ломбардии в XIV в. и неоднократно издававшийся с 1480 г. В XVI в. появились голландский, английский, французский и польский переводы. Перевод Папроцкого выходил три раза (во всех изданиях отсутствуют выходные данные). Одно из изданий, кстати, оказалось в библиотеке Симеона Полоцкого—Сильвестра Медведева.² Однако еще до Симеона Полоцкого эта книга привлекла внимание русского читателя, так как единственный сохранившийся список «Совета воинского» (это очень удачный перевод названия «Koło guserskie» Папроцкого) датируется 1650—1660 гг.³

Этот список, указанный в свое время А. И. Соболевским,⁴ является автографом переводчика. К этому выводу мы пришли, анализируя оформление рукописи и целый ряд описок и исправлений. Изучение рукописи позволяет иногда увидеть и ход «творческого процесса» переводчика: однажды он даже прерывает перевод одного фрагмента на полуслове и тут же переводит его заново, заметив, видимо, сильное отклонение от оригинала.⁵ Почему он счел недопустимым такое отклонение? Дело заключается, как представляется, в принципе перевода, которым руководствовался П. И. Челищев, наиболее вероятный переводчик.⁶ Переводчик-дилетант, не очень талантливый, он упорно старался сохранить «поэтический», т. е. стихотворный, облик оригинала, старательно подыскивая рифмы, а иногда просто заимствуя их из оригинала, например: na dół zrzucił : obrócił — на дол скинул зрутил : обратил; wstępuję : gotuję — вступаю : готую.⁷

Именно эта особенность перевода утяжелила его, иногда до невразумительности, и привела к тому, что назидательные басни Папроцкого, повествующие «стиховно» о зверях и птицах, камнях и цветах и других персонажах, известных русскому читателю по Физиологу и Азбукovníку, остались известны в одном списке.

² См.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. и ее читатели // Русская литература XVIII—начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 176.

³ См. описание рукописи ГПБ, Q. XV. 29: Николаев С. И. «Круг рыцарский» Б. Папроцкого в русском переводе середины XVII в. // Материалы респ. конф. СНО. Тарту, 1977. С. 17—19. — К сожалению, в эту публикацию (в том числе и по вине автора) вкралось несколько досадных опечаток.

⁴ См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903. С. 172.

⁵ См.: Николаев С. И. «Круг рыцарский» Б. Папроцкого. С. 21.

⁶ Обоснование атрибуции см. там же. С. 21—22.

⁷ Там же. С. 23.

И все же заслуга Челищева неоспорима. Предпринятый и осуществленный им труд открыл, хоть и не очень удачно, новую страницу в истории русской поэзии.⁸

Прежде чем перейти к переводным стихотворениям конца XVII в., остановимся на хорошо известном, но совершенно не изученном для истории переводной поэзии материале — на посвящениях, цитатах и стихотворных фрагментах в прозаических сочинениях, переведенных с польского языка. Аналогичный материал в оригинальных русских сочинениях фиксировался неоднократно и до сих пор привлекает внимание ученых,⁹ тогда как переводным стихотворным отрывкам XVII в. посвящена всего лишь одна работа.¹⁰ Между тем эти отрывки и фрагменты дают богатый материал для истории техники перевода, поскольку сами отрывки переводились в составе всего памятника, т. е. без специального обращения к стихотворному тексту. По этой причине отношение переводчика прозы к поэзии может быть вполне правдоподобной характеристикой культуры поэтического перевода второй половины XVII в.

Стихотворные эпитафии, посвящения, цитаты, примеры и пр. были привычной чертой польской и вообще европейской книги XVI—XVII вв. К середине XVII в. в русских печатных книгах появляются «вирши на герб», а в Петровскую эпоху редкая книга обходится без стихотворных инкрустаций. В переводной литературе этот процесс начался раньше, примеров тому много в переводах 1670—80-х гг.

«Повесть об астрологе Мустаеддине» открывается небольшим эпитафам:

Всегда предкове наши собранием на волка ходили,
Его же так удобне ловили.
Сим образом, христиане, вкупе на турка идите,
Аще вы жити мирно хотите.¹¹

⁸ Там же (с. 26—29) опубликованы две басни в переводе Челищева.

⁹ См.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 72, 93—95, 175—178; *Протопопов В. В.* Стихотворные вставки в «Музыкальной грамматике» Николая Дилецкого // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 179—184. — Напомним, что тема «Ломоносов-переводчик» обычно решается на материале таких отрывков в «Риторике» (1748).

¹⁰ См.: *Galster I.* Staroruskie przekłady z poezji antycznej // *Studia z filologii rosyjskiej i słowiańskiej.* Warszawa, 1979. Т. 3. Językoznawstwo. S. 15—22.

¹¹ Цит. по: *Голубев И. Ф.* Забытые вирши Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 258. Примеч. 19. — В публикации Э. Малек в этом эпитафе не сохранена рифмовка, см.: *Малек Э.* «Повесть об астрологе Мустаеддине» — неизученный памятник переводной литературы XVII в.: Из истории польско-русских литературных связей // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 254 (на с. 246 приведен польский текст этого четверостишия).

В сборнике XVII в., принадлежавшем Благовещенскому монастырю в Вязниках (современное местонахождение нам неизвестно), Повесть помещена под первоначальным заглавием, прямо указывающим польский оригинал: «Выпись из подлинной книжицы нарицаемые Лига з заценкою кола посолского общего народу Коруны полские и Великого княжества Литовского

«Путешествие или похождение в землю святую Николая Радзивилла» (перевод известен в ряде списков) открывается панегирическим стихотворением «Вирш о бесконечной славе пресветлосияющего князя на Олыце и Несвеже Николая Христофа Радивила, воеводы виленского и протчих»:

Камо, перо, запускаеш в вирши неударжанные?
Хощеш ли на полухартии списать добродетели несочтенныя,
Которые обретаются многие в Родивиле?
Что прироче показати есть супротив силе¹²

и т. д.

Единичные стихотворные вставки встречаются и в других памятниках, например рифмованные загадки Тарсии в «Римских деяниях»,¹³ однако переводчики справлялись и с целым рядом цитат.

А. И. Соболевский, охарактеризовав перевод политического трактата А. Фрыча Моджевского «О исправлении гражданского жития», выполненный в 1678 г., отметил, что «стихи-цитаты переведены прозою или для них оставлено место».¹⁴ Однако И. Гальстер, доказавшая, кстати, что перевод был сделан с польского языка, а не с латинского,¹⁵ обнаружила в переводе 13 стихотворных вставок (всего 50 строк) из Гомера, Вергилия, Овидия и других авторов. Приведем две цитаты из Овидия, поскольку к судьбе его произведений в России в XVII—XVIII вв. мы обратимся еще не раз:

Иную ми вещь мой разум, иную же гнев совещает,
Вижу, что есть лутшее, но творю, что вреджает.¹⁶

(«Метаморфозы»)

творцем Христофором Дамином, странствующим полским» (Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1907. Кн. 9. С. 103). Тип и лексика заголовка настолько характерны для переводов Посольского приказа, что ставят под сомнение предположение Н. С. Демковой о переводе Повести Елифанием Славинецким, если оно не подтверждено документально, см.: *Matek E. Staropolska proza nagasyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź, 1983. S. 273.*

Пользуюсь случаем указать еще один неучтенный Э. Малэк список Повести: ЦНБ АН УССР, собр. Церковно-археологического музея, № 573, л. 481 об.—487 (см.: *Лебедев А. Рукописи церковно-археологического музея имп. Киевской духовной академии. Саратов, 1916. Т. 1. С. 460.*)

¹² Похождение в землю святую князя Радивила Сиротки 1582—1584 / Пригот. к печати и объяснил П. А. Гильтебрандт. СПб., 1879. С. 3. Опубл. по списку 1696 г. (ГИМ, собр. Синодальное, № 191). Текст стихотворения сверен со списком начала XVIII в. (ГПБ, Q.IV.65, л. 5—5 об.; различия незначительные); перевод с оригиналом сверить не удалось: в ленинградских библиотеках изданий XVII в. нет, а в переизданиях 1847, 1925 и 1962 гг. стихотворение не напечатано.

¹³ См.: Римские деяния. СПб., 1877—1878. С. 50—54.

¹⁴ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. С. 160.

¹⁵ См.: *Galster I. W sprawie podstawy staroruskiego przekładu «De republica emendanda» // Slavia Orientalis. 1969. № 3. S. 311—323.*

¹⁶ *Galster I. Staroruskie przekłady z poezji antycznej. S. 17.*

Егда мужество похваляют, сего вящше прибывает,
Яко же конь, бодем стрещалом, скорейший бывает.¹⁷

(«Письма с Понта»)

Вот несколько больший отрывок из «Илиады»:

Даде мя тебе отец твой во истова учителя
И ко всякой добродетели во юности правителя,
Да научишия от мене во брани добре ратовати
И между разумными разумне советовати.
О сих бо делех не знал еси в своей юности,
Чрез что людие приходят к славе и знаемости.
Но инако, веждь, вси славы не имаеют,
Точию егда мужными и благоречивыми бывають.¹⁸

Характерно, что переводчик опирался на польский текст стихотворения, а не на латинский, который в издании напечатан рядом.

Аналогично поступил и анонимный переводчик, переведивший в том же 1678 г. «Гражданство обычаев детских». После того как М. П. Алексеев указал источник этого педагогического сочинения — небольшой трактат Эразма Роттердамского,¹⁹ был найден и непосредственный источник перевода — польская версия начала XVII в., выполненная известным поэтом С. Ф. Клёновицем.²⁰ При переводе этого небольшого произведения, изданного на латинском и польском языках,²¹ переводчик воспользовался польским текстом. Приведем пример, опять из Овидия, в трех языковых версиях:

Не любим отроков, иже не стрижены
По-женски приглаживают власы окурены;
Не излишнее охотным юношам украшение
И мерно цветное отроком приличествует одяние.²²

Nie lubimy młodzieńców, którzy nie strzyżone
Po białogłowsku głaszczą włosy utrasione.
Ochędostwo nie zbytne ochotnej młodzieży,
A ubiór w miarę świetny otrokom należy.²³

Sit procula iuvenes ut faemina compti,
Fine coli modico forma virilis amat.²⁴

¹⁷ Ibid. S. 18.

¹⁸ Ibid. S. 19.

¹⁹ См.: Алексеев М. П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. // Славянская филология. М., 1958. Сб. 1. С. 275—335.

²⁰ См.: Численко Н. Д. «Гражданство обычаев детских» и его польский источник // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. С. 5—17.

²¹ См.: Ptakówna W. Nieznane XVII-wieczne wydanie «Dworstwa obyczajów» Erazma z Rotterdamu w przekładzie F. S. Klonowica // Biul. Bibl. Jagiellońskiej. 1965. № 1. S. 29—34. В ГПБ хранится экземпляр оригинала (Erazmi Roterodami Civitas morum-Erazma Roterodami Dworstwo obyczajów dobrych) — дефектный, без титульного листа и некоторых начальных страниц (шифр: 36.100.7.6).

²² Буш В. В. Памятники старинного русского воспитания: К истории древнерусской письменности и культуры. Пг., 1918. С. 42.

²³ Erazmi Roterodami Civitas morum. P. k2.

²⁴ Ibid.

Сличение этих отрывков показывает не только очевидную зависимость русского текста от польского, но и незаурядное мастерство переводчика: при очень точном переводе из четырех рифмующихся слов польского оригинала заимствовано лишь одно!

Кроме этих цитат в книжечке, выпущенной несколько раз в XVII в. в Польше, есть два стихотворных посвящения: переводчика Клёновица («Толкователей стих увещательный к детям») и Я. Анджейковича («К детям»). Вопрос об их переводе решить сейчас трудно, так как «Гражданство обычаев детских» текстологически не изучалось и не имеет научного издания. Возможно, что было два перевода, один с польского, другой — с латинского языка, отсюда и разные заглавия перевода в рукописной традиции: «Гражданство обычаев детских» и «Гражданство нравов благих». Это только догадка, и ее мы высказываем на основании сопоставления перевода стихотворения Клёновица (начало перевода стихотворения Анджейковича «*Omnia barbara sunt*» цитирует А. И. Соболевский,²⁵ но в имевшемся у нас польском издании страница с польским текстом отсутствует).

На Гражданство обычаев толкователей стих увещательный к детям.
Изрядный есть плод мудрости доброта.²⁶

На стяжание нравов сложены суть стиси, яко всяко детище по уме обноси.

Добродетель мудрости плод бывает красный,
Яже иный плод родит — всякий нрав изрядный.²⁷

In civilitatem morum interpretu carmen pareneticum ad pueros.

Praeclarus est fructus Sapientiae, virtus.
Virtutis autem imago DIGNITAS MORUM.²⁸

Tego, co przekładał, napominanie do dziatek.

Owoc mądrości CNOTA, która z siebie daje
Drugi owoc i wdzięczny, DOBRE OBYCZAJE.²⁹

Уже сами отличия русских текстов друг от друга показывают, что мы имеем дело не с разными редакциями, а с двумя переводами, хотя А. И. Соболевский и писал, что цитируемый им список ГИМ (собр. Уварова, № 1940) «имеет тот же текст, но неполный».³⁰ Маленькая цитата, приведенная Соболевским по этому списку, является точным переводом латинского текста. Что ка-

²⁵ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. С. 163.

²⁶ Там же.

²⁷ Буш В. В. Памятники старинного русского воспитания. С. 33.

²⁸ Erazmi Roterodami Civitas morum. P. b₂.

²⁹ Ibid.

³⁰ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. С. 163.

сается второго перевода, то можно высказаться в пользу польского источника, так как отрывок из Овидия переведен несомненно с польского, а в приведенных нами двух стихах из «стиха толкователя» по публикации В. В. Буша выражение «иный плод родит» более соответствует польскому «z siebie daje drugi owoś» чем латинскому «imago» («образ»). Отметим, что в некоторых из просмотренных нами списков стихотворений нет (например: БАН, Тек. пост., № 12 и др.).

В настоящее время окончательно решить вопрос об источнике перевода всех стихотворений в «Гражданстве обычаев детских» мы не беремся, поскольку, как говорилось, отсутствует научное издание этого текста. Такое издание, основанное на полном текстологическом исследовании списков, позволит ответить и на другие вопросы: сколько было переводов, и если два, то какой из них принадлежит Епифанию Славинецкому? ³¹ Кстати говоря, этот перевод, положивший начало русской эразмиане, давно заслуживает тщательного издания.

Для характеристики общей культуры и уровня стихотворного перевода особенно интересны произведения, неоднократно переводившиеся на русский язык, а также другие редакции перевода.

В «Фацециях», переведенных на русский язык в 1679 г., ³² каждая новелла заключается небольшим «виршиком», обычно это двустишие. Уже сам характер «издевок смехотворных московских» не требовал от переводчика строгого следования букве оригинала, поэтому «виршики» встречаются в разных вариантах. Они соседствуют даже в одном списке, например, для следующего «виршика» польского сборника:

Nie szukaj złota,
Kiedy jest cnota.³³

Не ищи много злата,
Но аще где великая цнота; или Не ищи тамо злата,
Где не минеш блата.³⁴

В другом списке читается такой вариант:

Не ищи много сребра и злата,
Да не будет сердцу твоему великого плача.³⁵

Или:

Już tam sen nie długi,
Kto ma na się długi.³⁶

³¹ Об авторстве Епифания см.: *Алексеев М. П.* Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. С. 286—293.

³² По мнению О. А. Державиной, «Фацеции» трижды переводились на русский язык. Недавно эта точка зрения была оспорена: убедительно показано, что был один перевод, см.: *Walczak B.* O przekładach facecji polskich na język rosyjski // *Slavia Orientalis.* 1972. № 1. S. 47—64.

³³ *Facecje polskie z roku 1624 / Wyd. A. Brückner.* Kraków, 1903. S. 148.

³⁴ *Державина О. А.* Фацеции: Переводная новелла в русской литературе XVII в. М., 1962. С. 143. — О «виршиках» см.: Там же. С. 64, 77, 80.

³⁵ Там же.

³⁶ *Facecje polskie z roku 1624.* S. 93.

В переводе использована та же рифма:

Тако покой и сон не долг,
Кто имеет великий долг.³⁷

Воистину, тамо покой и сон не долг,
Кто имать на себе великий долг.³⁸

Эта же тема — сон должника — аналогично решена в другом сборнике, в «Апофегмах» Б. Будного, трижды переведенных на русский язык, причем третий перевод в 1711 г. был издан в Москве.³⁹

Б. Будный заканчивает апофегму о должнике, которого не только днем, но и ночью мучают кошмары, таким двустипием:

Długi sen wdzięczny często przerywają,
A człowiekowi dosypiać nie dają.

В одном переводе XVII в. оно переведено прозой: «Сон от долгов часто прерывается и не дают досыпати человеку». Второй переводчик не только сохранил форму, но и более точно перевел двустипие:

Долги сон милый часто прерывают,
Человеку спати сладко не допускают.

Наиболее обширный сопоставительный материал дают переводы исторических сочинений М. Стрыйковского (1547 — после 1582) и А. Гваньини, неоднократно переводившиеся в России в XVII в.

Хроника Стрыйковского необычайно богата стихотворными вставками, некоторые из них насчитывают десятки строк, а во всей Хронике их несколько сотен. Это не только плоды творчества самого Стрыйковского, достаточно заметного поэта XVI в.,⁴⁰ но и цитаты из античных и современных автору польских поэтов.

В 1668—1688 гг. Хроника четыре раза была переведена (не всегда в полном объеме) на русский язык.⁴¹ Стихотворные от-

³⁷ Державина О. А. Фацеции. С. 113.

³⁸ Там же.

³⁹ Matek E. Staroruskie przekłady «Apoftegmatów» Bieniasza Budnego // Studia filologiczne WSP w Bydgoszczy: Filologia rosyjska. Bydgoszcz, 1978. Z. 4. S. 7—23. — Приводимые ниже примеры помещены в статье на с. 12. О переводе см. также: Анушкин А. И. «Апофегматы» Беняша Будного // Книга: Исследования и материалы. М., 1971. Сб. 22. С. 127—135.

⁴⁰ См.: Poesi Renesansu / Oprac. J. Sokołowska. Warszawa, 1959. S. 108—112; Radziszewska J. Maciej Strzykowski — historyk-poeta z epoki Odrodzenia. Katowice; Wrocław, 1978.

⁴¹ См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. С. 79—80; Rogov A. И. 1) Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: Стрыйковский и его Хроника. М., 1966. С. 259—306; 2) Древнерусские переводы «Хроники» Стрыйковского // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 206—214; Николаев С. И.. Салмина М. А. Хроника Мацея Стрыйковского // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 171—173.

рывки переведены почти все, но переводчики по-разному подошли к материалу. Наиболее удачны переводы А. И. Лызлова (1682), он единственный, кстати, перевел все отрывки равносложными стихами.

Поскольку объем вставок очень велик, то можно заметить и некоторые особенности отношения переводчиков к оригиналу. Показателен перевод 1673—1679 гг.: большие описания сражений переведены то прозой, то стихами, зато все отрывки из Овидия переведены стихами, причем каждый стих отмечен графически точкой. Делая же прозаический перевод, переводчик опускал указания на стихотворный характер оригинала, например: «Przeto te przyczyny, które niedaleko siebie chodza opuściwszy, ja drugie wierszem tobie, Czytelniku miły, podaję»⁴² — «Того для тыя вины, яже недалече себе ходят, оставив, аз иныя тебе, читателю любезный, подаю»;⁴³ или: «Ale już czytaj *rytmy* nasze»⁴⁴ — «но чти наши».⁴⁵

«Описание Европейской Сарматии» А. Гваньини во второй половине XVII в. трижды переводилось на русский язык: один раз с латинского языка и дважды с польского,⁴⁶ кроме того, существуют и отдельные извлечения из Гваньини — «Повесть о турках» и «История о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань». Стихотворные отрывки читаются только в переводах с польского. В переводе с латинского (ГПБ, F.IV.106) нет больших панегирических стихотворений о польских королях Клеменса Яницкого; нет стихотворений и в ряде списков переводов с польского (ГПБ, Q.XVII.28; Q.IV.56), т. е. не все переводчики и переписчики считали их непременною частью Хроники. Состав стихотворений в обоих переводах с польского также не совпадает. Так, упомянутые стихотворения К. Яницкого в одном переводе насчитывают 652 стиха,⁴⁷ а в другом — 111.⁴⁸

Рассуждая о «шляхетских вольностях», Гваньини цитирует Стрыйковского: «Един древний стихотворец полский, Матвей

⁴² *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. 1. S. 57.

⁴³ ГПБ, F.IV.131, л. 75 об.

⁴⁴ *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Т. 1. S. 57.

⁴⁵ ГПБ, F.IV.131, л. 75 об.

⁴⁶ См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. С. 76—78; *Waugh D. C.* Notes on seventeenth-century translations from the Polish «Kronika» of Alexander Guagnini // *Keenan E. L.* The Kurbskii-Groznyi apokrypha: The seventeenth-century genesis of the «Correspondens» attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge (Mass.), 1971. P. 149—151. — Подробнее см. в диссертации Д. Р. Уо: *Waugh D. C.* Seventeenth-century Muscovite pamphlets with Turkish themes: Toward a study of Muscovite literary culture in its European setting. Cambridge (Mass.), 1972. P. 175—192. — Приложения к диссертации (экземпляр ее есть в РО БАН) занимают целый том, в котором помещены и интересующие нас тексты; стихотворные отрывки напечатаны in continuo. Ср.: *Николаев С. И.* Хроника Александра Гваньини // ТОДРЛ. Т. 39. С. 160—161.

⁴⁷ ГПБ, F.IV.130, л. 17, 21—21 об., 22 об.—23, 24, 24 об. и др.

⁴⁸ ГПБ, F.IV.180, л. 28, 158 об., 185 об. и др.

Стрийковский, в книге своей, которой дал надписание „Свобода сармацкая“, сими словесы написал:

Несть зде „Тамо аз хощу“, „Так повелеваю“,
Несть „Суду все моему привлеци желаю“,
„Воле разум“ всячески отколь уступает,
То разум, то право, что король назначает.
Так Нерон с мучительми всеми государьствовал,
Иже люто свободы всех чинов истреблял,
Сего в Полши несть, живем в волности вся годы,
Оберегаючи прав своих на свободы.
Зде король шляхтичови не взимает права,
Токмо что ухваленна являет устава. . .»⁴⁹ и т. д.

Второй переводчик, вообще менее внимательный к поэзии, начало отрывка сократил:

Тот глас был Неранов и иных мучителей,
Которые вельми ламали волность всех людей станов.
Таво в Полше нет, буяем в волности,
Бережа судов и свободы своей в целости.
В Полше некатарой карол не рушит судов,
Толко что сама похвала носит уставов. . .»⁵⁰ и т. д.

Наиболее же удачные переводы стихотворений, напечатанных Гваньини, читаются не в переводах его «Описания Европейской Сарматии», а в компилятивной «Скифской истории» А. И. Лызлова⁵¹ и в небольшой «Повести о турках», являющейся извлечением из третьей части книги Гваньини.⁵² Полностью состав стихотворных фрагментов в двух этих произведениях не совпадает, но и здесь, как и в других случаях, мы сталкиваемся с разными переводами двух отрывков из польской поэмы «Венеция» (1572).⁵³

⁴⁹ ГПБ, F.IV.130. л. 214.

⁵⁰ ГПБ, F.IV.180. л. 235.

⁵¹ Лызлов А. И. Скифская история. М., 1787. Ч. 3. — Публикация Н. И. Новикова не совсем исправна, несколько раз при печатании стихотворений нарушен изосиллабизм 13-тисложника. Печатный текст был сличен нами с рукописью БАН (32.4.27), в которой сохранен изосиллабизм.

⁵² Полностью текст Повести с разночтениями по двум спискам (ГБЛ, собр. Румянцева, № 457; ГПБ, Q.IV.126) приведен в диссертации Д. К. Уо, см.: Waugh D. C. Seventeenth-century Muscovite pamphlets with Turkish themes. P. 553—579.

⁵³ Оригинал приведенного ниже отрывка см. в кн.: Gwagnin A. Kronika Sarmasyjej Europejskiej. Kraków, 1611. S. 78—79. Переводы: ГПБ, Q.IV.126, л. 5 об.—7 об.; Лызлов А. И. Скифская история. Ч. 3. С. 75—79. Перевод сличался с отрывками в Хронике Гваньини, так как он существенно отличается от издания поэмы 1572 г., см.: Wenecja: Poemat historyczno-polityczny z końca XVI w. Warszawa, 1886. S. 27—31. Там же (с. XXXV—XLI) оспорена атрибуция этой поэмы, традиционно приписываемой К. Варшевицкому. — Любопытно, что Е. В. Чистякова называет приводимые отрывки «южнославянскими песнями о турецкой неволе», см.: Чистякова Е. В. 1) «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 356; 2) «Скифская история» А. И. Лызлова и вопросы востоковедения // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1963. Сб. 6. С. 27, 36, 70.

Приведем заключительные восемь строк второго отрывка из «Венеции» в двух переводах:

Пришельцы отечеством нашим обладаша,
Лютых врагов руце у сирот хлеб отъяша;
Воду свою у поган серебром покупаем,
И дрова в неволе такожде обретаем.
Над главами у нас стоят мучители злые,
Утружденным не дают покоя, проклятые.
Раби наши худые нами обладают,
И в отечествах наших нам рассуждают.⁵⁴

Дедичеством нашим прешелцы облаадали,
Свирепи руце сиротам хлеб их отъяли;
Воду свою, за денги купив, пили,
Дрова свои у поган в неволи купили.
Над шею нашею свирепии спекуляторы стояли,
Утружденным от работы опочинуть дать не хотели.
Слуги наши недостойные, те над нами государьствовали
И в сущих государьствах наших нам повелевали.⁵⁵

Перевод того же отрывка читается в книге Иоанникия Галятовского «Лебедь с перием своим», переведенной на русский с польского в 1683 г.:

Наследия наша иноязычным ся досташа,
Лютии руце у сирот хлеб сущий отъяша;
Воду есмы свою за серебро пихом,
И дрова свои у поган в неволи купихом.
Над выею нам с саблюю мучители стояша,
Утружен от лютых робот отдохнути не даша.
Бывшии раби днесь нам господиами,
Во властех наших нами повелевали.⁵⁶

Эти отрывки очень показательны. Они свидетельствуют не только об отсутствии пресловутого «рабского» буквализма в переводах XVII в., а напротив, о разных тенденциях в переводческой технике, существование которых вполне проявляется в последней четверти века — перевод изосиллабический (13-сложник Лызлова) и неравносложный силлабизм анонимных переводчиков (в данных отрывках соответственно колебания от 11 до 19 и от 11 до 15 слогов в стихе). Пока для нас важно отметить это, так как несколько подробнее и на более представительном материале анализ различий переводческой техники будет дан в за-

⁵⁴ Лызлов А. И. Скифская история. Ч. 3. — С. 79. Отклонение от 13-тисложника в 5 и 6 стихах по рукописи не восстанавливается, см.: БАН, 32.4.27, л. 254 об.—255. Эти отрывки по рукописи бывшей Виленской публичной библиотеки опубликованы также в кн.: *Добрянский Ф.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и российских. Вильна, 1882. С. 472—473.

⁵⁵ ГПБ, Q.IV.126, л. 9.

⁵⁶ ГПБ, Q.I.244, л. 155—155 об. — Цитированный отрывок не является единственным стихотворным переводом, см.: Там же, л. 140 об.—151, 153—155 об. Стихотворные вставки взяты Иоанникием Галятовским из трудов польских историков.

ключительной главе — в переводах из Гваньини мы встретим те же отрывки, что и у Стрыйковского.

На рубеже XVII—XVIII вв. на русский язык был переведен «Вертоград королевский» Б. Папроцкого — обширная компиляция по истории центральной и восточной Европы, обильно украшенная посвятельными, геральдическими, панегирическими и прочими окказиональными стихотворениями.⁵⁷ Переводчиков, вероятно, было несколько, если судить по манере перевода стихотворений, которая меняется от близкого к транслитерации перевода с явным украинским акцентом до более свободной манеры, свойственной А. И. Лызлову. Ср. перевод одной из эпиграмм «На образ Симона Симонидеса» — замечательного польского поэта и педагога Шимона Шимоновица (1558—1629):

Щасливиши над Афины тамо град бывает,
Откуды нам златой Феб лучи изливает;
Не требе Диогена брати с собою,
От древле Лвов стран руских есть лепотою.
Зде ся ины брафмани, разумей, рождают,
Егда наши довцепом тия побеждают.
Собери вся разумы от ветхаго века, —
Сам токмо Симонедес⁵⁸ есть за человека!⁵⁹

Szczęśliwsze niż Atheny miasto w tej krainie,
Odkąd nam słońce wschodzi i skąd cnota płynie;
Nie trzebać, Diogenes, bracie Lucerny z sobą,
Zdawna Lwów ruskich krain jest wielką ozdobą.
Tu się drudzy brachmanes, tak o tym wiedz, rodzą
I ledwie ich dowcipem nasz nie przechodzą.
Zbierz wszystkie ingenia od dawnego wieku —
Sam tylko Simonides stanie za człowieka.⁶⁰

Хотя переводчик и запнулся на «остроумии» («dowcipem» — «довцепом»), зато уверенно превратил «солнце» («słońce») в «златого Феба» и почти не нарушил 13-сложника, для чего, вероятно, и опустил кое-что из оригинала. Перевод этой эпиграммы можно признать вполне типичным (как с недостатками, так и с достоинствами) для рубежа XVII—XVIII вв.

Рассмотренные переводы стихотворных цитат в прозаических памятниках говорят о достаточно сложившейся и в целом высокой культуре перевода.⁶¹ Переводчики чаще всего отдавали пред-

⁵⁷ См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. С. 80—81.

⁵⁸ Исправлено, в рукописи: Самонедес.

⁵⁹ ГПБ, собр. Погодина, № 1700, л. 411. Единственный список перевода, принадлежавший Д. М. Голицыну.

⁶⁰ *Parrocki B.* Ogród królewski. Praha, 1599. К. 205. — Польский оригинал также был в библиотеке Д. М. Голицына, см. описание его библиотеки: ГБЛ, ф. 64. к. 80, № 10, л. 8 об. Не исключено, что Голицын мог иметь отношение к появлению перевода, т. е. заказать его во время своего пребывания в Киеве губернатором студентам Киево-Могилянской академии.

⁶¹ Мы упоминали не все известные нам случаи, сюда можно добавить переводы С. Ф. Лаврецкого календарей на 1689 (БАН, Арх. С, № 228) и 1696 гг. (БАН, 17.7.16); кн. М. Кропоткина (см.: *Лопарев Х.* Описание рукопи-

почтение стихотворной форме, а при наличии польского и латинского текстов переводили с польского, лишь изредка прибегая к прозаическому пересказу, что объясняется не какой-то «эстетической глухотой» или неумением, а индивидуальными способностями переводчика или целями, которые он ставил перед собой. Показательно в данном случае, что один из переводчиков Стрыковского при прозаическом переводе опускал упоминания автора о стихотворной форме.

Хотя изосиллабизм и неравносложный силлабизм сосуществуют, первый в XVII в. довольно редок. Дело, очевидно, не в одной кажущейся «простоте» перевода неравносложными стихами. Эпоха относительного силлабизма в русской поэзии не окончилась с началом регулярного, «мерного» стихотворства школы Симеона Полоцкого: в 70—90-х гг. XVII в. довольно активно переписываются «епистолии» и «посланейца» поэтов приказной школы 30—40-х гг., а также создаются новые произведения,⁶² хотя в оригинальной поэзии уже возобладал изосиллабизм.

Обратимся теперь к переводам отдельных стихотворений и больших композиций. Их пока выявлено, а тем более издано не так много. Центральное место среди них занимают «Пентатеугум» А. Белобоцкого и стихотворные части «Златого ига супружества». Если последнее лишь недавно введено в научный оборот,⁶³ то «Пентатеугум» за последние два десятилетия был дважды издан⁶⁴ и исследован литературоведами и лингвистами.⁶⁵

сей О-ва любителей древней письменности. СПб., 1892. Ч. 1. С. 284—285) и некоторые другие.

Перевод календаря на 1696 г. А. И. Соболевский отметил как «юмористический» (Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. С. 136). Действительно, стихотворные вставки представляют некоторый интерес для истории русской эпиграммы, ср.:

Не одна лихорадку панна заболела
Для того, что в заговенье в паньи не успела.

Сей пережил март, в апреле умирает,
Вижу, что на всякой час смерть гроб отворяет.

Потому что ты бранчив, к твоему загрывку
Пришьет нехто хорошу саблюю нашивку. . . и т. д.

(БАН, 17.7.16, л. 3, 3 об.)

⁶² Например, «Слово на умиление души своей» Венедикта Буторина, написанное в 1688 г.: ГБЛ, собр. Ундольского, № 464, л. 29 об.—30 об.; см.: *Николаев С. И.* Два стихотворца XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 376—378.

⁶³ См.: *Панченко А. М.* «Златое иго супружества» и его источник // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 308—337.

⁶⁴ См.: *Горфункель А. Х.* «Пентатеугум» Андрея Белобоцкого: Из истории польско-русских литературных связей // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 44—64; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 218—249.

⁶⁵ См.: *Горфункель А. Х.* Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII—начала XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 188—213; *Пан-*

Эти превосходные памятники удачно вписываются в пеструю картину литературной жизни конца XVII в. Переведены они приблизительно в одно время,⁶⁶ но сами диаметрально различны, в них реализованы крайние тенденции поэзии барокко. В «Пентатеугуме» это поновленная идея *memento mori* в ее новолатинской рецензии, прошедшая к тому же польскую обработку; в «Златом иге супружества» — несомненно, наиболее изящном произведении русского барокко — легкая ирония, прикрытая антифеминистской инвективой.

Обе названные черты исключительны для русской поэзии (и вообще литературы) той поры и задают тематические рамки для стихотворений, которые будут рассмотрены ниже.

Тема бренности жизни в русской поэзии никогда не принимала изощренных и жутковатых форм европейской поэзии, не встретим мы тут и мрачных *danse macabre*. Хотя в рукописной традиции «вириши о смерти» довольно часты, тема *Vanitas* в русской поэзии более умеренна и носит скорее элегический характер.⁶⁷ Эта умеренность проявилась и в другой противоположности, в отсутствии (по меньшей мере до начала XVIII в.) в литературе любви-страсти. Антифеминизм мог принимать обличье шутки, то легкой, как в «Златом иге супружества», то скабрезной, как в иных фацециях (уместно подчеркнуть, что оба памятника переводные). Однако и в авантюрных проделках «жен» была более привлекательна их ловкость и изворотливость, чем сомнительный эротизм некоторых ситуаций.

Оба памятника являются также образцовыми переводами. «Златое иго супружества», в котором стихи и проза искусно переплетаются между собой, переведено превосходно и для изучаемой поры является образцом адекватного перевода, если эта позднейшая категория приложима к литературе рубежа XVII—XVIII вв. Доказывается это, в частности, тем, что переводный характер произведения обнаруживается лишь путем внимательного анализа, а С. А. Бугославский, в 1940-х гг. готовивший

ченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 204—207; Каминьска А. О языке перевода «Пентатеугума» Андрея Белобоцкого: К вопросу о польско-русских литературных и языковых связях // *Slavica Wratislaviensia*. Wrocław, 1977. Т. 12. С. 133—145; *Angyal E.* Barok polski między Madrytem i Moskwą: Kilka uwag i propozycji // *Literatura—komparatystyka—folklor*. Warszawa, 1968. С. 157; *Suchanek L.* 1) *Thanatos i eschatologia: Z obserwacji nad poezją baroku rosyjskiego* // *Rocz. Komis. historycznoliterackiej PAN*. Wrocław, 1974. Т. 12. С. 3—21; 2) *Rosyjski poemat eschatologiczny epoki baroku* // *Slavia Orientalis*. 1975. № 1. С. 39—41; 3) *Poezja żałobna baroku rosyjskiego* // *Pr. historycznoliterackie*. Kraków, 1975. Z. 33. С. 33—46; 4) *Jan Andrzej Białobocki i barok rosyjski* // *Polacy w życiu kulturalnym Rosji*. Kraków, 1986. С. 9—20; *Dębski J.* *Twórczość rosyjskich sylabistów i tradycje literackie*. Wrocław, 1983. С. 44—47.

⁶⁶ «Пентатеугум» в рукописи не датирован, в обоих списках «Златого ига» имеется дата перевода (1696 г.), которая, впрочем, не вызывает доверия у А. М. Панченко.

⁶⁷ См.: *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII в. С. 202.

текст к печати, вообще считал его оригинальным произведением.⁶⁸

В «Пентатеугуме» много лексических и морфологических полонизмов.⁶⁹ Это объясняется не столько стремлением Белобоцкого держаться возможно ближе текста подлинника — иногда он все же сознательно отделялся от него — сколько польским происхождением переводчика, более всего сказавшимся в области морфологии в переводе фразеологизмов, самых «уязвимых» при переводе языковых аспектов.

Наконец, еще одна отличительная черта обоих переводов — изосиллабизм, почти целиком сменивший относительный силлабизм к началу XVIII в. в переводной поэзии.

Основное направление восприятия польской поэзии в России в XVII в. особенно наглядно можно показать на небольшом, но очень ценном с историко-литературной точки зрения примере — переводе трех фрашек Яна Кохановского. Публикуемые тексты обнаружены в сборнике конца XVII в. вместе с их польскими оригиналами и снабжены в рукописи точной, хотя и неполной библиографической ссылкой, что довольно редко встречается в переводной поэзии XVII в.

Стихи выписаны из книги полской Яна Кохановского, лист 21.

На младость.

Яко без весны лето быти хотят,
Иже прежити младым в твердости мнят.

Тож по-полску.

Jakoby też rok bez wiosny mieć chcieli,
Którzy chcą,⁷⁰ żeby młodzi nie szaleli.

На старость.

Бедная старость, вси тебе желаем,
Внегда же уже будеши, рыдаем.

По-полску тож.

Biedna starości,⁷¹ wszyscy cię żądamy,
A kiedy przyjdiesz, to zaś narzekamy.

На смерть.

Прелестный мире, яко же се зрится,
Почих аз, паче сей многим глумится.

По-полску.

Obłudny świecie, iakoć⁷² się tu widzi,
Doszedłem portu, już więc z inszych szudzi.⁷³

⁶⁸ См.: Панченко А. М. «Златое иго супружества» и его источник. С. 308. — К середине XVIII в. В. Е. Адодуровым уже было сформулировано требование, «чтобы чтение его (перевода. — С. Н.) не вызывало досады и не легко было бы догадаться, на каком языке написан оригинал».

⁶⁹ См.: Каминьска А. О языке перевода «Пентатеугума».

⁷⁰ Исправлено, в рукописи: chsą.

⁷¹ Исправлено, в рукописи: starosti.

⁷² Исправлено, в рукописи: iakoś.

⁷³ Исправлено, в рукописи: szudzi.

По польским оригиналам легко устанавливается их источник — это 82, 83 и 84 фразки из первой части «Фрашек» Яна Кохановского (1584),⁷⁴ причем переводчик воспользовался изданием 1629 г. (см. обложку книги). Анонимный перевод в рукописи не датирован, возможно, что он был выполнен в начале 1680-х гг. составителем сборника подьячим Печатного двора М. И. Родостамовым или известным переводчиком Мардарием Хониковым.⁷⁵

В огромном тематическом разнообразии «безделок» польского поэта, «полусмешных, полупечальных», злых инвектив и веселых эпиграмм, переводов из греческой антологии и Катулла, перемешанных с анекдотами, философскими размышлениями и эпитафиями,⁷⁶ русский переводчик нашел те фразки, которые (едва ли не единственные) могли органично вписаться в русскую силлабику конца XVII в. Неслучайность его выбора подтверждается историей этих фразек в творчестве Кохановского. Все три двустишия (с одним незначительным разночтением) вошли в другое произведение поэта, «На XII ступеней человеческой жизни»,⁷⁷ опубликованное уже посмертно во «Фрагментах» (1590). Этот цикл двустиший имеет несомненные аналогии с популярным в XVI в. эмблематическим изданием «Таблица Кебета» — правоучительной панорамой человеческой жизни, от рождения до смерти с афористическими подписями.⁷⁸ Представленная в «Таблице Кебета» философская жизнь сродни некоторым древнерусским изучениям (ср. популярную в рукописной традиции статью «О седмицах жития человеческого»), да и сама «Таблица» вскоре была переведена на русский язык, а также отразилась в лубочной картинке «Возраст человеческий». ⁷⁹ Вот эту расхожую философию интуитивно и уловил русский переводчик во фразках польского поэта. По всей вероятности, он не знал ни «Таблицы Кебета», ни цикла двустиший Кохановского, однако безошибочно выбрал из почти трехсот фразек три далеко не самых характерных для Кохановского, зато наиболее приемлемых для русской стихотворной культуры XVII в.

Однако не все поэтические произведения были переведены с польского языка стихами.

⁷⁴ ГИМ, собр. Барсова, № 1531, л. 11 об.—12. Польский оригинал: *Kochanowski J. Dzieła polskie*. Warszawa, 1976. Т. 1. S. 150. См. современный русский перевод Л. Мартынова в кн.: *Кохановский Ян*. Стихотворения. М., 1980. С. 39.

⁷⁵ Подробное описание сборника ГИМ, обоснование датировки и атрибуции перевода, а также сведения об изданиях Кохановского XVI—XVII вв. см. в статье: *Николаев С. И.* Три фразки Яна Кохановского в русском переводе XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 289—301.

⁷⁶ О фразках подробнее см. в кн.: *Pelc J. Jan Kochanowski: Szczyt Renesansu w literaturze polskiej*. Warszawa, 1980. S. 270—307.

⁷⁷ См.: *Кохановский Ян*. Избр. произведения. М.; Л., 1960. С. 105—106; *Kochanowski J. Dzieła polskie*. Т. 2. S. 44—45.

⁷⁸ См.: *Pelc J. Obraz—słowo—znak: Studium o emblematkach w literaturze staropolskiej*. Wrocław, 1973. S. 109—112.

⁷⁹ См.: *Ровинский Д.* Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 3. С. 102—104.

В петровскую эпоху с польского языка на русский были дважды переведены «Метаморфозы» Овидия и оба раза с известного в России стихотворного комментированного перевода В. Отвиновского.⁸⁰ Один перевод сохранился в четырех списках,⁸¹ второй — в двух.⁸² Оба перевода не датированы, но в списке ГИМ, который принадлежал Димитрию Ростовскому, имеется запись о том, что рукопись переплетена в апреле 1706 г. Эту дату можно принять за *terminus ante quem* первого, по нашему мнению, перевода. Отметим, что А. С. Грузинский ошибочно считал, что в списке ГПБ читается перевод с латинского языка, который он атрибутировал П. А. Толстому.⁸³ Во-первых, текст в списке ГПБ совпадает с текстом ГИМ и БАН, 17.14.21 и безусловно сделан с польского, что и сказано в предисловии; во-вторых, перевод Толстого не обнаружен и сделан он был после 1706 г. (сведения о нем относятся к 1727 г.);⁸⁴ с какого языка переводил Толстой, неизвестно, скорее всего — с итальянского.

«Метаморфозы» стали в XVII в. самым читаемым творением Овидия и неисчерпаемым источником вдохновения. Обращение к переводу Отвиновского, вызвавшему столь сильное внимание в России, имело у нас важные последствия. Дело в том, что Отвиновский выпустил в свет «толкового» Овидия с обильными комментариями и толкованиями, поэтому и русский читатель получил не столько Овидия, сколько энциклопедию античной мифологии. Все комментарии (в оригинале они напечатаны на полях) переведены, но размещены в переводах по-разному: в первом переводе они вынесены в конец каждого «сказания», во втором — записаны прямо в тексте после комментируемого места или отрывка. Оба решения, в особенности второе, нельзя признать удачными, лучшим выходом было бы сохранение комментариев на полях, как это издавно было принято и в книгописной практике Древней Руси. В результате текст Овидия во втором переводе буквально разорван толкованиями, а в первом текст оторван от пояснений, но справедливости ради надо сказать, что благодаря этому приему текст первого перевода более связный и в нем легко угадывается стихотворный оригинал.⁸⁵

⁸⁰ *Owidiusz. Księgi Metamorphoseon, to jest Przemian*. Kraków, 1638. См.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. и ее читатели. С. 176; ср.: *Wichowa M. Walerian Otwinowski jako tłumacz «Przemian» // Filomata*, 1986. № 373. S. 156—165.

⁸¹ ГИМ, собр. Синодальное, № 809; ГПБ, Q.XVIII.4; БАН, 17.14.21; ЦГАДА, ф. 181, № 671.

⁸² ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 334п/225; БАН, Тек. пост., № 744.

⁸³ См.: *Перетц В. Н.* Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург 23 февраля—3 марта 1913 г. Киев, 1913. С. 33—34.

⁸⁴ См.: *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 221. Об этой атрибуции и других переводах Овидия в петровскую эпоху подробнее см.: Николаев С. И. Об атрибуции переводных памятников петровской эпохи // Рус. лит. 1988. № 1. С. 162—164.

⁸⁵ В приложениях к настоящей книге (с. 144—148) опубликована по первому переводу история нимфы Дафны.

Первый перевод «Метаморфоз» едва не стал первым и единственным переводом с польского стихотворного сочинения, напечатанного в петровскую эпоху. 23 августа 1708 г. И. А. Мусин-Пушкин писал из Москвы Петру I: «Овидеушеву книгу архимандрит симоновский (Иосиф Туробойский. — С. Н.) и Федор Поликарпов смотрели и сказали, что переведена добре, но в малых некоторых местах что надлежит поправить, написав на бумажках, приклеили той книги на поле. И тое книгу < . . . > послал к тебе, государю < . . . > А если, государь, изволишь Овидеушеву книгу печатать, прикажи, государь, паки к нам прислать тое Овидеушеву книгу».⁸⁶ Эта рукопись сохранилась в БАН в составе библиотеки Петра I. Действительно, в «малых некоторых местах», всего в пяти, на полях наклеены полоски бумаги с исправлениями отдельных слов.⁸⁷ Но работа редакторов, не очень, правда, тщательная, пропала даром: «Метаморфозы» в Москву не вернулись, и перевод Овидия напечатан не был.

Аналогичным образом «толковательный» метод был использован в конце XVII в. при переводе «Четвертака» Яна Жабчица. В этом большом стихотворении (26 четверостиший) анонимный переводчик довольно неумело перевел неравносложными стихами только две первых строфы, а остальные превратились в «Толкование сего четвертака», переведенное прозой.⁸⁸

Своеобразна судьба еще одного памятника, указанного А. И. Соболевским, «Краткое начертание, как ныне возмущенны дела в Европе».⁸⁹ Замечание Соболевского «местами следы рифм польского оригинала» говорит о том, что он не сомневался в польском источнике этого текста, хотя и не указал его. Приводим текст по единственному списку первой четверти XVIII в.

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНИЕ, КАК НЫНЕ ВОЗМУЩЕННЫ ДЕЛА В ЕВРОПЕ

Папа во всех делах хочет быть настоящий и домогаецца вся делать и сим во всех смущения чинят.

Кесарь римский всего желает, но таковым оброзом ступает назад, понеже приятель его великий, которы ему во всем пособствовал, ныне к другим приязнь показывает. Ежели последовать ему дела будут, как зачалося, вся он попирать будет. //

Недавно в Англии вся дела бывало гораздо стоят, Галанская земля вся бывало платит. От сих двух мошно было вся получить, ныне же конец всем стал.

⁸⁶ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. 1862. Т. 2. С. 647.

⁸⁷ См.: БАН, 17.14.21, т. 1, л. 35, 43, 179 об., 180.

⁸⁸ Исследование и издание текста см. в статье: Николаев С. И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 174—181, 190—192.

⁸⁹ Соболевский А. И. Из переводной литературы Петровской эпохи: Библиографические материалы // СОРЯС. СПб., 1908. № 3. С. 35.

Король французский принуждает всех, он по своему хотению все делает, чего он желает. Тому надобно, конечно, быть и хотя князи вся своя попирают будут, Франция тое делает, чтоб они паки свое назад получили. Токмо князь Вались не смотрит на все со охотою и ничего воды на мельницу его // не течет, однако ж вся принуждаецца терпеть и всему тому, что над ним случитца, причина Гишпаний. Также духовная, или тестомент, причинит все ему. Король един сам власне всех речей хочет. Филип един о всех делах состезается. Венеция и Гелвецья смеютца над всеми и все пророчествуют о желаемом мире.

Немецкая земля должна на все позволить, понеже сама ничего не возможет исполнить.

В полской земли все дела дивная: часть една всего хочет быть, другая же // часть вся позволяет.

Мир подлинно стал, которы хотя б не супротив приятельства, однако ж вся их действия знатная.

Двор пруский вся переменить готовится, дратца, что сие значит — сам король лучше знает.

Король швецкий испытует вся, хотя ему сщастие не все подносит, и хочь власне ныне вся попирал, однако ж еще у турецкого салтана он все во всем, которы ежели // ему по всем пособит, тогда я все ведаю, как последовать будут.

О Московской земле: Москва издалека на вся призирает и ничего о тих не дбает.

Хотя дацкая земля все гораздо смотрит, однако ж не на вся дивуется,⁹⁰ понеже ведает, х кому наибольше дела надлежат.

Едним словом, вся тамо удивительно поступаю // и ныне ничего нет, ибо вся отменна воинственное дело всякого порядку поводятца для того, что комисары вся крадут и у них все в молчании застоет. Министры статусы во всем жартуют и вся за ничто почитают. Хотя и все государя своего пропадет, однако ж о них все говорят, что они в том невинны. Священники прилежно стараютца о своем благополучии. Бог весть, для чего им в том верят. // Народ все терпит, салдаты должны все платить, генералы вся позволяют, понеже так желают быть. Едним словом, вся отменно и вся противная. Ежели бог благоутробно не пощадит, нехай дявол все поберет!⁹¹

Обнаружить непосредственный источник нам не удалось, но все же можно полагать, что перевод сделан с польского, причем основным аргументом для этого предположения является самая художественная форма. Собственно говоря, это даже не стихотворение, а краткая реляция «обо всем на свете», а слово «все» на протяжении этого небольшого перечня европейских новостей упоминается в разных формах 50 раз. Эта особенность и помогает предположить польское происхождение памятника.

⁹⁰ Исправлено, в рукописи: дувается.

⁹¹ ГПБ, Q.IV.73, л. 1—4.

Точно такие же по форме сатирические «ведомости» известны в польской литературе. Мы знаем о двух таких текстах: один из них относится к концу 90-х гг. XVII в., второй — к 90-м гг. XVIII в. В рукописные поэтические сборники они включались, очевидно, на том основании, что текст разбит на стихи, а каждый стих заканчивается рифмой «все» («wszystko»). Приведем для сравнения заглавия, начальные и заключительные строки польских текстов.

Krótkie uwagi terażniejszych czasów nad conjunctioniami.

Pan Bóg pozwala wszystko,
Świat przytym zyszczy wszystko,

Jeżeli sam Bóg nie uleczy tego wszystkiego,
Tedy diabeł to pobierze wszystko.⁹²

Stan terażniejszy czynów europejskich.

Turek upokorzony znosi wszystko,
Moskwa zuchwała chce przywłaszczyc wszystko,

Jeżeli Bóg wszechmogący nie wesprze wszystko,
To na koniec diabeł porwie wszystko.⁹³

Сопоставление этих фрагментов, в особенности устойчивой заключительной формулы, несомненно указывает на польское происхождение «Начертания», что подтверждается и полонизмами, встречающимися в переводе: власне, дбает, жартуют, нехай.

Предполагаемый польский оригинал можно датировать довольно точно. Центральное и наиболее конкретное место в «Начертании» занимают взаимоотношения между Францией и Испанией, причем подчеркивается, что «Филип един о всех делах состезается». Речь идет о «войне за Испанское наследство» (1701—1714), в результате которой внук Людовика XIV стал королем Филиппом V. «Также духовная или тестомент причинит все ему» — подразумевает завещание последнего из габсбургских королей Испании Карла V, в силу которого Филипп V унаследовал испанский престол, за который ему пришлось вести упорную борьбу.

Датировку можно несколько уточнить. Под шведским королем, который «хоть власне ныне вся попирал, однако ж еще у турецкого салтана он все во всем», подразумевается, очевидно, Карл XII. Можно осторожно предположить, что речь идет о положении Карла XII после поражения у Полтавы и его бегства

⁹² *Hernas C.* Wśród rękopisów saskich początków // *Pamiętnik literacki.* 1953. Z. 3—4. S. 240.

⁹³ *Kaleta R.* Poezja antytargowicka i jakobińska // *Ibid.* 1950. Z. 3—4. S. 239. Перепечатано в кн.: *Poezja polskiego Oświecenia / Oprac. J. Kott.* Warszawa, 1954. S. 365. — Описанный прием не является, конечно, специфически польским, см., например: «Приложение слова *все* в 1740 г. ко всем европейским странам» на французском языке (см.: *Острословие прошлого века / Сообщено А. А. Чумиковым // Рус. архив.* 1887. № 10. С. 182). Ср.: *Buchwald-Pelcowa P.* *Satyra czasów saskich.* Wrocław, 1969. S. 249—251.

в Турцию. Если эти рассуждения верны, то польский оригинал датируется первой половиной 1710-х гг.

Более сложна датировка русского перевода и самого списка. Филиграней в небольшой тетрадке нет, просматривается лишь часть контрмарки, которую идентифицировать не удалось. К. Калайдович и П. Строев описали эту рукопись в составе сборника, в котором были еще два произведения: «Зачало народа росолянского или российского» и «Разговоры дружеские краткие о вежливстве», которые теперь расплетены (ГПБ, Q.IV.111 и Q.XV.9).⁹⁴ Филиграни этих рукописей («герб города Амстердама» и «почтальон») можно отнести к 1720-м гг. Внешний вид «Краткого начертания» не противоречит такой датировке, поэтому считаем, что список «Краткого начертания» сделан не позднее 1720-х гг.

«Краткому начертанию», завершающему обзор европейских событий возгласом «Нехай дьявол все поберет!», в жанрах русской сатирической литературы можно подыскать довольно точную аналогию. В настоящее время известны два пародийных произведения первой половины XVIII в., использовавших форму политических новостей — юмористические куранты⁹⁵ и «Книги политические, которые продаются в Гаге» (1723).⁹⁶ Между ними есть существенные отличия. Если первое блистает бесшабашной веселостью и нагромождением нелепиц о круглой башне, что «на сих днях поидет замуж», или об убитой корове, в брюхе которой нашли «два голиота и два бота», то второе — политический памфлет, тонко продуманный, отредактированный и стилистически и политически самим Петром I, рассчитанный на сиюминутную, сегодняшнюю политическую ситуацию. Он очень правдоподобен, и когда ситуация на европейской политической арене изменилась и политический подтекст утратил свою актуальность, то «Книги политические» стали восприниматься исследователями как подлинный книготорговый каталог. Вполне понятно поэтому, что второе издание этой книжечки вышло в следующем, 1724 г. — позднее переиздавать ее без комментария было бессмысленно. Между тем списки юмористических курантов, хотя и немногочисленны, но встречаются в разновременных рукописях XVIII в., потому что их реальная «политическая» информация носит вневременной характер, и почти во всех списках куранты приурочены к разным годам (1736, 1744, 1748 и т. д.) для пущей правдоподобности. Этим, кстати, осложнена их датировка.

⁹⁴ Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей. . . гр. Ф. А. Толстого. М., 1825. С. 310.

⁹⁵ См.: Адрианова-Перетц В. П. Юмористические куранты // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1948. Т. 67. С. 48—56; Розов Н. Н. «Гистория о купце». неизвестный памятник посадской сатирической литературы XVIII в. // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 440—448. — Нам известны еще списки: ГПБ, собр. Тиханова, № 485, л. 40—42; БАН, 32.6.15, л. 66—67 об.; ГБЛ, собр. Ундольского, № 925, л. 73—74 об.

⁹⁶ См.: Рейсер С. А. «Книги политические, которые продаются в Гаге» // Описание изданий гражданской печати: 1708—январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1955. С. 541—563.

К какому типу относится «Краткое начертание»? Несомненно к типу «Книг политических», хотя и уступает им в сатирической силе. Отсюда можно сделать вывод, что издевательская оценка положения дел в Европе могла быть переведена только вскоре после написания оригинала, иначе она была бы непонятна русскому читателю, даже такому образованному западнику, каким был владеец рукописи кн. Д. М. Голицын. Поэтому перевод «Краткого начертания» мы датировем второй половиной 1710-х гг.

Эта небольшая прокламация начала XVIII в. интересна для нас и вот еще по какой причине. Перевод сохранил нам неизвестное, кажется, произведение польской сатирической литературы, и это свидетельство того, что и в XVIII в. польская литература проникала в Россию в виде не только печатной, но и рукописной книги.

Обратимся снова к стихотворным переводам. Нам осталось рассмотреть памятники «практического» применения: гадательную книжку и лечебник в стихах.

Гадательная книжка «Сивилла», известная сейчас в одном списке 30-х гг. XVIII в. (БАН, 16.16.3), введена лишь недавно в научный оборот.⁹⁷ Первых листов в рукописи явно недостает, и заглавие «Сивилла» дано составителем описания рукописей БАН.

Гадание проводится в два приема: сначала кости бросаются на круг с интересующей надписью («Есть ли которая скоро замужь пойдет», «Поимет ли которая мужа доброго», «Есть ли кому друг любовен» и т. п.). По числу выпавших очков находим указание, отсылающее к следующему кругу — «до ласки, Семно», «до лисицы, Арховы» и т. п. Указание состоит из названия зверя и города. На кругу с изображением нужного зверя находим город и уже там отсылку к собственно предсказанию — «Сивилла 5, вирш 11», «Сивилла 9, вирш 6» и т. д. И уже потом во второй части книги читаем само пророчество.

В этой мудреной системе, обеспечивающей «надежность и гарантию» испытания судьбы, прежде всего бросаются в глаза названия городов: Семно, Лодзя, Ополе, Львовск, Гловачев, Смолинов и пр. Это названия крупных и мелких польских городов, поэтому оригинал гадательной книжки следует искать в польской литературе.

Европейская литература уже в XVI—XVII вв. была очень богата различными гадательными книгами, но на польском языке против ожидания в XVII в. известность получили только две книжки с одним и тем же названием «Фортуна, или Счастье» — Северина Бончальского и Яна Гавиньского.⁹⁸ Считается, что Гавиньский присвоил себе труд Бончальского и просто перепе-

⁹⁷ См.: Описание рукописного отдела БАН СССР: Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения: XVII—первая треть XIX в. / Сост. И. Ф. Мартынов. Л., 1980. Т. 4, вып. 2. С. 83—84.

⁹⁸ См.: *Gawiński J. Fortuna albo Szczęście*. Kraków, 1690; *Bączalski S. Fortuna albo Szczęście*. Kraków, s. a.

читал его книгу под своим именем. Однако еще в начале нашего столетия Л. М. Д ज्याма показал, что сходство между этими «Фортунами» объясняется их общим иностранным источником, скорее всего немецким.⁹⁹ Различия между ними очень существенны, это просто разные произведения, что помогает при установлении оригинала русского перевода. Сличение показало, что им является «Фортуна» Гавиньского.¹⁰⁰

Эта книжка уже была известна в России: она значится в описи книг царевича Алексея Петровича.¹⁰¹

Итак, книга читалась в оригинале и в переводе, представленном одним списком. Установление оригинала позволяет предположить, что еще один список был в библиотеке кн. Д. М. Голицына. В описи его библиотеки, составленной в 1737—1738 гг., под № 51 значится «Фортуна, или гадательная книга на виршах, в лицах, рукописная».¹⁰² Список БАН происходит из библиотеки Ф. Толстого, который закупил собрание рукописей Голицына,¹⁰³ но как бы ни был велик соблазн отождествить список БАН (также лицевой) с несохранившимся списком Голицына, скорее всего это не так. Дело в том, что список БАН в четверку, а «Фортуна» Голицына указана среди рукописей в лист. И все же, основываясь на оригинале и учитывая список Голицына, мы предлагаем во избежание путаницы в дальнейшем именовать это произведение «Фортуна», так как в древнерусской литературе есть произведения, в названии которых фигурирует «Сивилла».

Вся книга, т. е. 446 четверостиший, переведена полностью с некоторыми любопытными отступлениями от оригинала. Главная особенность, даже недостаток, перевода заключается в том, что в нем система отсылок к соответствующим «предсказаниям сивиллиным», которая зависит от суммы очков, выпавших на игральных костях, не совпадает с оригиналом. Лучше всего это продемонстрировать на примере.

Допустим, на поле «Поимет ли каторая мужа добраго?» выпали кости 6+1. В польском оригинале получаем указание «Idź do wiewiórki, m. Drohobicz», затем «Sybilla 10, wiersz 15», после чего отыскиваем соответствующий текст:

Sybilla Tuburfina

Klinij mnie i łaj — prawdą dotnę;
Niewieściskość nie robotne,
Złe, plugawe; kto cię pojmie,
Nieraz pięścią, kijem dojmie.

⁹⁹ См.: *Dziama L. M.* Dwie «Fortuny» // *Pamiętnik literacki*. 1906. R. 6. S. 68—71; *Kapeliś H.* *Wróży* // *Literatura polska: Przew. encyklopedyczny*. Warszawa, 1985. T. 2. S. 631—632.

¹⁰⁰ В ленинградских библиотеках издания 1690 г. нет, мы сличали перевод с переизданием 1744 г. (БАН, дефектный экземпляр).

¹⁰¹ БАН, F.355, л. 1 об.

¹⁰² *Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И.* К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // *Археографический ежегодник за 1978 год*. М., 1979. С. 242.

¹⁰³ Славянские рукописи собрания Ф. А. Толстого / Сост. Д. К. Уо. Л., 1980. С. 108.

Русский перевод этого четверостишия следующий:

Сивилла 10, нарицаемая Тибурика.

Кто тя, срамну, желает,
Разве тот дела не знает —
Ты на черта вся похожа,
Отиди прочь, дурна рожа.

(л. 65)

Но если гадать по указаниям русского перевода, то этого ответа мы не получим. При очках 6+1 получаем указание «До зайца, Шубин», затем «Сивилла 11, вирш 20»:

Ты летами престарела,
Рада бы и мужа имела.
Всяки любит¹⁰⁴ кофтан новый,
Брюх твой к делу не готовый.

(л. 70 об.)

Несмотря на ошибку в счете, образовавшемуся в переводе, ответ все-таки соответствует вопросу, его оригинал следующий:

Jużesz sobie podstarzała,
A mężabyś rada miała.
Czyż nie każdy bez przynukni
W nowej chodzić woli sukni.

Другой пример. Допустим, на кругу «Кому пропажа сыщется?» выпали очки 5+4. В оригинале получаем «Idź do wilka, miasta Oborniki», затем «Sybilla 3, wiersz 30»:

Jak mówią co z wozu spadło
I coś zgubił, to przypadło.
Kto znalazł — ma i krzyka,
Kto zgubił — slinki połyka.

При верных указаниях и в русском переводе мы бы получили следующий ответ:

Говорят, что с воза спало,
Давно-де уже пропало.
То кто сыскал, поживет,
Кто потерял — не наживет.

(л. 34 об.)

Однако 5+4 в переводе отсылает «До волка, Обоцнеки» потом к «Сивилле 3, вирш 10»:

Брось вещь сию, друже милы,
Ибо тебе не по силы.
Аще дело ты зачнешь,
Зле поистинне поживеши.

(л. 32)

¹⁰⁴ Исправлено, в рукописи: любовь.

Этому соответствует польское:

Daj tej pokój rzeczy, bracie,
Nie skoczysz jej, lecz ku straci;
Owsz:m przyjdiesz, a jak widzę,
I na zły koniec wynidzie.

Это, конечно, «предсказание сивиллино» на вопрос «Кто добре дело зачнет делать» или «Кто что замыслит, одержит ли?». Такая путаница встречается постоянно. Случайна она или преднамеренна? Ответить однозначно сложно. Труд, потраченный переводчиком, достаточно велик, сам перевод полный, перерисованы и раскрашены все круги с изображениями животных, а между тем простой механический перенос указаний для гадания труда не представляет, но именно здесь и допущена ошибка. Может быть, до нас дошел список, где «лица» (как раз там и помещены указания) исполнял (и небрежно) один человек, а писал текст другой, вернее, другие, так как это скоропись нескольких рук.

Перевод очень интересен тем, что переводчик ориентировался на 8-сложник оригинала и в переводе четко прослеживается 8-сложная ось с незначительными отклонениями (7 или 9 слогов).

В переводе предсказаний переводчик обычно следует более или менее точно лишь двум первым стихам, а затем дает волю фантазии, не выходя, правда, за тематические рамки предсказания. Часто его дополнения имеют ёрнический тон. Например, в четверостишии «Ты летами престарела. . .» два первых стиха переведены точно, третий стих соответствует второму двустишию, а заключительный стих добавлен уже переводчиком. Еще пример:

Przebacz, z siebie kpią, żeś głupi,
Więc cię każdy drze i łupi;
A chcesz, być szczęście służyło,
Cożby u siebie czyniło?

Народ смехом тебе творят,
Дураком быть ти говорят.
Хощеш в щастье пребывати,
Гузно бобом изволь утирати.

(л. 69 об.)

Последний стих в русском переводе опять-таки сочинен переводчиком. Хотя подобные изменения оригинала встречаются не часто, намерение переводчика вполне очевидно. В противовес прежнему всегда серьезному гаданию по Священному писанию — прежде всего Псалтыри, а также пророческим книгам,¹⁰⁵ — он создает на русском языке «забавное метание костей» для развлечения. Иронический тон угадывается и в оригинале, переводчик сохранил его и развил, прибегая к шутке и едва удерживаясь от *potina obscenia*. Это первая русская развлекательная гадательная книга.

¹⁰⁵ См.: *Сперанский М. Н.* Из истории отреченных книг: Гадания по Псалтыри. СПб., 1899.

Лечебник «Управления здравия», русская версия средневекового «Салернского кодекса здоровья» Арнальдо де Вилановы,¹⁰⁶ известен в двух переводах — 1698 г.¹⁰⁷ и первой трети XVIII в.¹⁰⁸ Оба перевода сделаны с одного и того же несохранившегося издания 1565 г., которое включается в польскую библиографию только на основании перевода 1698 г., указанного А. И. Соболевским. Выказывались даже сомнения относительно существования этого издания, которые теперь можно отбросить окончательно, так как это подтверждается двумя независимыми переводами.

Судя по русским текстам, издание 1565 г. отличалось от первого издания 1532 г.¹⁰⁹ Это осложняет изучение переводов, так как лечебник печатался на трех языках — латинском, польском и немецком (Т. Вежбовский переиздал только латинский и польский тексты).

Перевод 1698 г. — «Управление здравия», — по мнению А. И. Соболевского, сделан с латинского.¹¹⁰ На наш взгляд, перевод с латинского делался с учетом польского текста. Во втором переводе («Порада здравия докторов парижских») хотя и сказано, что это «з латинских вершов < . . . > преложение», тем не менее очевидно, что и безымянный «зелянт церкви божией» тоже учитывал польскую версию, заимствуя из нее рифмы, порядок слов и т. п. Это легко доказывается сопоставлениями. Второй переводчик, кстати, несомненно выходец из Украины или Белоруссии, к концу перевода стал «улавать» и в языке появляется все больше украинизмов и полонизмов — типичная черта таких переводов была отмечена В. Н. Перетцем.¹¹¹

Почему оба переводчика, имея перед глазами польский и латинский текст, отдали предпочтение последнему? Ведь, как мы уже видели ранее, при наличии двух версий переводчики охотнее переводили с польского? Думается, что свою роль здесь сыграло то, что составитель лечебника Ф. Мымер был немец, плохо знал польский язык и его польские стихи оставляют желать много лучшего. Поэтому оба переводчика обратились к первоисточнику и лишь сверялись с польской версией.

¹⁰⁶ См.: Салернский кодекс здоровья / Пер. с лат. и примеч. Ю. Ф. Шульца. М., 1964; *Саблина П. П.* «Салернский кодекс здоровья» на Руси // Рус. речь. 1987. № 1. С. 109—114.

¹⁰⁷ ГПБ, собр. ОЛДП, Q.751, л. 160—162 об.; ГБЛ, собр. Пискарева, № 193, л. 2—4 об. Во втором списке, указанном А. И. Соболевским, текст обрывается на середине.

¹⁰⁸ ИРЛИ, колл. Перегца, № 376, л. 142—142 об. См.: *Груздев В. Ф.* Рукописные лечебники в собрании Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 347.

¹⁰⁹ См.: *Dobrego zdrowia rządzenie (1532) i Nauka rządzenia ku ustrzeżeniu od zarażenia powietrza (1543)* / Przedruk. T. Wierzbowski. Warszawa, 1899. S. 3—22.

¹¹⁰ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси. С. 155; ср.: *Архангельский А. С.* Образование и литература в Московском государстве конца XV—XVII вв. Казань, 1901. Вып. 2. С. 253—254.

¹¹¹ См.: *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 1. С. 423.

Любопытно, что перевод 1698 г. почти сразу стал известен на Украине: в сборнике различных выписок харьковского архимандрита Онуфрия, составленном в 1699 г., есть несколько отрывков из «Управления здравия» с заметными фонетическими признаками украинского произношения.¹¹²

В 1903 г. А. И. Соболевский напечатал почти полностью «Притчу о дьяволе и его дочерях» по списку ГБЛ (собр. Ундольского № 1079).¹¹³ Нам известны еще два списка — XVII и первой половины XIX в.¹¹⁴

Эта небольшая притча — несомненно переводная, кое-где в ней встречаются следы рифм («мила-уродила», «затопили-порушили» и др.), что могло быть только при переводе стихотворного сочинения. К сожалению, наши разыскания положительного результата не дали, и обнаружить оригинал в польской литературе не удалось. По нашему убеждению, это перевод с польского (так думал и А. И. Соболевский), но отсутствие конкретного источника вынуждает нас ради осторожности исключить из исследования эту притчу. В языке перевода нет каких-либо безусловных и ярких полонизмов, сюжет также не имеет ничего специфически польского. Скажем только несколько слов о его судьбе в России.

Сюжет о свадьбе дочерей дьявола, т. е. грехов, с представителями разных сословий и профессий не принадлежит к распространенным, хотя и имеет длительную историю. Судя по указателю Томпсона—Аарне, в фольклоре он не встречается, зато в проповеднической литературе в качестве *exemplum* используется уже с XII в.¹¹⁵ В XV в. в своей прозаической версии он отмечен в польской литературе.¹¹⁶ Позднее этот сюжет, что для нас важно, перелagался стихами и на национальных языках, в частности, известна французская версия.¹¹⁷

Судя по исследованию Ф. А. Рязановского,¹¹⁸ этот сюжет (*Satansbräte*) древнерусской литературе не знаком, но все же несколько раз он проявился в памятниках XVII—XIX вв. Кроме

¹¹² См.: *Перетц В. Н.* *Вирши харьковского архимандрита Онуфрия // Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. Л., 1926. С. 174.

¹¹³ См.: *Соболевский А. И.* *Переводная литература Московской Руси. С. 176—177*; ср. замечания в кн.: *Демин А. С.* *Русская литература второй половины XVII—начала XVIII в. М., 1977. С. 223.*

¹¹⁴ ГИМ, собр. Вахрамеева, № 445, л. 48—51 об.; Государственный архив Тюменской обл. в Тобольске, № 1, л. 14 об. (см.: *Дергачева-Сюп Е. И., Ромодановская Е. К.* *Собрание рукописных книг Гос. архива Тюменской области в Тобольске // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 66.*)

¹¹⁵ Источники см. в кн.: *Tubach F. C.* *Index exemplorum: A handbook of medieval religious tales.* Helsinki, 1969. P. 116 (№ 1452), 130 (№ 1589).

¹¹⁶ См.: *Brückner A.* *Kazania średniowieczne. III // Rozprawy Akad. Umiejętności, Wydz. filologiczny.* Kraków, 1897. T. 25. S. 144.

¹¹⁷ См.: *Meier P.* *Notice du ms. Rawlinson poetry 241 (Oxford) // Romania: Recueil trimestriel.* Paris, 1900. Vol. 29. P. 54—72.

¹¹⁸ См.: *Рязановский Ф. А.* *Демонология в древнерусской литературе. М., 1916.*

интересующей нас «притчи о дочерях» XVII в., мы находим его в русском лубке,¹¹⁹ а затем и в старообрядческих рукописях XIX в.,¹²⁰ причем не все эти тексты совпадают, хотя восходят к одному латинскому источнику, почти точно повторяя то, что говорил известный проповедник XIII в. Жак де Витри.

Перечисленные источники, а также ряд других дают хороший материал для сравнительного изучения истории сюжета в русской литературе, но не в рамках настоящей книги.

Обзор ряда памятников XVII—начала XVIII в. позволяет, как кажется, сделать следующий вывод: в это время на русский язык переводятся не только отдельные, весьма интересные произведения, но и стихотворные цитаты в составе прозаических сочинений самого разного характера, причем их перевод обычно не вызывал затруднений. Различные переводы и варианты этих вставок вполне могут быть названы периодом школы и эксперимента в переводной поэзии. За полстолетия произошло и одно существенное изменение в технике перевода: к началу XVIII в. в переводе возобладали изосиллабизм, раньше появившийся в оригинальной поэзии.

И еще один важный вывод. Польская поэзия читалась во всем объеме жанров и тем как серьезной, так и развлекательной литературы, однако в переводной поэзии не нашлось ни польской любовной, ни духовной лирики. В отношении последней можно предполагать, конечно, чисто профессиональную настороженность, недаром ведь в русской силлабике не чувствуется религиозной экзальтации.¹²¹ Однако некоторые параллели в медитативной лирике могут быть отмечены, например в «Стихах на суетства мира» и «Молитве» неизвестного автора (1682)¹²² отчетливо слышится интонация польских «метафизических» поэтов (М. Сэмп-Шажиньского, С. Грабовецкого, С. Гроховского).¹²³ Но это сходство — типологическое, не обусловленное генетической связью.

¹¹⁹ См.: *Ровинский Д.* Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 3. С. 59—60.

¹²⁰ См.: ИРЛИ, Усть-Цилемское собрание, № 67, л. 318 об.—320; № 70, л. 34 об.—35 об.; № 91, л. 7 об.—8 об.; Керженское собр., № 96, л. 31 об.

¹²¹ К немногим исключениям можно отнести стихотворение Стефана Яворского «Ты, облеченна во солнце, Дево Богомати» (см.: *Феофан Прокопович.* Соч. М.; Л., 1961. С. 495).

¹²² См.: ГПБ, F.VI.19, л. 15—19 об.; ГПБ, НСРК. 1983. 20.F, л. 53—59 об.; ИРЛИ, колл. Величко, № 26, л. 14—17 об.

¹²³ См.: *Hernas C.* Polscy poeci metafizyczni (1580—1630) // *Pr. literackie.* Wrocław, 1968. T. 10. S. 23—53.

ЖАНРОВЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

Перестройка культуры в Петровскую эпоху на развитии литературы отразилась своеобразно и противоречиво. Несмотря на то что сам Петр I постоянно принимал живейшее участие едва ли не во всех литературных начинаниях и предприятиях, чисто литературные задачи как таковые отошли на второй план: лучшие силы нации, в том числе и литературные, были отвлечены на выполнение первоочередных государственных задач. По этой причине Петровскую эпоху называют «перерывом в движении литературы», «самой нелитературной эпохой за все время существования русской литературы».¹

Хотя сложившаяся к концу XVII в. жанровая система предыдущим ходом развития была подготовлена к перестройке, сам ее процесс должен был занять известное время. Закончился он только ко второй трети XVIII в.

А. С. Орлов уже давно справедливо заметил, что до конца XVII в. у нас «принимались, должно быть, преимущественно книги, по темам, сюжетам и формам напоминавшие старую книжность».² В предыдущих главах мы сравнительно легко подыскивали жанровые аналоги в русской литературе для переводов из польской поэзии, а при отсутствии соответствий имели достаточные, как кажется, основания говорить о новациях в жанровой системе. Так, самым интересным было обнаружение переводной окказиональной политической поэзии в Посольском приказе. В целом, однако, жанр оригинала и перевода один и тот же.

В первой трети XVIII в. положение изменилось, в переводах и переделках жанровая природа оригинала иногда менялась принципиально. Яркий пример тому — театральные адаптации переводных повестей в Петровскую эпоху, в том числе и переводов XVII в. Несмотря на то что система жанров в это время в общем остается устойчивой, в иерархии жанров на первое место

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1979. С. 18.

² Орлов А. С. Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды // ДАН СССР. 1931. № 3. С. 49.

выдвинулись драма и песня в разных своих разновидностях, при этом доминирующая роль принадлежит несомненно драме.³

Эмансипация любовной темы⁴ и соответствующие изменения в жанровой иерархии способствовали появлению множества произведений. Однако в интересующий нас период отечественной любовной поэзии было еще мало, ее образцы в конце XVII в. исчисляются единицами; в эпоху зарождающихся «галантных» отношений между мужчинами и женщинами высшего сословия она была «превеликой диковинкой», как позднее выразился в своих записках А. Т. Болотов.⁵

Естественное в этих условиях обращение к богатейшему опыту других литератур шло по-разному: в области любовной песни — к опыту украинской и отчасти немецкой лирики,⁶ в драматургии — к опыту западноевропейских литератур.⁷ Любовная лирика уже в первые годы XVIII в. трудами Монса, Столетова и многих безымянных авторов из «превеликой диковинки» стала неременной частью литературного и культурного быта, «политеса». Благодаря большому опыту поэтического и прозаического перевода в Посольском приказе, к концу первого десятилетия XVIII в. сложился и довольно представительный репертуар переводной драмы. В этой спешной работе были, конечно, и огрехи: песни, особенно украинские, часто просто транслитерировались, а переводчики Посольского приказа «падали в борьбе с поэтическим языком иностранных комедий».⁸

Новая тема любви-страсти так быстро и основательно вошла в литературу, что вскоре сам Петр I «пообещал однажды награду комедиантам, если они сочинят пьесу без этой любви, всюду вклеиваемой, которая ему уже надоела».⁹ Переводческая деятельность приостановилась, но совсем отставлена не была, а ее результаты повлияли на формирование поэтического языка Петровской да и последующей эпохи.

³ См.: Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII в. М., 1977; Робинсон А. Н. Доминирующая роль русской драматургии и театра как видов искусств в эпоху Петровских реформ // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVII—XIX вв. М., 1978. С. 176—182; Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII—XVIII вв. М., 1981. С. 55—77.

⁴ См.: Нанченко А. М. 1) Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 193—199; 2) О смене писательского типа в петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 125—128.

⁵ См.: Перетц В. Н. 1) Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 1. С. 206—207; 2) Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург 13—28 февраля 1911 г. Киев, 1912. С. 5—6.

⁶ Это подробно исследовано в трудах В. Н. Перетца и А. В. Позднева.

⁷ См.: Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 гг. СПб., 1874. Т. 1—2 и корректурные отгиски «Примечаний ко 2-му тому»; Ковалевская Е. Г. Интимные диалоги в переводных светских драмах петровского времени (опыт стилистического анализа) // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.). М., 1976. С. 119—132.

⁸ Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 гг. Т. 1. С. XLI.

⁹ Там же.

Обратившись к европейской драме, переводчики не пропустили хорошо им известной польской литературы и избрали для перевода, вернее очень умелой переделки, поэму Самуэля Твардовского «Дафна, превратившаяся в лавр».

С творчеством С. Твардовского в России на рубеже XVII—XVIII вв. были знакомы хорошо. В украинских и русских поэтиках он считался автором образцовых исторических поэм, «сарматским Вергилием»,¹⁰ и был наряду с Я. Кохановским самым читаемым в России польским поэтом. Почти все его сочинения были представлены в русских библиотеках, а иные из них несколькими экземплярами,¹¹ однако данных о чтении «Дафны» обнаружить не удалось, что еще раз показывает относительность наших сведений о круге чтения, почерпнутых из описей библиотек.

Выбор русского переводчика нельзя не признать удачным. Поэма Твардовского, трижды изданная в XVII—начале XVIII в. (1638, 1661, 1702),¹² справедливо считается одним из шедевров польского барокко. Очевидно, с третьего издания и был сделан перевод. Два его списка, оказавшиеся в одной сборной рукописи,¹³ отражают разные этапы бытования перевода в России и носят даже разные заглавия. В первом списке название почти адекватно оригиналу во 2-м и 3-м изданиях: «Дафнис гонением любовнаго Аполлона в древо лявровое превращенная», во втором оно основательно переработано и излагает содержание: «Действие о Аполлоне и прекрасной Дафниде, како Аполло победы лютаго змия Питона, потом же и сам побежден явился от малага Купиды. Изъявляющее вкратце преписася в Санкт Питербурхе лета 1715 июня в день».

Оба списка сильно отличаются не только названиями: в первом 984 стиха, во втором на 250 стихов меньше, опущены «аргумент», излагающий содержание всей пьесы (потому-то и расширено заглавие), и все четвертое явление, зато введены краткие «аргументы» к каждому акту. Несмотря на эти отличия, позволяющие говорить о двух редакциях, оба списка восходят к одному переводу, который лучше отражен в списке А. На нижнем обрезе его

¹⁰ См.: *Luźny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska*. Kraków, 1966. S. 93—94.

¹¹ См.: *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. и ее читатели // *Русская литература XVIII—начала XIX в. в общественно-культурном контексте*. Л., 1983. С. 177—178.

¹² См. переиздания: *Twardowski S.* 1) *Dafnis w drzewo bobkowe przemieniła się* / Оргас. R. Pollak i S. Sasaki. Wrocław, 1955; 2) *Dafnis drzewem bobkowym* / Оргас. J. Okoń. Wrocław, 1976. Современный русский перевод фрагмента поэмы см. в кн.: *Европейская поэзия XVII века*. М., 1977. С. 570—572.

¹³ ГПБ, Q.XIV.10, л. 136—165 об. (далее — А), л. 166—189 об. (далее — Б). Описание рукописи см. в работе: *Николаев С. И.* Поэма С. Твардовского «Dafnis w drzewo bobkowe przemieniła się» в русском переводе начала XVIII в. // *Вестн. Ленингр. ун-та*. 1977. № 8. С. 90—91. Снимок с рукописи см. в кн.: *Новый сборник палеографических снимков с русских рукописей XI—XVIII веков* / Под ред. А. И. Соболевского. СПб., 1906. № 63.

титulyного листа (л. 136) читается запись «Димитре Ильинский». Предположение П. П. Пекарского, что это Д. Ильинский, отправленный по окончании курса Славяно-греко-латинской академии в Петербург «в разные мирские чины», вероятно, справедливо,¹⁴ но это не дает оснований атрибутировать ему перевод: в списке читается лишь фамилия (переписчика? владельца?), а сам список не является оригиналом перевода. Пока приходится считать перевод анонимным.

История любви Аполлона к нимфе Дафне, извлеченная из «Метаморфоз» Овидия, в эпоху барокко обошла все европейские литературы и постоянно привлекала живописцев¹⁵ и скульпторов — один из шедевров Д. Бернини посвящен Дафне и Аполлону. Русский читатель знал историю этой трагической любви, в частности, по двум переводам с польского обстоятельно комментированных «Метаморфоз» Овидия, о которых уже шла речь.

Драматическая форма идиллической поэмы Твардовского,¹⁶ ставшая причиной разнобоя в определениях жанра «Дафны»,¹⁷ оказалась подспорьем для переводчика. Прямой «перенос» поэмы в начале XVIII в. был невозможен и заранее обречен на неудачу. Так произошло, кстати, с современным украинским переводом «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо—П. Кохановского — переводчик оставил работу на половине. Переводчик «Дафны» разрушил двойственность жанра¹⁸ и превратил произведение Твардовского в привычное «действие», хотя такое определение появится только во второй, сокращенной редакции. Решение переводчика будет вполне понятно, если в его истолковании мы будем исходить из того, что тематические доминанты связаны с определенным репертуаром жанров эпохи, а не предполагать ошибку переводчика, введенного в заблуждение театральным камуфляжем и стилизацией Твардовского.

Избранный жанр перевода определил целый ряд других его

¹⁴ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 111. — Д. Ильинский упомянут среди лиц, выпущенных из академии «в прошлых годах», список составлен в ноябре 1727 г. Упоминания о нем см. также в кн.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве. . . Синода. СПб., 1885. Т. 7. Стб. CLV; 1901. Т. 10. Стб. 1313.

¹⁵ Pigler A. Barockthemen: Eine Auswahl von Verzeichnissen zur Ikonografie des 17. und 18. Jahrhunderts. Bucarest, 1956. Bd 1. S. 27—29.

¹⁶ Для удобства изложения в дальнейшем под «Дафной» будет пониматься поэма Твардовского, под «Дафнис» — русский перевод. Польский оригинал далее цитируется по изданию 1976 г. (см. примеч. 12), с указанием в тексте страницы или строфы, русский перевод — по спискам ГПБ с указанием листов.

¹⁷ Ср.: «драматическая идиллия» (И. Хшановский), «мифологическая идиллия» (Ю. Кшижановский), «поэма» (Ч. Хэрнас), «диалогизированная эпическая идиллия» (Я. Оконь) — *Chrzanowski I. Historia literatury niepodległej Polski*. Warszawa, 1908. S. 296; *Krzyżanowski J. Historia literatury polskiej*. Warszawa, 1974. S. 344; *Hernas C. Barok*. Warszawa, 1976. S. 309; *Okoń J. Wstęp // Twardowski S. Dafnis drzewem bobkowym*. S. LXVIII.

¹⁸ См.: *Okoń J. «Dafnis» i «Paskwalina»: Z problemów epiki romansowej* S. Twardowskiego // *Ruch literacki*. 1975. № 5. S. 306—309.

черт. Поэма Твардовского написана октавами (стих одиннадцатисложный), перевод же выполнен 11- и 13-сложником со смежной рифмовкой, так как это был наиболее распространенный размер драмы.¹⁹ Кроме того, переводчик убрал некоторые побочные мотивы, сосредоточившись на двух главных: борьбе Аполлона с Питоном и любви Аполлона к Дафне. Все собственно идиллические элементы²⁰ сведены до минимума, если пастухи и поют, то только прославляя победу Аполлона над Питоном. В результате текст сравнительно с оригиналом, в котором 2422 стиха, сократился более чем в два раза. И в «Дафнис» встречаются все приемы обращения с поэтическим текстом, отмеченные ранее на других памятниках: перевод точный и выборочный, пересказ, контаминации разных фрагментов оригинала, есть и значительные отрывки, сочиненные уже самим переводчиком.

Пожалуй, единственное место во всем переводе, где переводчик решил полностью передать содержание и октаву перевести восемью стихами, это обращение Пеней к Дафне:

Chwałę żarliwość i umysł ten w tobie,
Pociecho piękna ojcowskiego łona,
Jednak i z drugiej strony myślę sobie:
Nie ten li cię to, co zabił Pytona,
Goni Apollo w pasterza osobie,
Starowiecznego syn Huperyjona,
Jako żem świeżo zastyszał w tym czasie,
Że tu gdzieś owce Admetowe pasie?!
(s. 153)

Восхваляю честь твою и умысл правдивый,
Утеха прекрасная, и стан твой стыдливый.
Однако размышляю: кто тя постигает?
Не Аполло ли славный, что всех превышает?
Он есть старовечного сын Гиперикона,
Той разом сильнейшего застрелил Питона,
А я слышал про него зде на земли суца
И овцы адметовы на поле пасуца.
(л. 160 об.)

В пяти местах перевода октава оригинала передана шестистишием, чаще с пропуском 5 и 7 стихов оригинала, например:

Co czynisz, serce, że się nie wydzierasz
I zbiegasz swego nie poimasz śmieie?!
Tać to jest Dafnis, dla której umierasz
I trawisz nocy niespanych tak wiele.
Czemuś w opale, czemu nie nacierasz?
Oto masz w rękę swych nieprzyjaciele,
Masz obłów wdzięczny, który gdzie uronisz,
Rączym go potym Pegazem nie dogonisz.
(s. 127—128)

¹⁹ См. рекомендации Феофана Прокоповича: *Феофан Прокопович*. Соч. М.; Л., 1961. С. 437. Позднее, в 1732 г., это же советовал и Феофилакт Кветницкий, см.: Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 553.

²⁰ См.: *Backvis C. Kilka uwag o pierwiastku sielankowym w «Dafnis» Samuela Twardowskiego // Backvis C. Szkice o kulturze staropolskiej*. Warszawa, 1975. S. 229—252.

Что мыслиши, бедное сердце мое, ныне?
Почто не поймаеши бегца наедине?
Сия Дафнис, для ней же всегда умираеш,
С горестию день и ночь зле препровождаеш.
Се имаш в руках твоих, аще ю урониш,
Уже потом с Пегазом быстрым не догониш.

(л. 158—158 об.)

В основном же переводчик брал за основу первые стихи октавы или 7 и 8, значительно сокращая таким образом многооктавные диалоги и монологи и связывая точные переводы пересказом. При этом, конечно, отдельные строки могли переставляться самым неожиданным образом. Например, первые стихи октавы переведены в порядке 1—3—2—4:

Cóż, gdy nie torem ślachtetniej Europy,
Ani przez morze wielkie ubiegała,
Ale przez ostrej pustynie Rodopy,
Kędy Absyrta na sztuki zsiekała.

(s. 42)

Что же славнее веляя Европы?
В пустыню бежа, острья Родопы.
Не по велику морю убегала,
Егда на части Абсирта ссекала.

(л. 141 об.)

В другом случае рядом поставлены стихи даже не из разных строф, а из разных сцен (XII и XIV):

Co wiatrom słowa i głuchym tym ceniom
Dajesz

W ciężkości serca, które już omdlewa

(s. 147, 160)

Что ветром ты слова лиеши напрасно?
Унее жити с зверми ежечасно.
В тяжести сердца ибо воздыхаю,
Доколе сея злости пострадаю?

(л. 162 об.)

Но этот последний пример — исключение, в основном перевод следует за порядком оригинала.

Античную мифологию переводчик изучал явно не по Твардовскому и потому исправлял «стоглавого Аргуса» Твардовского на «стоглазого»: «stogłowy Argus» (s. 79) — «Аргусе стоокий», (л. 148), а к простому «Юпитеру» прибавлял верные эпитеты: «Jupitter» (s. 169) — «О благий Юпитеру, носимый орлами» (л. 164). Но профессиональная подготовка переводчика сказалась не только в этом. Барочная поэма на мифологический сюжет заведомо должна изобиловать античными реалиями, и действительно, «Дафна» Твардовского просто перенасыщена античными именами, географическими названиями, отсылками к мифологии и пр. Все это

богатство прочно вошло в русский культурный обиход позднее, и собственный русский античный культурный фонд как раз и создавался в Петровскую эпоху. По этой причине переводчик, вероятно, во избежание недоразумений и непонимания, много таких отсылок просто не включил в перевод, хотя не усомнился написать текст для только упоминаемой в оригинале Дианы и даже ввел новое действующее лицо — Меркурия: «Меркуриус» (А); «Гермий» (Б), — которому Пеней повелел охранять Дафну на охоте.

К сожалению, имя этого несомненно одаренного литератора неизвестно. Можно только предполагать, исходя из самых общих соображений (склонность к хорею и гомеровским сложным эпитетам, начитанность в античной литературе, пристрастие к межстиховым переносам и инверсированному строю стиха), что он учился в Славяно-греко-латинской академии. Неизвестно и время создания «Дафнис». Один из двух списков пьесы (Б) датирован 1715 г. В нем представлена сокращенная редакция, показательна и непонимание некоторых античных имен и реалий. Следовательно, перевод был сделан до 1715 г. Нижней границей можно считать 1702 год, год выхода в свет третьего издания поэмы (представляется маловероятным и чтение этой книги в России, и тем более ее перевод до начала XVIII в.). Оба списка связаны с новой столицей государства: список Б сделан там, а Д. Ильинский (даже если мы будем считать его просто переписчиком или владельцем списка А) по окончании московской академии был направлен в Петербург. Некоторые основания позволяют датировать перевод началом 1710-х гг.

С. В. Калачева, бегло упомянувшая «Дафнис» в комментарии к «Комедии о графе Фарсоне», безусловно считала ее одной из пьес, подготавливавших общественное мнение к церковному браку Петра I и Екатерины I, который состоялся в 1712 г.²¹ К сожалению, исследовательница никак не аргументировала это утверждение, но само оно заслуживает внимания, хотя ради осторожности стоит перевести его в разряд предположений. В пользу такого предположения можно высказать некоторые соображения, памятуя все же о том, что слишком прямая «привязка» драматической коллизии к реальным лицам и событиям может привести и уже приводила к ошибочным выводам.

В европейских литературах (немецкой, польской и т. д.) театральные обработки этого сюжета обычно приурочивались к свадебным торжествам.²² И Петр I и Екатерина I удовлетворяют также главным характеристикам героев: это и героический подвиг — убийство Питона (победа над Карлом XII в Полтавском сражении), и незнатное происхождение Екатерины I. В переводе, кстати, Пеней просто склоняет Дафну к брачному союзу с богом:

²¹ См.: Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С. 666.

²² См.: *Okoi J. Wstep // Twardowski S. Dafnis drzewem bobkowym. S. XXVI—XXVII.*

В таковое племя всяк рад бы был входить,
Не токмо свойственником, но рабом служить.

Он, приявши за жену, имать тя почтити,
Дом и пришлых у тебе в веки посвятити.

(л. 161)

Параллель Аполлон—Петр I напрашивается еще и потому, что в переводе сохранено прославление пастухами победы Аполлона и оно даже развито переводчиком, который прибавил несколько «пений», своей стилистикой очень сходных с панегирическими песнями полтавского цикла.²³

Анонимный переводчик был мастером своего дела, незаурядным литератором и стихотворцем.²⁴ К «Дафнис» трудно предъявить претензии, обычно предъявляемые к переводной драматургии начала XVIII в.²⁵ В большом по объему памятнике с трудом можно найти несколько явных полонизмов, например: «с зелным бодем» (л. 139). Строгая композиция, умелое чередование 11- и 13-сложных стихов с «пениями», написанными то сапфическими строфами, то разносложными стихами, наконец, ясный язык изложения, так выгодно отличающий «Дафнис» от других переводных пьес, — все это позволяет считать «Дафнис» одним из лучших переводов петровского времени. Последнее подтверждается не столько общими соображениями, сколько литературной историей памятника, а отчасти и его судьбой в историографии.

Два списка «Дафнис» являются единственным источником сведений о переводе. Неизвестно даже, ставилась ли когда-нибудь пьеса. Но в нашем распоряжении есть еще один метод — изучение отражения этого памятника, если таковое было, в других произведениях. Этот метод обычен при изучении древнерусской литературы и вполне приемлем для драматургии первой половины XVIII в.²⁶

Самый благодарный материал дает «История о царе Давиде и царе Соломоне», написанная в 1720-х гг. В ней удалось выявить 20 заимствований из «Дафнис», которые можно разделить на две равные группы. Первую группу составляют прямые цитаты

²³ Ср.: *Позднеев А. В.* Русская панегирическая песня в первой четверти XVIII в. // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 348—352.

²⁴ Стих «Дафнис» настолько необычен для своего времени, что даже дал повод П. Н. Беркову усомниться в дате списка *Б* (1715 г.) и отнести пьесу к более позднему времени, см.: *История русской литературы*. М.; Л., 1958. Т. 1. Литература X—XVIII вв. С. 683. Подробную характеристику стиха см. в работах: *Гаспаров М. Л.* 1) Русский силлабический тринадцатисложник // *Metryka słowiańska*. Wrocław, 1971. S. 39—64; 2) *Очерк истории русского стиха*. М., 1984. С. 42.

²⁵ См.: *Ковалевская Е. Г.* Интимные диалоги в переводных светских драмах петровского времени. С. 122—123.

²⁶ См.: *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. Л., 1983. С. 263—276.

или заимствования с изменениями, не меняющими их сути. Приведем характерные для этой группы примеры: ²⁷

«История»

- 1) (№ 14. Речь Давыда)

Токмо желаю твое белое лице
Держать на ложне моей почившей сице;
На очи пресветлые непрестанно зрети,
Руку драгоценную все подержа имети.²⁸

(с. 111)

«Дафнис»

Аполло

О! чтобы достоин я ей белое лице
Держать на лоне моем, почившую сице,
Очи пресветлейшия непрестанно зрети,
Руку драгоценную подержавше смети.

(л. 158)

- 2) (№ 40. Речь Давыда царя)

Ныне вижу очеса угодны,
Не токмо чаю и свет сей свободны.

(с. 120)

Фосфорос

Тогда ли видиш очеса угодны?
Не тако, чаю, и свет сей свободный.

(л. 138)

- 3) (№ 6. Речь царя Давыда)

Прошу, госпоже, приблизитися
Зде ко мне безопасно,
Даждь ми светлое лице свое соглядати
И любезного твоего имяни познати.

(с. 110)

Аполло

Молю, госпоже, молю безопасно:
Приблизися зде ко мне неопасно,
Даждь ми твое светлое лице соглядати,
Любезнаго твоего имене познати.

(л. 156)

- 4) (№ 8. Речь царь Давыд)

Ныне бо, аще до сердца моего
Крышталы ясны зренья твоего
Возмогла впустити, что ты узрела,
Кая ми болезнь в персех возболела.

(с. 110)

²⁷ «Дафнис» цитируется по списку А, при необходимости в примечаниях даем чтения В. «Комедия об Индрике и Меленде» цитируется по кн.: Пьесы любительских театров. М., 1976. С. 499—543. Остальные произведения по кн.: Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. Страницы указаны в тексте.

²⁸ В рукописи: смести.

Аполло

О! аще бы я до сердца моего
Кристаллы ясны зрения твоего
Возмог впустити, чтобы ты узрела,
Какая²⁹ мне ревность в персах возгорела.

(л. 159)

Вторую группу составляют заимствования, в которых автору «Истории» приходилось изменять реалии «Дафнис» (мифологические или сюжетные) на соответствующие библейскому сюжету драмы. Вот характерные примеры (курсив наш. — С. Н.):

«История»

1)

(№ 52. Речь Адания)

Как могут *скипетры* так быть приятны,
Тебе подобаю дары благодатны.

(с. 124)

«Дафнис»

Аполло

Кия могут быть *нарды* так приятны?
Кому подобны дары благодатны?

(л. 147)

2)

(№ 102. Речь Саламона)

Кую надежду имел, *Авиафаре*?
Уподобите *Аданию царя*!

(с. 136)

Купидо

Кую надежду мыслил, *Аполлоне*,
Уподобити *мене при Питоне*?

(л. 151)

3)

(№ 95. Речь Ивания)

Вижу, еже не могу мяжкими словами
Приклонити тя всякими делами,
То уже иным путем пойду я с тобою:
Умершлен будеши, конечно, ты мною.

(с. 134)

Аполло

Вижду, еже не могу мяжкими словами
Приклонити тя к себе всякими дарами,
То уже иным путем пойду я с тобою
И склоненна будеши, конечно, ты мною.

(л. 163)

4)

(№ 74. Царь Саламон рече)

Како *Адания* мною посмеялся,
Яко победитель *чести моей* стался.

(с. 129)

²⁹ Кая — Б.

Купидо

Како ныне *Аполло* мною посмевался,³⁰
Еже³¹ победителем *над тем змием* стался.
(л. 150 об.)

Как видно из приведенных примеров, зависимость «Истории» от текста «Дафнис» несомненна. Одним из аргументов, подтверждающих это, является следующий пример:

«История»

(№ 94. Речь Иоавва)

Что ветром ты лиеши слово напрасно?
Умею здесь умрети ми нестрасно.
Втягосно сердцем к богу въздыхаю,
За грехи же свое во храме сем страдаю.
(с. 134)

«Дафнис»

Дафнис

Что ветром ты слова лиеши напрасно?
Унее жити с зверми ежечасно.
В тяжкости сердца ибо въздыхаю,
Доколе сея злости пострадаю?
(л. 162 об.)

В «Дафнис» это — контаминация стихов из разных сцен польского оригинала, как было отмечено ранее. Маловероятно, что такая контаминация могла возникнуть независимо от текста перевода.

В работе автора «Истории» с текстом «Дафнис» (автор, несомненно, имел его перед глазами) не видно определенной системы. Он переносил дву- и четверостишия из самых разных мест: рядом могли оказаться стихи, расположенные в самом начале и в середине текста «Дафнис», иногда соседние стихи переставлены местами. Мало обращалось внимания и на то, кто что произносит. Реплики Аполлона произносят Давид, Адоний, Соломон и Иваний, Фосфора (из пролога) — Давид, Адоний, Нафан и Авиафар, Дафны — Иоав и Соломон, Купидона — Соломон и Давид. Из этого следует, что «Дафнис» служила для автора «Истории» не столько образцом, сколько кладезем поэтических формул, которым он свободно пользовался, не заботясь о том, что библейские Соломон и Давид произносят реплики из диалогов Аполлона и Дафны. Но следов этих «метаморфоз» он не оставлял (см. группу вторую), заменяя «нарды» на «скипетры», а «Аполло» на «Адания». Исключение составляет следующее двустишие:

«История»

(№ 6. Речь царя Давыда)

Кая богиня тако искушает?
Паче Деяны красота сияет.
(с. 110)

³⁰ Посмеяся — Б.

³¹ Яко — Б.

«Дафнис»

Аполло

Кая богиня тако искушает?
Паче Дианы красота сияет.

(л. 156)

Оно оставлено без изменений, а в комментарии к «Истории» отмечено как «единственное обращение к греческой мифологии». ³² Природа этого «обращения» теперь ясна, но думается, что это сделано не «по недосмотру». Смещение античных и христианских образов в текстах эпохи барокко хорошо известно. Еще И. П. Еремин на материале поэзии Симеона Полоцкого справедливо показал, что «античные боги и герои у Симеона — просто слова чисто номенклатурного назначения, слова-заменители, условно-поэтические обозначения того или иного понятия». ³³

Таким же кладезем поэтических формул «Дафнис» послужила и автору «Комедии об Индрик и Меленде» (20—30-е гг. XVIII в.). Ограничимся лишь двумя характерными примерами (число которых можно увеличить), заметив, что здесь автор переносил целые шестистишия, почти не переделывая их:

1)

«Комедия»

Индрик

Ах, горе! откуда во мне огонь сей бывает?
Паче всех комидов пылает!
По тебе, девица, утеха благая,
Учинилися во мне терзания злая!

(с. 521)

«Дафнис»

Аполло

О горе! Откуда огонь сей во мне бывает?
Паче сицилийских всех коминов палает!
Твоими утехами, девице благая,
Во мне учинилася рана сия злая.

(л. 157 об.)

2)

Меленда

О горы! вы на мя ныне придите!
Морския волны, молю, потопите!
И вы, леса, мя ныне пощадите,
Лва или волка на мя испустите.
Унее буду оными умерщвлена,
Нежели от тебя, моя радость, буду отлученна.

(с. 516)

Дафнис

Уби мя, древо, горы, придавите!
Водные волны, молю, потопите!
О леса, вы мя ныне пощадите,
Лва или волка на мя испустите.
Унее буду сими умерщвлена,
Нежели воли сего подклоненна.

(л. 159—159 об.)

³² Пьесы столичных и провинциальных театров. С. 615.

³³ Еремин И. П. Литература Древней Руси. М.; Л., 1966. С. 225.

Некоторые реплики «Дафнис» были особенно привлекательны. В «Комедии о Есфире царице, в нейже показывает о ненависти и о прочем» опять встречаем:

Что ты ветрам слово лаеши (так! — С. Н.) напрасно,
Почто в славе и чести жил неопасно?

(с. 288)

Царь обращается к Есфири со словами:

Жено любезнейшая, рцы ми без боязни:
Истинно имам тя в любовной приязни,

(с. 290)

повторяя уговоры Аполлона:

Любезнейшая, буди без боязни,
Я твоей прошу верныя приязни

(л. 163)

А Царю вторит Девуца 2:

Царица пресветлая, буди без боязни:
мы вемы, царь имать тя в любезной приязни

(с. 278)

Вставки из «Дафнис» иногда вносят неясность в текст драм. Так, Магилена из «Акта или действия о князе Петре Златых Ключей и о прекрасной Магилене Неополитанской» (середина XVIII в.), оказавшись в лесу, неожиданно говорит Старице:

З девицами моими в сем лесу гуляла
и не знаю, како я от оных отстала.

(с. 347)

Это неожиданно потому, что ни в самом «Акте», ни в «Повести о Петре Златых Ключей»³⁴ никаких «девиц» с Магиленой не было, но они были с Дафной:

Я за еленем семо забежала
И от подружий моих так отстала.

(л. 155 об.)

Эта неточная цитата позволяет считать, что и диалог Венеры и Купидона в «Антипрологе» «Акта» навеян их диалогом из «Дафнис» (явл. 4).

Один раз, и опять довольно неожиданно, появляется Купидо в «Комедии гишпанской о Ипалите и Жулии», похваляясь:

Как древле Апполон мною ругался,
Аз же ему надсмеялся:
К девице Дафниде сердце его распалил,
Ея же от него отвратил.
Сам ту причину сотворил,
Словом секненною стрелою ея застрелил.

(с. 474)

³⁴ См.: Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. М., 1964. С. 310.

В имени Дафны («Дафнида», как в переводе), в описке «словом» вместо «с оловом» заметны, по нашему мнению, уже забывающиеся отзвуки «Дафнис» в драматургии первой половины XVIII в.

Иное использование текста «Дафнис» обнаруживается в «Комедии о графе Фарсоне» (1730-е гг.). Здесь использован пролог «Дафнис», что уже было отмечено С. А. Щегловой.³⁵ Замена имен собственных на соответствующие, незначительная переделка — этим и ограничилось приспособление пролога к другой пьесе, причем сделано это настолько механически, что иногда смысл теряется, например, стих: «На златом возе Аполло прекрасный» (л. 138) стал звучать бессмысленно: «На златом возе граф Фарсон прекрасен» (с. 357); двустилишие:

Како Аполло, сам солнце высоко,
Не просветил же Дафнидино око
(л. 138)

превратилось в следующее:

Како граф Фарсон сам персоною высокой
Не пролетит же Давидово око.
(с. 357)

Косвенные данные о последующей судьбе «Дафнис» можно извлечь из доношения Кондратия Байкулова от 11 декабря 1749 г. в Главную полицеймейстерскую канцелярию.³⁶ В упомянутом в доношении «Аполлонском арте» среди 26 действующих лиц находим и «персон» «Дафнис»: Купидона, Аполлона, Венеру, Дафну, а также Меркурия и реку Пеней. Две последние «персоны» (в других произведениях они не встречаются) указывают на несомненную связь с «Дафнис»,³⁷ но так как текста не сохранилось, утверждать это категорически мы не можем, хотя продолжение традиции налицо.

Перевод поэмы С. Твардовского, как теперь можно судить, был известен на всем протяжении первой половины XVIII в., и его списки были в обеих столицах; причем он был не просто известен — авторы нескольких пьес охотно обращались к нему, заимствуя целые куски текста. Нефункциональные заимствования или нестилизациянные подражания (термин Д. С. Лихачева) приспособлялись к новому содержанию, деформировались,

³⁵ См.: Щеглова С. А. К истории драмы XVIII в. о графе Фарсоне // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 129—130.

³⁶ См.: Забелин И. Е. Из хроники общественной жизни в Москве в XVIII столетии // Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 558—564.

³⁷ На эту связь независимо друг от друга указывали В. Д. Кузьмина и П. Н. Берков; см.: Берков П. Н. Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 297; Кузьмина В. Д. Русский демократический театр XVIII в. М., 1958. С. 142.

что иногда приводило к стилистическим несообразностям, являвшимся результатом механического переноса отдельных поэтических формул. Представленный материал подтверждает мысль Д. С. Лихачева: «Для нестилизационных подражаний типично, что обычно объектом подражания избирается произведение с яркой стилистической характерностью, произведение своеобразное».³⁸ Можно с уверенностью сказать, что «Дафнис» была образцовым сочинением, если к ней обращались как к кладезю готовых поэтических формул, преимущественно «галантного» содержания. В конечном счете перевод поэмы Твардовского «разошелся в репликах», к середине XVIII в. ставших штампами драматических сочинений. Хотя «Дафнис» была широко известна, сведений о ее постановке нет. Очевидно, несмотря на усилия переводчика и редакторов, «Дафнис» осознавалась скорее как драма для чтения, а не для постановки.³⁹ Характерно и другое. «Дафнис» была переведена в то время, когда в России любовной поэзии было мало. С ходом времени «политес» стал привычной нормой, появилась и своя любовная лирика. И если в этих условиях интерес к «Дафнис» ослабевал, то он не угасал совсем, что мы и пытались показать на ряде памятников.

Но история изучения «Дафнис» была гораздо менее удачлива, чем ее литературная история. Начало ее изучению было положено П. П. Пекарским, опубликовавшим фрагмент перевода и указавшим его польский оригинал — поэму С. Твардовского.⁴⁰ Вскрепшая пьеса была издана Н. С. Тихонравовым,⁴¹ а полтора десятилетия спустя предварительно проанализирована П. О. Морозовым.⁴² Таким образом, к концу XIX в. наука располагала и изданием и необходимой суммой данных об этом памятнике. Но на этом изучение «Дафнис» и закончилось. Заключение П. О. Морозова с сохранением его неточностей были повторены В. Н. Перетцем и А. В. Багрием.⁴³ После этих работ «Дафнис» как памятник переводной литературы выпала из научного оборота. О ней не писали

³⁸ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1979. С. 189.

³⁹ Ср. признание В. К. Тредиаковского, который в предисловии к переводу «Евнуха» Теренция писал: «...я мой перевод не для представления сделал, но для чтения» (*Модзалевский Л. Б. «Евнух» В. К. Тредиаковского // XVIII век. Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. С. 314.*)

⁴⁰ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 464—467.

⁴¹ Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 гг. Т. 2. С. 440—484. В «Примечаниях» ко второму тому (существует несколько корректурных экземпляров) комментария к «Дафнис» нет, не обнаружили мы его и в архиве ученого (ГБЛ, ф. 298).

⁴² Морозов П. О. 1) Очерки из истории русской драмы XVII—XVIII столетия. СПб., 1888. С. 302—305; 2) История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. С. 289—294. — Во всех этих работах есть неточности.

⁴³ См.: Перетц В. Н. Очерки по истории поэтического стиля в России. СПб., 1907. Вып. 5—8. С. 35—37; Багри А. П. Западноевропейские драматические жанры и их отражение в русской драматической литературе // Изв. Азербайджанск. ун-та. 1927. Т. 8—10. С. 9.

и не пишут исследователи польско-русских литературных связей, избегают ее и историки русского театра. В предисловии и в этой главе мы уже привели немногие упоминания о «Дафнис» в современной литературе в связи с историей русской театральной терминологии или стихосложения, причем очевидно, что авторы этих работ не всегда отдавали себе отчет в переводном характере пьесы либо никак это не отмечали.⁴⁴ Это, кстати, своеобразное признание высокого уровня перевода, если он таковым не признается или хотя бы не связывается с иностранным источником. Например, в упомянутой работе Е. Г. Ковалевской, посвященной интимным диалогам в переводной драматургии Петровской эпохи, «Дафнис» даже не называется, а между тем именно эти диалоги Аполлона и Дафны получили признание у авторов школьных пьес.

О высоких литературных достоинствах и своеобразии «Дафнис» свидетельствует и то обстоятельство, что А. С. Елеонская и Л. П. Сидорова, характеризуя метафорическую речь героев «Истории о царе Давиде и царе Соломоне», приводят примеры, которые по большей части заимствованы из «Дафнис».⁴⁵ Аналогично поступила и В. Д. Кузьмина в комментарии к «Комедии гишпанской о Ипалите и Жулии».⁴⁶

Таковы не только жанровые, но и историко-литературные «метаморфозы», которым поэма С. Твардовского подверглась в истории русской литературы.

Вторая поэма, отразившаяся, на наш взгляд, в драматургии Петровского времени, — «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо в переводе П. Кохановского (1618). В отличие от «Дафны», она уже хорошо была известна на Украине и в России, а Феофан Прокопович в своих лекциях по поэтике в 1705 г. канонизировал ее, и итальянская поэма в «польском кунтуше» стала классическим образцом героической поэмы.

Судьба «Освобожденного Иерусалима» Тассо—Кохановского на Украине и в России на рубеже XVII—XVIII вв. уже была предметом обстоятельных исследований.⁴⁷ Можно уточнить только один момент, а именно — начало знакомства с поэмой. Обычно его относят к концу XVII в., но произошло это несколько раньше.

⁴⁴ Так, П. Н. Берков писал, что еще «не обнаружено интереса к таким фактам, как возникновение в недрах силлабического стихотворства изысканного жанра пастушеской драмы («Дафнис. . .)», см.: *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII в. Л., 1977. С. 25.

⁴⁵ См.: Пьесы столичных и провинциальных театров. С. 35, 613, 615.

⁴⁶ См.: Пьесы любительских театров. С. 796, 797.

⁴⁷ См.: *Перетц В. Н.* «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо в украинском переводе конца XVII—начала XVIII вв. // *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. Л., 1928. С. 168—234; *Горохова Р. М.* Торквато Тассо в России XVIII в.: Материалы к истории восприятия // Россия и Запад: Из истории литературных отношений. Л., 1973. С. 109—120; *Łuźny R.* «Gofred» Tassa—Kochanowskiego na Rusi w wieku XVII—XVIII // *W kręgu «Gofreda» i «Orlanda».* Wrocław, 1970. S. 119—130; *Lewin P.* Rosyjskie przekłady «Gofreda» w wykładach poetyki z XVIII w. // *Slavia Orientalis.* 1969. № 4. S. 383—391.

Так, в «Мессии правдивом» (1669) Иоанникий Галятовский пишет: «Читай Гисторию о Годефриде Буллоней Гетмане, который з войсками христианскими пришовши до Палестины, выгнал турков з Иерусалиму и войско турецкое погромил, и сам зостал кролем Иерусалимским. На той час з тоей поражки утекал Солиман, султан турецкий до Египту и в дорозе заснул; до которого пришел еден чаровник, названный Измен, и збудил его, и казал ему всести на воз, в котором были коне быстрыи запряжены, и сам усел з ним на том возе, который воз докола зараз оточил оболок, и обадва през поветре, на том возе оболоком прикрытии, до Иерусалиму полетели, жебы там Солиман султан обачил и доведался, що ся в Иерусалиме з турками деет и що христиане чинят. Также злыи духове, оболоком учинившися, порвали вашего кроля Сабефа себе и прикрыли; гды он вступил в окрут, из очей людских згнуул».⁴⁸ На поле напечатано: «Гистория о Годефриде Буллоней, вершем от Петра Кохановского написана. Песнь 10 о вызволении Иерусалиму, лист 5б».

К «Освобожденному Иерусалиму» Иоанникий Галятовский обращался и в других своих книгах, также известных русским читателям.⁴⁹

Есть еще одно произведение, на этот раз русское, связанное с «Освобожденным Иерусалимом». Имеем в виду «Диалог о Гофреде, победившем сарацины». Этот «Диалог», сохранившийся в одном списке середины XVIII в., дважды был опубликован.⁵⁰ П. Н. Берков приурочивал его к возвращению Петра I из персидского похода и датировал концом декабря 1722 г., а возможного автора видел в Федоре Журовском, которому атрибутируются «Слава печальная» и «Слава Российская». Эта атрибуция «Диалога» не была поддержана О. А. Державиной.

Ни публикаторы «Диалога», ни другие исследователи русской драматургии первой половины XVIII в. не указывают источник этой школьной драмы. О. А. Державина пишет о возможном механическом объединении двух неизвестных нам пьес.⁵¹ В. Н. Петретц, отмечая рукопись пьесы на выставке массовой литературы XVIII в., мимоходом упомянул, что это «пример переделки пове-

⁴⁸ Иоанникий Галятовский. Месиа правдивый. Киев, 1669. Л. 72 об.—73. Без последней фразы перепеч. в кн.: Буслаев Ф. И. Историческая христоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861. Стб. 1153—1154.

⁴⁹ См.: Иоанникий Галятовский. Боги поганские в болванех мешкаючи. Чернигов, 1686. Л. 29 об.—30. Изданная им в 1679 г. на польском языке книга «Лебедь с перьями» была переведена на русский язык дважды — в 1683 г. и в начале XVIII в. Авраамием Карамышевым; цитата из поэмы в обоих переводах сохранена, см.: ГПБ, Q.I.244, л. 111—111 об.; БАН, 17.6.18. Л. 49—49 об. Ср.: Schmücker-Breloer M. Zur Rezeption des «Lebed's periem. . .» von Ioannikij Galatovskij // Slavistische Studien zum IX. Intern. Slavistenkongr. in Kiev 1983. Köln; Wien, 1983. S. 465—494.

⁵⁰ См.: Берков П. Н. К истории русского театра 1720-х гг. («Диалог о Гофреде, победившем сарацины») // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 389—407; Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 239—255, 504—506 (комментарий О. А. Державиной).

⁵¹ Пьесы школьных театров Москвы. С. 505.

ствовательного произведения»,⁵² но не указал какого именно. П. Н. Берков писал, что «победа над магометанами персами легко ассоциировалась с победами Готфрида над сарацинами. Самое избрание исторической темы свидетельствует о достаточной культуре автора и о его знакомстве с основными фактами первого крестового похода под руководством Готфрида Бульонского. Ему известно и выступление пустынноика Петра Амьенского, который в Диалоге назван Пустелником, и отвлечение крестоносцев от цели похода богатством стран, через которые лежал их путь».⁵³

Источником этих и других сведений послужила автору «Диалога» все та же польская версия «Освобожденного Иерусалима», в которой аналогичным образом имя главного героя вынесено в заглавие.⁵⁴ Петр Амьенский, или Пустынник, в «Диалоге» назван Пустелником, так как только под этим именем он выступает в переводе П. Кохановского, кстати говоря, это полонизм (Pustelnik). Точно так же сама форма имени «Гофред» сходна скорее с польской, чем с западноевропейской (ср.: польск. Gofred, итал. Goffredo, франц. Godfroy).

Поскольку сохранилась лишь незначительная часть пьесы (полтора акта), трудно судить о полной степени и характере использования польского перевода поэмы Тассо. Сокращения же, и значительные, несомненные, так как в поэме всего 15 320 стихов. Автор самостоятельно ввел характерные для школьного театра аллегорические персонажи и пр. Но основные линии и мотивы следуют за поэмой Тассо—Кохановского. Сличение показало, что во 2-й сцене использована II песнь, строфы 21—28, в монологе Пустелника — I песнь, строфы 12, 29—31, в 3-й сцене — монолог Люцифера, IV песнь, строфы 9—17.⁵⁵

Текстуальных совпадений в «Диалоге» и «Освобожденном Иерусалиме» практически нет; ср. самое близкое место:

Powiedz Gofredowi,
Czemu proznuje? czemu tak leniwi?
Niech Jeruzalem nieprzyjacielowi
Wydrze, a to ja chcę mu być życzliwy.⁵⁶

Иди, рци Гофреду, брань да уготовляет,
Орудия на врага вскоре изощряет.⁵⁷

Но при создании панегирической пьесы по мотивам огромной эпической поэмы таких совпадений трудно и ожидать; автора

⁵² *Перетц В. Н.* Выставка массовой русской литературы XVIII в.: Путьводитель. Л., 1934. С. 20.

⁵³ *Берков П. Н.* К истории русского театра 1720-х гг. С. 391—392.

⁵⁴ См.: *Tasso T. Gofred abo Jeruzalem wyzwolona.* Przekł. P. Kochanowskiego / Opr. R. Pollak. Wrocław, 1951.

⁵⁵ Этот же монолог использовал С. Величко в своей летописи, см.: *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. Киев, 1851. Т. 2. С. 401—409. Ср.: *Робинсон А. Н.* Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963. С. 75—77.

⁵⁶ *Tasso T. Gofred abo Jeruzalem wyzwolona.* S. 12.

⁵⁷ Пьесы школьных театров Москвы. С. 245.

«Диалога» больше интересовали сюжетные и композиционные возможности изображения «святой брани с неверными»⁵⁸ в духе прославленной эпопеи.

Полонизмов в тексте немного («час» — время, «отрута» — отравлена, «Пустелник» — отшельник, «ланцус» — цепь и некот. др.). Их следует, впрочем, в большей мере отнести не на счет источника, а украинского происхождения автора. Возможно, что им был, по предположению П. Н. Беркова, Ф. Журовский, ученик Киево-Могилянской академии, где поэма Тассо—Кохановского так высоко ценилась.

Особенно интересна и в жанровом и в стилистическом отношении «Наука разных философов о обирании жены, како младым едини присуждают, друзии жениться отсуждают ради разных причин».⁵⁹ Этот любопытный памятник известен в одном списке самого начала XVIII в. и входит в сборник М. И. Родостомова, уже известный нам по переводам фрашек Яна Кохановского.⁶⁰

«Наука» представляет собой набор афоризмов, сентенций и советов античных философов, одни из которых советуют юноше жениться, а другие столь же усердно и аргументированно уговаривают его избегать брака. Подборка высказываний античных авторов заведомо предполагает какой-то иностранный источник, а нерегулярно встречающиеся рифмы позволяют думать, что это был стихотворный текст, ср.:

Учернився мерзско, точию яст и пиет,
И тако аки безсловесный скот в хлеву тьет.

(л. 120 об.)

Аще бы ей и каменем избил зубы,
Однако ж она не сожмет абие своей губы.

(л. 121)

Ибо те ея наряды (веруй!) немало принесут убытка,
Хотя бы ему и от велика быти прибытка.

(л. 122)

В первых двух случаях можно предположить транслитерацию польских рифм *rije—tuje, zębu—gębu*. Поскольку *gęba* означает «рот», то наличие этого полонизма в рифме позволяет обратиться в поисках оригинала к польской литературе, хотя в самом тексте «Науки» полонизмов практически нет, а редко встречающиеся слова типа «пенязи», «шкодит» не могут считаться безусловными полонизмами в русском литературном языке конца XVII в.

⁵⁸ Ср. начало «Освобожденного Иерусалима» в переводе с польского Михаила Финицкого (1740): «Аз вождя хвалю и брань святу его» (Цит. по кн.: *Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722—1774) a tradycje polskie*. Wrocław, 1972. S. 168).

⁵⁹ ГИМ, собр. Барсова, № 1531, л. 107—124 об. (далее ссылки в тексте с указанием листов рукописи).

⁶⁰ Сборник описан в статье: *Николаев С. И.* Три фразки Яна Кохановского в переводе XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 289—301.

Однако в богатой антифеминистскими сочинениями совизжальской литературе XVI—XVII вв.⁶¹ оригинала «Науки» мы не отыщем. «Наука» — это антифеминистская инвектива, построенная как ученый трактат. Она состоит из своеобразного введения («О обирании жены философи вкратце поучают»), очень краткого раздела «Наука или совет философов юношам, дабы женилися» и обширных разделов «Наука или совет философов младым, дабы не женилися», «Описание естества, сиречь природы, великого непостоянства и женска непостоянства против супружником или сожителем», «О вдовцах, вторицею брачащихся, и о вдовах, вторицею посягающих» и «Совет сих философов приличен, учение божественнаго писания и объявление, откуда раждаются жены». Ученый трактат щедро приправлен столь любезным сердцу древнерусского книжника средневековым мизогинизмом,⁶² и оригинал его, явно противостоящий смеховой эстетике совизжалов,⁶³ следует искать в «высокой» словесности. И действительно, он отыскивается среди произведений уже известного нам Бартоша Папроцкого (см. гл. 3). Это стихотворные «Наставления разных философов о супружестве»,⁶⁴ несколько раз издававшиеся в XVI—XVII вв. (около 1590, 1613, 1649, 1697; были издания и без выходных данных).

Из сопоставления перевода с оригиналом выясняется, что в переводе есть три небольших пропуска: два двустихия в середине текста и семь завершающих все произведение стихов. В известном нам польском издании⁶⁵ двустихия расположены внизу лицевой и оборотной сторон одного листа, вероятно, издание с таким же расположением текста и было у русского переводчика, но с дефектом — нижняя часть этого листа была оборвана. Что касается заключительных стихов, то они явно были переведены, но следующий лист в рукописи, где они должны читаться, утрачен.

Однако главное отличие заключается, конечно, в том, что 8-стихия оригинала переданы прозой, причем эпиграмматический стиль стихотворных фацей⁶⁶ передан книжным слогом «Беседы отца с сыном о женской злобе». Думается, что как раз «Беседа», все редакции и переделки которой уже появились к началу XVIII в.,⁶⁷ и послужила причиной смены языкового регистра и замены стиха прозой.

⁶¹ Polska satyra mieszczańska: Nowiny sowiżrzalskie / Oprac. K. Vadecki. Kraków, 1950. S. XV—XXIII, 53—207.

⁶² См.: *Забелин И.* Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872. Ч. 1. С. 129—178.

⁶³ См.: *Мочалова В. В.* Мир наизнанку: Народно-городская литература Польши XVI—XVII вв. М., 1985. С. 178—182.

⁶⁴ *Paprocki B.* Nauka rozmaitych filozofów obierania żony. Kraków, (ok. 1590).

⁶⁵ Издание без выходных данных, экземпляр Львовской научной библиотеки им. В. Стефаника АН УССР.

⁶⁶ Четыре стихотворения перепечатаны в известной антологии польской эпиграммы, составленной Ю. Тувимом, см.: *Cztery wieki fraszki polskiej / Wybór i wstęp J. Tuwima.* Warszawa, 1957. S. 29—30.

⁶⁷ См.: *Тимова Л. В.* «Беседа отца с сыном о женской злобе»: Исследования и публикация текстов. Новосибирск, 1987.

При чтении компилятивной книжечки Папроцкого⁶⁸ русский книжник, конечно, испытывал радость узнавания, поскольку за античным антуражем «Наставления» скрывались хорошо знакомые мотивы, местами едва не совпадающие с «Беседой». Если в «Беседе» утверждается, что жены привыкли «в зеркало призраги и вапами лица помазовати, и вежда свои возвышати, и черновидно лица вообразати»,⁶⁹ то и «Наука» вторит: «мерзкая жена» «учернився мерзко, точию яст и пьет» (л. 120 об.); «пестрин нарядных желая хранит и почернитися опасается» (л. 122). «Беседа» утверждает, что в злонравной жене «обрящещи. . . медведицу, лвицу, змию, скорпию, василиску, аспидну»,⁷⁰ и в «Науке» не менее богатая генеалогия злой жены, которая происходит от «свинии», «лисицы», «злобнаго пса», «осла», «ласицы», «коня», «обезьяны».

Настраиваясь на высокий слог «Беседы», переводчик избрал и соответствующий стиль, поэтому отец выдает замуж уже не просто «дочь» («сѳгка») или «дщерь» (л. 109 об.), а даже «отроковицу» (л. 112 об.); вдова должна быть не просто «добродетельна», но и «благодарочита» (л. 119); ленивая жена греет зимой у печи уже не «zadek», а почтенные «лядвии» (л. 121). Установкой на тон поучения объясняются и неоднократные случаи перевода одного слова двумя или тремя синонимами, например:

ma snotę spełna	— имеет разум и человечество (л. 108)
snota	— добродетель и разум (л. 109)
jako żubr	— яко зубр или лось (л. 110)
myśli twoje	— думы и помышления (л. 112)
ubóstwo	— нищета или скудость (там же)
zła żona	— злая и лукавая жена (там же)
mierzi	— отрицает, отсекает или запрещает (л. 112 об.)
w więzieniu	— в пленении и заключении (там же)
kiedy się nachodzi	— когда находится или удовлетворится (л. 113)
szkodzić	— препяти и гораздо досадити (там же)
przeglądał sobie	— избирал еси и высматривал (л. 124 об.)
z trzaskiem	— со треснованием и воплем (л. 121)

Иногда одно слово в переводе разрастается в целое предложение:

ubrukawszy	— сама же аки свиния сапит (л. 120 об.)
upstrzywszy	— изпестрив, сиречь изнищав жемчугом и камением и различных цветов листами главу (л. 118)

Благодаря переключению языкового регистра и смене стихотворной формы на прозаическую, переводчик счастливо избежал

⁶⁸ См.: *Krejčí K. Bartolomej Paprocki z Hlohoh a paprocke vůle. Praha, 1946. S. 123—125.*

⁶⁹ *Тимова Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе». С. 198.*

⁷⁰ Там же. С. 201.

полонизмов и, видимо, умышленно не упомянул о том, что «Наука» — перевод с польского, так как обращение «Do Polaka» превратилось в «До жениха».

«Беседа отца с сыном о женской злобе» отнюдь не единственная параллель к «Науке» в русской литературе, те же сюжеты, не говоря об общих мотивах, обнаруживаются и в других памятниках. Известный ответ Сократа о дожде после грома читается в «Фацециях» с любопытным стилистическим отличием. В «Фацециях» Ксантиппа «некогда в злобе своей и помоями его облила»,⁷¹ в «Науке» же стиль выше: «Похитив кадь воды, обли его» (л. 115 об.).

В «Науке» Демокрит говорит юноше, что потому выбрал жену малого роста, «что между злым наименшего увидел» (л. 108 об.). В «Апофтегматах» Б. Будного, несколько раз переведенных с польского на русский в XVII—XVIII вв., этот рассказ вполне соответствует стилю и духу «Науки»: «Того ради, яко со злаго избираючи волих паче избрати наименшее злое».⁷² Этот же ответ читается и в переведенном с польского языка «Златом иге супружества», автор которого, впрочем, замечает: «Толко не ведаю, хорошо ли выбрал, понеже если в высокой (в великой) мало что добраго, а в низкой, конечно, ничего нет, толко одна злоба».⁷³ Как и Папроцкий, автор «Златого ига» вспоминает Сократа, который приравнивал желающих жениться к «вьюну в верше», который обратно вылезти не может (ср. л. 112 об.), но и здесь автор «Златого ига» ехидно замечает: «Хорошо иному советал, а сам однако, дурак, женился, чюднаго беса — Ксантипу жену поял, от нея же много бед претерпел, что и ослопа хватал».⁷⁴

Между «Наукой» и «Златым игом супружества» есть и другие сюжетные переклички, отчасти совпадают они и по структуре, но не менее заметны и более важны отличия между ними в русском литературном контексте. Для автора «Златого ига» тема «злых жен» звучит анахронизмом, недаром в «Оговорке» он дезавуирует свои нападки на женщин: «Писца сей книжицы намерение — не наступать на чин супружественный и на жен честных порицание класть, понеже тем обоим весь мир цветет, но юношам обоего полу очи отверзать, дабы на свечю, что ожигает, не летели, как камары или мотылечки».⁷⁵ Между тем в мизогинизме автора «Науки», как и в других произведениях его на эту тему,⁷⁶ чересчур много искреннего чувства, которое откровенно прорывается в конце: «Лучши всех лекарств несть на злую, верь ми всякий,

⁷¹ Державина О. А. Фацеции: Переводная новелла в русской литературе XVII в. М., 1962. С. 136.

⁷² Matek E. Staroruskie przekłady «Apoftegmatów» Bieniasza Budnego // Studia filologiczne WSP w Bydgoszczy: Filologia rosyjska. Bydgoszcz, 1978. Z. 4. S. 16.

⁷³ Панченко А. М. «Златое иго супружества» и его источник // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 334.

⁷⁴ Там же. С. 334—335.

⁷⁵ Там же. С. 337. Ср. с. 310.

⁷⁶ См.: Krejčí K. Bartoloměj Paprocki z Hlohohol a paprocké vôle. S. 118—

только кий, или палка, когда ю всегда муж окропляет» (л. 124 об.). Таким образом, неизвестный автор «Златого ига супружества» выдает себя за женоненавистника и только в конце признается в том, что его произведение — шуточная рацея на извечную тему, Папроцкий же, напротив, напрасно пытается показать свою беспристрастность, но под конец срывается и выставляет себя в истинном свете.

В сложившемся к началу XVIII в. достаточно представительном корпусе оригинальных и переводных текстов, трактующих тему «злых жен», трудно усмотреть признаки будущего «политеса». Но в общем процессе секуляризации литературы и культуры метаморфоза женщины из «сосуда скудельного» в «драгоценную казну» совершалась при теснейшем литературном обмене с Польшей.

Рассмотренные переводы первой четверти XVIII в. при хронологическом их расположении — «Наука разных философов о обирании жены», «Дафнис», «Диалог о Гофреде» — могут навести на мысль о не только постепенном, но даже ускоренном процессе обмирщения литературы, которому сопутствовала и эволюция приемов обращения с оригиналом: от точного перевода к переделке и использованию мотивов. В историко-литературной перспективе эта линия, конечно, оказалась главной, но она была не единственной, и сам процесс обмирщения не был очень гладким.

Памятники, о которых шла речь выше, создавались новым поколением литераторов, которым были чужды как эстетические установки, так и пророчество поэтов XVII в. Попытки Петра I использовать в своей культурной политике представителей старой учености, западников XVII в., полонофилов и латинистов, окончилась неудачей. Латинствующие и грекофилы оказались вынужденными союзниками, перед лицом поколения литературных «чиновников», пишущих по заказу.⁷⁷

Однако старое западничество, вылившееся в консервативное полонофильство (теперь оно стало знаком не новой, а старой культурной ориентации), после смерти Петра I оживилось: появились слухи о восстановлении патриаршества, Д. М. Голицын мечтал об «укрощении» императорской власти и т. д. В какой-то мере оживилась и прежняя литературная традиция. В самый решительный и критический год пятилетия после смерти Петра — 1730 — появился еще один перевод из польской литературы, и связан он не с новациями в литературе Петровской эпохи, а тянется к традициям «Пентатеугума» и иных эсхатологических сочинений XVII в.

⁷⁷ Эта проблематика разработана в ряде работ А. М. Панченко, см.: 1) О смене писательского типа в Петровскую эпоху. С. 112—127; 2) Славянские связи и национальные традиции в русской литературе на рубеже XVII—XVIII вв. // Славянские литературы: VII Международный съезд славистов, Варшава, август 1973 г. М., 1973. С. 225—238; 3) Два этапа русского барокко // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 100—106.

Мы имеем в виду «Мировулия Тассалина Притчи нравоучительные о добродетели и фортуне».⁷⁸ Оригиналом является небольшая книжечка Станислава Хераклиуша Любомирского «*Adverbia moralia sive de virtute et fortuna libellus*»,⁷⁹ написанная в 1666 г., а первым изданием вышедшая в 1688 г. под именем Мировулия Тассалина (анаграмма: *Mirobulius Tassalinus — Lubomirius Stanislaus*). Это «последнее выдающееся произведение новолатинской литературы»,⁸⁰ одно «из самых глубоких и самых ценных произведений славянского барокко»⁸¹ пользовалось большим читательским успехом: всего было девять изданий — шесть на латинском и три на польском языке в переводе А. Х. Лапчинского (первое издание 1714 г.). Тринадцать списков русского перевода свидетельствуют и о внимании русских читателей к этому произведению,⁸² как и вообще к творчеству Любомирского.⁸³

«Притчи нравоучительные о добродетели и фортуне» — это общеполитические рассуждения, щедро приправленные неосточеской философией, в которых разрабатывается излюбленная барокко тема *Vanitas*: «о состоянии человеческого и его слабости», «о временной славе мира сего», человек — «играло фортуны» — эти и другие оттенки общей темы подвергнуты Любомирским тщательнейшему анализу.⁸⁴

В строгом смысле слова это произведение назвать стихотворным нельзя. «Притчи» написаны в жанре элогиума, который занимает срединное положение между поэзией и прозой, являясь «неметрическим поэтическим произведением».⁸⁵ Этот элегантный

⁷⁸ См.: *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи // СОРЯС. 1908. Т. 34. № 3. С. 26; *Численко Н. Д.* Латинские притчи С. Х. Любомирского в русском переводе 1730 г. // Тезисы докладов всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии». Харьков, 1980. С. 190—191; *Николаев С. И.* Элогиум и проповедь: Проблемы изучения перевода «*Adverbia moralia*» С. Х. Любомирского 1730 г. // Проблемы историзма в русской литературе (конец XVIII—начало XIX в.). Л., 1981. С. 205—218; *Syževskij D.* Zu den polnisch-russischen literarischen Beziehungen. I. Stanisław Herakliusz Lubomirski in russischer Übersetzung // Z. für slavische Philologie. 1955. Bd 23. H. 2. S. 256—260; *Kroll W.* Heraldische Dichtung bei den Slaven. Wiesbaden, 1986. S. 158, 163.

⁷⁹ *Buchwald-Pelcowa P.* Emblematy w drukach polskich i Polski dotyczących XVI—XVIII w.: Bibliografia. Wrocław, 1981. S. 115—118.

⁸⁰ *Hernas C.* Barok. Warszawa, 1976. S. 476.

⁸¹ *Angyal A.* Die slavische Barockwelt. Leipzig, 1961. S. 199.

⁸² Обзор редакций и списков см. в настоящей книге: с. 189—194.

⁸³ Это третье его произведение, переведенное в России: в 1677 г. в Польском приказе были переведены фрагменты его панегирика «Польская муза» (см. гл. 2), а в 1720-х гг. «Беседы Артаксеса и Эвандра» (см.: *Николаев С. И.* Трактат С. Х. Любомирского о стиле (1683) и проблема стиля в русской литературе первой трети XVIII в. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 118—129).

⁸⁴ См. подробнее о проблематике произведения: *Pelc J.* Wokół «*Adverbiorum moralium*» // Stanisław Herakliusz Lubomirski: Pisarz—polityk—mecenaz / Pr. zbiorowa pod red. W. Roszkowskiej. Wrocław, 1982. S. 123—135.

⁸⁵ *Otinowaska B.* Elogium — «flos floris, anima et essentia» poetyki siedemnastowiecznego panegiryzmu // Studia z teorii i historii poezji. Wrocław, 1967. S. 172. — Все определения взяты из этой работы.

и в высшей степени элитарный жанр, «цвет и суть элоквенции», хотя и основан на принципах риторической прозы, теоретиками риторики XVII в. относился к «свободной поэзии» (*libera poesis*). Писать элогиумы следовало «на подобие стихов» (*ad instar versus*), при этом стихи должны быть разной длины. Непременное требование к элогиуму — «краткий и острый стиль», обилие риторических фигур и концептов. Большую роль в организации текста играет риторическая пауза.⁸⁶

Какова же судьба «Притч» в России? Будь перевод сделан в конце XVII в., он бы воспринимался как вполне естественное явление в духе традиций русского барокко того времени. Действительно, в поэзии конца XVII в. есть целый ряд произведений спекулятивного характера, зачастую пронизанных эсхатологическими настроениями.⁸⁷ Для них характерно и использование изысканных поэтических форм, таковы, в частности, «Рифмы краесогласнии о прелести суетного сего мира и буйстве, како мир другом своим, ихже прелщает вmale, зле ругается вечно», написанные в 1691 или 1692 г.⁸⁸ В подобных размышлениях, из которых читатель «буйство мира, яко вся, яже в нем сущая, суетна, изменна, непостоянна, скоропреходна, паче же и окаянна, удобь познати может»,⁸⁹ конкретный повод, по которому они написаны, прямо не обозначен. Но несмотря на общечеловеческий смысл и «Притч» Любомирского, и «Рифм краесогласных», в эпохи социальных катаклизмов и перемен актуализируется именно связь подобных сочинений с конкретными событиями. Это позволяет нам интерпретировать перевод как отклик на события в России в 1730 г., на восшествие на престол Анны Иоанновны и полное поражение партии кн. Д. М. Голицына, когда колесо Фортуны вращалось с поразительной скоростью, низвергая и сокрушая жизни и судьбы.⁹⁰

Но если между историческими ситуациями, в которых были созданы оригинал и перевод, много общего, то в ином литературном контексте произведение неминуемо должно было подвергнуться трансформациям. В первую очередь это касается жанра, хотя бы потому, что элогиум не принято было писать на национальных языках, он писался на латыни.⁹¹ Однако в русской литературе

⁸⁶ См.: *Pelc J. Wokół «Adverbiorum moralium»*. S. 124—125.

⁸⁷ См.: *Suchanek L.* 1) *Poezja żałobna baroku rosyjskiego // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego: Pr. historycznoliterackie*. Kraków, 1975. Z. 33. S. 33—45; 2) *Rosyjski poemat eschatologiczny epoki baroku // Slavia Orientalis*. 1975. № 1. S. 39—44; 3) *Thanatos i eschatologia: Z obserwacji nad poezją baroku rosyjskiego // Rocznik Komisji Historycznoliterackiej*. 1974. T. 12. S. 3—21.

⁸⁸ См.: *Панченко А. М.* Стихотворный отклик на свержение царевны Софьи // *Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975*. С. 83—94.

⁸⁹ Там же. С. 87.

⁹⁰ См.: *Николаев С. И.* Элогиум и проповедь. С. 207—208.

⁹¹ См. в частности элогиумы, написанные Гедеоном Вишневым на латыни и напечатанные в «Книге Систима» Дм. Кантемира (1722).

можно отыскать образцы как собственно элогиумов, так и элогического стиля.

Наиболее отчетливо жанровые признаки элогиума, вернее, одной его разновидности, заметны в эпитафиях Сергию Радонежскому,⁹² М. Я. Строгановой⁹³ и Иоанникию Лихуду.⁹⁴ Если две последних эпитафии, Петра Буслаева и Софрония Лихуда, издавались неоднократно, то эпитафия Сергию Радонежскому в печати неизвестна, хотя это самый ранний и очень яркий образец элогиума в русской литературе. Приводим текст эпитафии по единственному известному списку, указанной рукописи второй половины XVII в.

Гроб, его же зриши, путниче,
Златом, серебром, драгими камении
Гроб никако,
Но столп яко Давидский он.
Тысящи щитов, тысящи мечей,
Тысящи броней, тысящи стрел
 Висят из него.
От zde святыня, оттуду трепетство,
Тая своим, сия чюждим,
 Обоим же ужас, удивление.
Тому притекут начальницы, царие и господие,
Всякий же его отдаст обет верный.
 Молящии
Обретают благополучный
 В бедах исход.
 В плаче —
 Сладкое утешение,
 В пагубе — спасение,
 В брани — победы,
 В печалех всех — вся благодсть.
Хвалится, возносится, воздвижится
 Божественный сей муж
 Сергий.
И всякий язык отдаст славу Богу,
 Иже дивный, иже хвалится
 Во святых своих.
Сей блаженнаго Сергия гроб,
Смиренно зело тое и устроено место,
 Небо его, а не земля содержит.
 В нем же яко звезда
 Просиявает в севере северная,
Неподвижная всегда, присно непреложная,
 На кую зряще, держащий
 Северная кормила царства
 Ведет на правыя пути
 Государства великаго корабль.
Прием же добрыя из нея крепости,
Обилия исполнится и благополучения,
Аще же левая доидет некогда пакость,

⁹² ГПБ, Q.I.1466, л. 335—336 об.

⁹³ *Toporov V. N. Eine Seite aus der Geschichte des russischen barocken Concettismus: Petr Buslaevs «Umozritel'stvo Dusevnoe» // Slavische Barockliteratur. II / Hrsg. von R. Lachmann. München, 1983. S. 86.*

⁹⁴ Друг просвещения. 1806. № 11. С. 137—140.

Сия от нея приидущая,
 Не злая,
 К вышнему всегда доброму бывает.
 Да озарит ея потом болше свет,
 Да лучи ея теплейшия искусятся,
 Тако солнце скудостию наипаче светит,
 Тако облаки наветующия приидущая
 Луна
 Светы ея пресветло стреляет.
 Соблюдитесь, суповтати, и накажитесь!
 Доселе толкуется смелость,
 И главы тому смиряйте ваши.
 Вы же, скверная татарская стада,
 Будите прочее, абие оскудейте,
 Землений вышних сильнейший никто!

Это несомненно поэтическое произведение трудно назвать стихотворением, такие вторичные стиховые признаки как графика, параллелизм синтаксических конструкций позволяют говорить о ритмической прозе. Однако поразительное стилистическое сходство между эпитафией и «Притчами» мало помогает при уяснении жанровой природы последних, элогиальный стиль для эпитафий достаточно обычен,⁹⁵ а вот медитативных элогиумов русская литература XVII—XVIII вв., кажется, не знает.

Двойственная природа оригинала «Притч» — «неметрическое поэтическое произведение» — позволяет обратиться к памятникам древнерусского красноречия в поисках жанровой аналогии, а следовательно, и стиля восприятия, так как в изучаемую эпоху он определяется жанром произведения.⁹⁶ Обращение же к риторике при изучении поэтических произведений рубежа XVII—XVIII вв. вполне обосновано тем, что тогда на поэзию смотрели сквозь призму риторических правил. Несколько позже В. К. Тредиаковский в «Слове о богатом, различном, искусном и несхотственном витийстве» (1745) прямо говорил, что поэзия есть не что иное, «как токмо сама элоквенция в другую одежду наряженная».

Почти полной жанровой аналогией для «Притч» является поэтическая гомилия. Этот вид поучения пришел в русскую литературу из византийской и известен в целом ряде образцов XV в.⁹⁷ Сравнение с одним из них, недавно опубликованным по списку начала XV в. поучением «Святаго отца нашего Нила о бесстрастии душа и тела»,⁹⁸ показало полное совпадение жанровых особенностей, как принципов графического оформления и употребления риторических фигур, так и композиции, а также примерного

⁹⁵ Кроме немногочисленных русских текстов, в том числе и новейшего времени, см. примеры из западноевропейской литературы XVI—XVIII вв. в кн.: *Sparrow J. Visible words: A study of inscriptions in and as books and works of art.* Cambridge, 1969.

⁹⁶ См.: *Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы.* С. 62—67.

⁹⁷ См.: *Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв. Л., 1987.* С. 123—150.

⁹⁸ См.: *Прохоров Г. М. Книги Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 68—70. Ср. С. 57—62.*

объема. Такое сопоставление позволяет считать, что «Притчи» Любомирского могли восприниматься в русском переводе как род поэтической гомилии, ритмически организованной совецательной проповеди.

Выше было высказано предположение, что этот перевод, будь он сделан в последней четверти XVII в., занял бы в литературной культуре русского барокко вполне определенное место в ряду других медитативных стихотворных и прозаических, переводных и оригинальных произведений, выделяясь разве своими несомненными литературными достоинствами. Иначе мы должны смотреть на перевод, датированный 1730 г. За первые десятилетия века произошел сложный переход русской литературы из древнего периода в новый, и если в литературе конца XVII в. перевод был бы более чем уместен, то в 1730 г. он выглядит анахронизмом, это реликт вкусов и эстетических пристрастий полонофилов XVII в.

Бытование перевода в духовной среде (об этом говорит изучение рукописей и близость к жанрам красноречия) позволяет предположительно очертить тот круг, в котором возник перевод. Неизвестный переводчик был сторонником староцерковной партии, во главе которой некогда стояли Димитрий Ростовский и Стефан Яворский. Налицо признаки этого — творческая независимость, элитарность и эрудиция, даже идея «оправдания делами».

Противостояние «Притч» современным им литературным нормам и вкусам очевидно. Находящейся в расцвете любовной песни (с чего начал Тредиаковский) противопоставляется суровый стоицизм, нарождающейся новой светской поэзии (уже пишет Кантемир) — высокий риторический стиль, литературной и культурной ориентации на страны западной Европы — полонофильство клерикально-консервативного толка. Проявляется это противостояние даже на уровне переводческого. Переводчики 1730-х гг. вырабатывают новую теорию перевода, а переводчик «Притч», воскрешая концепции конца XVII в., старательно переводит подлинник Любомирского стих в стих, слово в слово, соблюдая, конечно, сложившиеся национальные стилистические традиции (например, соело он, разумеется, переводит «бог»). Наконец, «простому русскому слову» новой русской литературы противостоит «глубоко-словная славенщизна» «Притч», эта латынь нашего средневековья.⁹⁹

Мы несколько раз только что процитировали предисловие к «Езде в остров любви» Тредиаковского. Это не случайно, сопоставление этих двух книг символично. Обе были созданы почти одновременно («Притчи» в 1666 г., а роман П. Тальмана в 1663 г.) и одновременно были переведены на русский язык, много лет спустя. Каждое ждало своего часа. Если «Езда в остров любви»

⁹⁹ См.: Панченко А. М. Аввакум как новатор // Рус. лит. 1982. № 4. С. 148.

открывает первую печатную страницу новой переводной поэзии (это было единственное художественное произведение, напечатанное в 1730 г.), то «Притчи» закрывают последнюю и, конечно же, рукописную страницу истории долгого общения с польской поэзией. Это было последнее живое заинтересованное обращение к старопольской поэзии, для которого потребовалось напряжение лучших творческих сил приверженцев старой барочной традиции, не пропавшее, впрочем, даром, что подтверждается неугасающим вниманием к «Притчам» во второй половине XVIII в. в определенной социальной среде.

В дальнейшей истории новой русской литературы интерес к старопольской поэзии будет носить чисто историко-культурный характер.

ИСКУССТВО ПЕРЕВОДА

Техника перевода

Переводчиков XVII—начала XVIII в. часто обвиняли и продолжают обвинять в неумелой работе, в невнимании к художественной форме, непонимании ее и т. д. Формула «несмотря на очевидные просчеты, работу переводчика можно считать в целом удовлетворительной» является едва ли не высшей похвалой. Подобные оценки страдают односторонностью и потому неверны, в них внимание обращено почти полностью на выявление ошибок и погрешностей, но практически нет попыток объяснения тех причин, которые их породили. А между тем переводы очень высокого качества были, и в доказательство этого мы вынуждены опять сослаться на уже приводившееся *argumentum ex silentio*: если в тексте не указано, что это перевод («Дафнис», «Златое иго супружества», стихотворения в «Скифской истории»), то он мог восприниматься исследователями как оригинальное русское сочинение. Такой критерий нашей высокой оценки некоторых переводов кажется свободным от какой бы то ни было предвзятости.

Обратимся к одной технической стороне переводов. Чаще всего переводчикам вменялось в вину «рабское» следование оригиналу — пресловутый пословный перевод. Только в самое последнее время отношение к нему изменилось, и уничижительный оттенок был снят,¹ а после работ С. Матхаузеровой «пословный перевод» вообще не может считаться терминологически верным определением.² В частности, из настоящего исследования видно, что между пословностью «Совета воинского» и «Притч правоучительных» лежит целая эпоха, а пословность этих переводов обусловлена разными причинами.

Наиболее плодотворными в исторической перспективе оказались приемы перевода, выработанные в Посольском приказе. Этим они обязаны установке на адекватность перевода в сочетании с дипло-

¹ См.: *Тарковский Р. Б.* О системе пословного перевода в России XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 243—256.

² См.: *Матхаузерова С.* 1) Две теории текста в русской литературе XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 271—284; 2) Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. С. 27—55.

матической верностью подлиннику. Единственное новшество, появившееся к началу XVIII в., это равносложный силлабический стих, сменивший в переводе неравносложную силлабику.

Однако и в Посольском приказе не было единой методы: точные переводы и «сокращения», т. е. краткие стихотворные пересказы, сосуществовали, а не сменяли друг друга. Аналогичную картину можно обнаружить и в первой трети XVIII в. — после вольной переделки-перевода «Дафны» Твардовского два десятилетия спустя появляется почти филологически точный перевод «Притч» Любомирского. Эти колебания в приемах обращения с текстом объясняются жанровыми особенностями и функциональным назначением именно переводов, а не их иноязычных оригиналов. Но сам учет этих факторов стал возможен только в рамках новой теории перевода, синтезировавшей крайние возможности и нашедшей идеальное для своего времени сочетание «разума» и «речения» в переводе.³

Филологические аспекты перевода характеризовались нами при разборе отдельных памятников — это неперменный первоначальный этап изучения переводной литературы. В данном разделе мы не будем суммировать всех наблюдений, что заняло бы и слишком много места и не внесло бы нового, а только продемонстрируем работу переводчиков на примере пяти разных переводов одного восьмистишия Овидия, сделанных в 1670—1680-х гг. Это не единственный случай неоднократного перевода одного и того же стихотворного фрагмента, и восьмистишие Овидия избрано для того, чтобы еще раз остановиться на судьбах Овидия в России.⁴

М. Стрыйковский, а за ним и А. Гваньини неоднократно цитирует Овидия, искренне считая его первым славянским поэтом.⁵ Оба историка приводят между прочим и следующий отрывок из «Писем с Понта», в котором автор описывает свою жизнь в изгнании:

W pośrodku nieprzyjaciół mieszkam niebezpieczny,
Jak by mi był z ojczyzną pokój odjęt wieczny;
Którzy jadę jaszczorcym mażą strzały swoje,
By do śmierci przydali przyczyni tile dwoje.
Tu rycerz zbrojny mury dręczy obleżone,
Właśnie jak owce w chlewie wilk straszny zamkniętych.
Dachy się od strzał jeżą ze wszech stron natkniętych,
Ledwo mocna strzyma gwałt kłótki bram zamkniętych.⁶

³ Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. С. 50—55.

⁴ См.: Берков П. Н. Овидий в русской литературе XVII—XVIII вв. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1973. № 14. С. 88—92. — В этом разделе использованы материалы статьи: Николаев С. И. Овидий в русской литературе XVII в. // Рус. лит. 1985. № 1. С. 205—211.

⁵ См.: Mikulski T. U grobu polskiego Owidiusza // Mikulski T. Rzeczy staropolskie. Wrocław, 1964. S. 303—324.

⁶ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. T. 1. S. 104. — Латинский текст не приводится, так как все переводы сделаны с польского языка. См. современный русский перевод А. Парина в кн.: Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1978. С. 88 (ст. 13—22).

Приводим тексты переводов.

Посреди неприятель живу аз, вечный,
Аки ми с отечеством отъят есть мир вечный;
Иже ядам язщерчим мажут стрелы свои,
Дабы к смерти придали вин великих двое.
Зде воин оруженный стены все осадил,
Бутто овец в хлевине волк страшный оградил.
Кровли от стрел ежатся с сторон наперенных
И одва здержит крепость ворот затворенных.⁷

В средине неприятелей живу, небезпечный,
Як бы ми со отчеством покои отнят вечный;
Которые ядом ящчюрчим мажут стрелы свое,
Абы до смерти придали причин толко двое.
Ту воин збройный стены други облежены,
Власно яко овцы в хлеве волк страши замкнены.
Покровы суть от стрел жмут, от всех стран на(т)кнннх,
Едва силна удержит тяжесть колотка врат замкннх.⁸

Среди сопостат пребываю небезстрашно,
Яко отечества лишихся невозвращно;
Нрав их — змииным ядом стрелы помазати,
Дабы к смерти возмогли две причины дати.
Зде воин обстоит и каменные стены
И яко волк страшит овцы в хлеве замкнены.
Кровы их стрелами отвсюду отягчены,
Едва крепость их стерпят врата заключены.⁹

Польский текст у Гваньини несколько отличается от Стрыйковского. Приводим соответствующие отрывки польской и русской версий «Описания европейской Сарматии».

W pośrodku nieprzyjaciół i między pogany
Mieszkam, jakbym z ojczyzny wiecznie był wygnany;
Którzy przyczyny śmierci sowite zmyślają,
A strzały swe jaszczurczym jadem napuszczają.
Tu żołnierz konnolotny wojska przepatruje,
Jako wilk głodny krążąc kędy owce czuje.
Łuk w rękę raz napięty z niezłomną cięciwą
Puszcza z siebie raz po raz hart z trucizną żywą;
Ścianyzewsząd srogimi strzałami okryte,
Oręża ledwie znoszą kotarhy rozbite.¹⁰

Среде супостат, среде и страхов витаю,
Якобы отчиною мир отнят мне чаю;
Иже смерти язвою вину обретают,
Вся стрелы ехидным ядом напаяют.
Вооружен зде воин воя окружает,
Яко¹¹ волк в куцах своих овца назирает.

⁷ ГПБ, F.IV.131, л. 129 (перевод 1673—1679 гг.).

⁸ БАН, Арх. С., № 136, л. 130 (перевод 1688 г.).

⁹ ГПБ, собр. Погодина, № 1494, л. 348 об. (перевод А. Лызлова из «Скифской истории», 1682 г.). В публикации Н. И. Новикова (*Лызлов А. И. Скифская история. М., 1787. Ч. 2. С. 12*) следующие разночтения: ст. 4 — возмогли к смерти; ст. 7 — отвсюду стрелами; ст. 8 — егда.

¹⁰ *Gwagnin A. Kronika Sarmacji Europejskiej. Kraków, 1611. Ks. 8. S. 9.*

¹¹ Исправлено, в рукописи: веки.

Отсюда суть стрелами дома уязвлены
И врата от них тяжко стают отворенны.¹²

Посреде неприятеля и меж поганы
Живу,¹³ будто из отчины вовеки выгнаны.
Которые всегда смерть в двоа розмышляют,
А стрелы свои ящериц ядью напускают.
Тут воин полки устовляя,
Как волк голодной за овцами гоняя.
Стены отовсель стрелами покрыты,
А ружья насилу носят каторги розбиты.
Никаторой народ как готы злея быть не возможе,
В стрелах их яд имеет смертное ложе.¹⁴

Сличение всех версий достаточно показательно. Из трех переводов из Хроники Стрыйковского первый и третий выполнены 13-сложником, во втором — колебания от 13 до 16 слогов. В этом фрагменте все рифмы заимствованы из оригинала, тогда как в первом только одна, а Лызлов не заимствовал ни одной. Наиболее точным является первый отрывок: в нем соблюдены размер и порядок слов в каждом стихе оригинала, между тем для рифм (за одним исключением) подобраны точные соответствия, полонизмов нет. Второй отрывок очень точно копирует оригинал, отсюда полонизмы и неравносложность стиха, рифмующиеся слова практически транслитерированы. Перевод Лызлова по технике схож с первым отрывком, но в нем отчетлива тенденция к стиховой корреляции, без точного повторения порядка слов в оригинале.

В переводах из Хроники Гваньини наблюдается та же картина, хотя здесь нет такой точности, как в предыдущих переводах. В первом отрывке 13-сложник с отклонением в 4-м стихе (12 слогов) и свободная перестановка слов в пределах одного стиха; во втором отрывке большая текстуальная зависимость от оригинала сразу сказалась на стихе (неравносложный, 11—16 слогов) и рифмах, половина которых заимствована из польского текста.

Все переводчики буквально следовали оригиналу, тем не менее совпадающих текстов мы не встретили. Следует подчеркнуть, что стихотворные вкрапления занимают достаточно скромное место в обширных хрониках, поэтому переводы стихотворных цитат в прозаическом тексте отражают не столько теорию поэтического перевода, сколько общие принципы передачи иноязычного текста.

Отрывки в «Скифской истории» Лызлова оказались наиболее плодотворными в исторической перспективе, и в дальнейшем практика стихотворного перевода развивала как раз те принципы соответствий, которые воплотил он.¹⁵ Для конца XVII в. его переводы могут быть названы адекватными, если эта позднейшая кате-

¹² ГПБ, F.IV.130, л. 15.

¹³ Исправлено, в рукописи: живут.

¹⁴ ГПБ, F.IV.180, л. 25.

¹⁵ См. другие отрывки из Овидия в его переводе: *Николаев С. И.* Овидий в русской литературе XVII в. С. 210.

горя приложима (хотя бы метафорически) к столь отдаленной эпохе. Технику такого перевода можно свести к следующему: сохранение размера подлинника и возможно близкая точность в пределах одного стиха. Такая техника обогащала и оригинальную поэзию, делая привычными переносы (у Симеона Полоцкого их почти нет) и привнося разнообразие в репертуар размеров.¹⁶

Характеризуя технику перевода, мы не подчеркивали одно весьма важное обстоятельство, а именно родственность языков. В конце концов при чтении некоторых переводов, буквально следующих оригиналу, может возникнуть вопрос: да стихи ли это? Ответ будет положительным, потому что для читателей XVII в. это были стихотворные произведения с такими формальными признаками, как графика и особая «поэтическая» пунктуация, т. е. точка в конце первого стиха и точка с запятой в конце двустипхия. Нельзя упускать из внимания рифму, которая иногда потому-то и взята из оригинала, что подходящего эквивалента переводчик не нашел, но твердо знал о необходимости концевых созвучий.

Что касается близости строя языков, то только что рассмотренные примеры показали, что эта близость существует, однако одинаковых переводов мы не встретили. В этой связи уместно привести следующее замечание Р. О. Якобсона, в котором речь идет о стихотворном переводе с греческого языка еще в древнейший период: «Словарная близость обеих версий, разумеется, не может служить доводом против стихотворности перевода. Незамысловатая фраза „the mean dog suddenly died“ дает в дословном русском переводе варианты от четырех до четырнадцати слогов: „злой пес вдруг сдох“ и „свирепая собака внезапно околела“; буквальная передача прозаической английской фразы может вылиться в пятистопный ямб с классической цезурой на второй стопе: „свирепый пес внезапно околел“ < . . . > Во всяком случае, игнорировать творческие возможности близко примыкающего к подлиннику и тем не менее художественного перевода было бы так же ошибочно, как отрицать живописное своеобразие древнерусских или южнославянских фресок и икон, внимательно следующих византийским образцам».¹⁷

Во втором разделе этой главы мы попытаемся рассмотреть поэтическое своеобразие русских стихотворных переводов.

Поэтика перевода

Предметом анализа мы избрали одно из стихотворений Веспасиана Коховского из его книги «Небездельное безделье» (1674), которое было переведено в Посольском приказе в 1677 г. Хотя для анализа могло быть избрано любое другое упоминавшееся

¹⁶ Наши выводы, конечно, относятся только к переводам с польского, для переводов с греческого и латыни были другие правила, ср. хотя бы переводы Николая Спафария.

¹⁷ Якобсон Р. Похвала Константина Философа Григорию Богослову // Slavia. Praha, 1970. № 3. S. 361.

произведение, наш выбор, конечно, не случаен и обусловлен несколькими причинами.

«Посмеятельные слова жолнером полским» Коховского — это првосходное стихотворение одного из лучших польских поэтов XVII в. Оно неоднократно перепечатывалось в XIX—XX вв.,¹⁸ а недавно был опубликован современный русский перевод.¹⁹ Стихотворение невелико по объему, и мы можем привести его перевод полностью, не останавливаясь на исторических обстоятельствах его возникновения, так как это подробно было изложено во второй главе книги.

Несколько слов о целях и методике исследования. Мы не будем останавливаться на технике перевода, переводоведческие аспекты анализа данного перевода ничего нового в обрисованную в предыдущих главах картину не привнесут. Лингвостилистический анализ также не может дать желаемых результатов, так как создание исторической стилистики русского языка — дело будущего, а стилистические проблемы рубежа XVII—XVIII вв. — область вообще малоизученная. Между тем и оригинал и перевод созданы, по нашему убеждению, в одной стилистической стихии. Общность стиля оригинала и появившегося через три года перевода очевидна, разных стилевых тенденций выявить не удалось, а именно это и могло бы быть отправной точкой для сопоставительно-стилистического исследования.²⁰

Предлагаемый анализ можно назвать функционально-социологическим. Нас будет интересовать поэтика восприятия этого стихотворения, отраженная в переводе. Будет привлечен и литературный (анализ перевода, метафоры, элементы стилистики) и внелитературный материал (быт, нравы и обычаи). Это связано с состоянием источников, необходимых для реконструкции поэтики и стиля восприятия в изучаемый период: мы не располагаем рецензиями, отзывами, воспоминаниями и т. д.²¹

Такое рассмотрение, на наш взгляд, вполне соответствует цели всего исследования.

В «Посмеятельных словах жолнерам полским» В. Коховский высмеивает вояк, превративших стол в поле битвы, а пирушку — в битву, тех вояк, что хвастаются за бутылкой былыми победами, позабыв о плачевном состоянии Польши. Приводим текст перевода.

¹⁸ Польский текст см. в кн.: *Poesi polskiego baroku*. Warszawa, 1965. Т. 2. С. 211—212.

¹⁹ См.: *Польская поэзия XVII века*. Л., 1977. С. 130—131. Перевод Л. М. Цывьяна.

²⁰ См., например: *Жирмунский В. М.* Стихотворение Гёте и Байрона «Ты знаешь край?..» // *Проблемы международных литературных связей*. Л., 1962. С. 48—68; *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 97—109.

²¹ См.: *Левин Ю. Д.* Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л., 1985. С. 8—9; *Głowiński M.* Świadectwa i style odbioru // *Głowiński M.* Style odbioru. Kraków, 1977. S. 116—137.

Гей, не дело, не дело, и нам непристойно,
Братия мои, храбрых ляхов сынове,
В обозе по скляницам налитого вина,
а в словах война.

Заслан стол — то нам воинское поле,
Осадной город — винной погреб, та крепость велика,
Гетманом Бахус,²² наряду начальник —
лутчей запивалщик.

Блюда то город пряж ньем утыкал,
Куропатми шанец великой усыпал,
Сахарна башна город очищает,
все оберегает.

Круг него пушки по станочкам стоят,
Буто из наряду из рюмок загремят.
Пейте заздравну, слов не теряйте!
Из рюмок стреляйте!

Как в той побудке согреется глава,
Послышиш у вас богатырски слова:
Я не боюся крымца-полетая,
взял уж Нечая.

Я Карашьмурзу и Суфказы громил,
А я Кениксмарковы²³ швадроны проломил,
А от моей храброй сабли Долгоруки
изсечен в шуки.

Постойте, братья, тще не погибайте,
От сладких питей вы не отбегайте.
Вино проливая, кровь проливати —
добро почитати?

Иной цвет крови, а иной у питья,
Иного хрусталь от железа бытья,
Языку дело — слова метати,
руке — воевати.

Покинте хвастать, велика причина,
Понеже сами смеются вам вина.
Тот мне богатырь, что молча при столе
готовится в поле.²⁴

Как видно, здесь практически нет «укоризненных» мест, в которых бы содержалось «бесчестье его царского величества имени и его царского величества Росийскому царствию»,²⁵ а именно такие стихотворения или их фрагменты и вменялось в обязанность переводить Посольскому приказу. Стихотворение не имеет отношения к проблематике польско-русских отношений XVII в. и вообще не связано с каким-нибудь конкретным событием внутривосточной жизни Речи Посполитой. «Посмеятельные слова жолнером полским» Коховского — далеко не единственная, хотя и одна из самых лучших инвектив в польской поэзии XVII в.

²² В рукописи на поле глосса: винной бог.

²³ В рукописи на поле глосса: генерал свейской.

²⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 390—391.

²⁵ Там же, л. 481. — Единственное исключение — упоминание о кн. Ю. И. Долгоруком, который предводительствовал русскими войсками в 1660 г. Но это — «дела давно минувших дней», с тех пор прошло полтора десятилетия. Вообще победоносные баталии, которыми хвастаются у Коховского «запивохские вояки», имели место в 1650—1660-х гг.; см. комментарий А. М. Панченко к этому стихотворению в кн.: Польская поэзия XVII века. С. 195.

Подобные обвинения шляхте появляются уже в конце XVI в., их число резко увеличивается в середине XVII в., когда шведский «потоп» наглядно показал слабость Речи Посполитой, став преддверием ее упадка.

Не случайно и обращение Коховского к топике эпической поэзии, а именно к ядерному образу-архетипу «пир-битва», причем к образу в его перевернутом виде, где отношение между знаком и означаемым нарушено. Уже не битва описывается как пир, а пир как битва. Этот героикокомический, сатирический топос проникает в польскую публицистику и сатирическую поэзию в эпоху Возрождения и обычно связан со спором об «истинном шляхетстве».²⁶ В конце XVI в. появляются и входят в пословицу такие словосочетания, в которых рыцарь наделяется эпитетами пьяницы — производными от слов «рюмка», «бутылка», «винный погреб»: *piwniczni gycerze, kufłowi gycerze, gycerz do butelki, kufłowa wojna* и т. д. В «Подлинном изображении жизни достойного человека» Миколая Рея (1558) встречаются «*gycerze piwniczni*», у Яна Кохановского в «Песнях» (1584) читаем: «*Już ty bądź tym gycerzem, со piwo usieciesz*» («Ты — рыцарь доблестный в единоборстве с пивом»).²⁷ Еще в XVIII в. И. Красицкий в «Мышеиде» перечисляет польских королей, павших... во время попок.²⁸

«*Kufłowa wojna*», которую по-русски можно приблизительно передать как «застольная баталия», имеет различные оттенки в польской литературе XVII в. Если у Коховского на реализации «пира-битвы» построено обвинение шляхте, то в «Песне в лагере под Жваньцем. 1653» Ян Анджей Морштын, наоборот, как бы призывает к такому пиру: «*Bracia, bracia, do koni! Już flaszka na stole! Dopadszy szklanej broni, Wypadajmy w pole!*» («Эй, братья, на коней! На столе уже вино! Вооружившись бутылками, устремимся на поле битвы!»).²⁹ У Морштына вывернутая наизнанку эпическая метафора «пир-битва», в которой уже спутаны и оружие, и враг, и место битвы, обнажает и компрометирует отношения в войске, которые породили атмосферу бунта. Еще один вариант перевернутого «пира-битвы» появляется в совизжальской литературе. Складывается такая ситуация, что собственно топос «пир-битва» существует на равных, со своим антиподом — «попойкой-дракой», если не вытесняется последним.

О такой двойственности художественных образов пронизательно писал М. М. Бахтин: «Явление раздвоения традиционного (чаще всего народно-праздничного) образа очень распространено во всей мировой литературе <...> Там, где образ прямо или

²⁶ См.: *Słęk L.* W kręgu Klio i Kalliope. Wrocław, 1973. S. 157.

²⁷ *Кохановский Я.* Избранные произведения. М.; Л., 1960. С. 46; *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich.* Warszawa, 1972. T. 3. S. 114. Ср.: *Tuwim J.* Polski słownik pijacki i antologia bachiczna. Warszawa, 1959. S. 93 (*gycerz do butelki, gycerz kufłowy*), 100 (*walka kieliszkowa, węgierska wojna-spijanie węgryzyna*).

²⁸ *Красицкий И.* Избранные произведения. М., 1951. С. 123.

²⁹ *Morsztyn J. A.* Utwory zebrane. Warszawa, 1971. S. 205.

Jakoby zgronadziłszy lichwy na stole
 Dał góście na wies na trzy Krole.

PIESN VI.

Przy pełnych zwycięstwo.

De P. F. Biberonich Bellisarov.

B nie rzeż nie rzeż y nam maicy przystot
 Wójnow LECHITOW Synom / Bracia moi
 W obojcie ze sta winem zlanym hoynie
 Głowic o Woynie.
 Placem Woiennym / nam stol; Arzenalem
 Płonica / góście dośc manłiey zżżalem
 Bachus Germanem / Włitey Artilleria;
 Kto lepiey piec.
 Z mto belloodry / z pąstretow Reduty
 Z Popy Europaty hanc wielki wstary
 Właccipanowey Pallisada wieze

Cultowa Fryz.

Kolo Ktorey so po suggestach białta
 A lat na basso armata zgrzmata
 Dwarza za zdrowie / Dł nse trae flow dątno
 Bła na łarino.

Je to podobno lat zgrzois głowy
 Włstny rojne bohątyrow moxy
 Włnie nigdy strasna nie test Oroy zgrata
 Jam wiał Hozała.

Jam Karásmuric z Sapentagim gromil;
 Jam Kingmarka squadrony przelomil
 Od moy walecney sáble Dohboruži

Koysiekan w stali.

53

Jam

косвенно заимствован у фольклора, а применяется к характеристике жизни классовых, ненародных групп, там неизбежно возникает это специфическое внутреннее противоречие образа и его особая напряженность».³⁰

Метаморфоза «пира-битвы» в «попойку-драку», столь часто наблюдаемая в литературе XVII в., не случайна. Обновленная в эпоху барокко тема тщеты жизни (Vanitas) породила контрастную, на первый взгляд взаимоисключающую пару: memento mori (помни о смерти) и carpe diem (лови мгновение).³¹ Однако они не только сосуществовали, но и были неразрывно связаны. Призыв «лови мгновение» всегда подразумевает «помни о смерти». Поэтому в литературе и искусстве XVII в. популярен не столько

³⁰ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 316.

³¹ См.: Białostocki J. Vanitas: Z dziejów obrazowania idei «marności» i «przemijania» w poezji i sztuce // Białostocki J. Teoria i twórczość: O tradycji i inwencji w teorii sztuki i ikonografii. Poznań, 1961. S. 105—136.

Jam w Gólsfaciey nieleniwem wioent.
 Szanał straszny gość pod Krucyfodem
 Jam pierwszy w śturmie Coruńskim na wstę
 Wpadał, suchwaję.
 Ty stolicie Bracia / Ty chcecie miżernie
 Poginać wstęicy przy lubym Galerye
 Ty wino leśac iże irew leśacie
 Kommitce chcecie.
 Jasty króle musliet / Jasty kator trunzu
 Komego krzyżtal z żelazem gatunku /
 Jezyka dąleto słowami worowac /
 Nisi worowac.
 Zantechaycieś iaz tej dątemney chłaby
 Doć sie y same smleia z was Cenby
 Co mi bohater co miżac przy stole
 Chowa sie w pole.

PIESN VII.

Awizy

Do ledney osterociałey Kleliet.

 Dłże rozany Tytan w Gelperynstey toni
 Złowy Karooc wyprzysłych niewybrodżit toni.
 Dopiero się Tuzzena zaranna przed słoycem
 Wprawiac miała światu pozadany gancem.
 Gdy wsiawny się po roście idę do Głsiny
 Chcąc wstęiec słowita w dżiczyney głos praśiny
 Siebie we kriu słuchalac co twili ja tone.
 Iż on niemwkle spiewac poczyna kånzony.
 Calki cie przecis miersial nadobny Pånice
 Własny żywot y affekt twey Ołubieniec.

(Coz)

сам «пир», сколько «пир во время чумы», так как в эпоху барокко в саге діем актуализировалось прежде всего гедонистическое значение, что в результате формировало постулат двойной жизни «человека барокко».

Как известно, барокко чрезвычайно ценило метафору, в частности и такую, которая снижала, обытовляла возвышенное и героическое. Поэтому снижается не только «пир», но и «битва». В европейской литературе времен Тридцатилетней войны лучший тому пример — «Симплициссимус» Гриммельсгаузена, где пиршества переходят в попойки, вспыхнувшие поединки превращаются в драки, в сторону летит оружие и в ход идут кулаки, зубы и ногти.³² Со стихотворением В. Коховского поразительно схожа «Пирушка» немецкого поэта первой половины XVII в.

³² См.: Гриммельсгаузен Г. Я. К. Симплициссимус / Пер. А. А. Морозова. М., 1976. С. 293. Ср.: Михайлов А. В. Вещественное и духовное в стилях немецкой литературы // Типология стилового развития нового времени. М., 1976. С. 449—452.

Георга Рудольфа Векерлина.³³ Это сходство объясняется, конечно, не генетической связью стихотворений, а общностью топики патриотической поэзии, порожденной почти непрерывными кровопролитными войнами XVII столетия.

Наиболее ярко метаморфоза-компрометация топоса «пир-битва» проявилась в поэзии. В «Небездельном безделье» Коховского, из которого переведен разбираемый нами текст,³⁴ редкое сатирическое стихотворение обходится без этой видоизмененной метафоры (I, 3, 6, 26; III, 22, 28 и др.), тогда как собственно «пир-битва» встречается реже, что, впрочем, естественно, так как это топос эпической поэзии. Типично для Коховского такое восклицание «войки»: «Do przeciwnej wupal strony! Postrzelonych nie ma!o w oboim szyku Niebezpiecznie od massyku» («Огонь по неприятелю! И здесь и там уже немало пало от вина» — III, 28).

Характерна для эпохи казацких войн и чисто барочная игра слов, основанная на этимологизации фамилии Богдана Хмельницкого. Во время «застольных баталий» поляки бьются с Хмельником,³⁵ а в поле — с Хмелем: «To kunszt harcować pod wieczór wesoły i Chmielnickiego wojować za stoły» («Вот искусство — вечером резвиться и с Хмельником биться за столом» — I, 3). В поле же «Chmiel dziki < . . . > zniósł hetmanu» («Дикий Хмель < . . . > опрокинул гетманов» — IV, 10) или «Zawiódł w kłopoty Kozak z swoim Chmielem» («Казак со своим Хмелем задали забот» — Epodon, 12).³⁶ Таким образом, битва идет не с тем врагом, которого нужно одолеть, происходит подмена, которая приводит к непоправимым потерям.³⁷

Чтобы представить себе восприятие «посмеятельных слов» Коховского в России, нужно учесть разницу и в топике русского и польского искусства, и в обычаях русского и польского общества.

Если героикокомическая топика старопольской литературы практически не отличалась от современной ей западноевропейской, то древнерусской литературе она была почти неизвестна. Издавна напиться до пьяна на «пиру-битве» значило быть убитым. Этот эпический топос, всегда связанный с метафорой «смерть-чаша», известен уже автору «Слова о полку Игореве», без него не обхо-

³³ См.: Немецкая поэзия XVII века / В пер. Л. Гинзбурга. М., 1976. С. 19—22.

³⁴ Цифры в скобках отсылают к «Небездельному безделью»: римской обозначена книга, арабской — стихотворение; см.: *Kochowski W. Pisma wierszem i prozą / Wyd. K. J. Turowski. Kraków, 1859.*

³⁵ В лексиконе Петра I эмфемизм «знаться с Ивашкой Хмельником» означал пьянство.

³⁶ См. еще примеры этимологизации фамилии Хмельницкого: *Перетц В. Н.* 1) Малорусские вирши и песни в записях XVI—XVIII веков. СПб., 1899. Вып. 1—14. С. 25—26; 2) Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 1. С. 100—102; 3) Заметки и материалы для истории песни в России // ИОРЯС. 1901. Т. 6. № 2. С. 84—86.

³⁷ Ср.: *Мочалова В. В.* Мир наизнанку: Народно-городская литература Польши XVI—XVII вв. М., 1985. С. 28—30.

дится практически ни одно описание сражений.³⁸ Что касается «попойки-драки», то она появляется во второй половине XVII в. и встречается очень редко, например в «Службе кабаку»: «Примет оружие пьянства и ревностию драки, и наложит шлем дурости и примет щит наготы, поострит кулаки на драку, вооружит лице на бой, пойдут стрелы ис полиниц, яко от пружна лука, и камнем бывает бьем пьяница».³⁹

Вообще же «ненастоящая война» изображалась в русской литературе второй половины XVII—первой половине XVIII в. в стихии «кухонного юмора»,⁴⁰ многовековая традиция которого в новое время освещает многие страницы романов Рабле и Сервантеса.

Такое сниженное, шутовское изображение войны встречаем уже во второй известной пьесе русского театра, «Иудифи» (1673). Когда солдата Сусакима берут в плен и он клянется, что никогда никого не убивал, то на вопрос «Почто же имаши саблю и руже?» отвечает: «Ружем тем аз токмо свиней убивал, а мясо в колбасы секл есмь, но никогда же им человека прикоснулся».⁴¹ Такое же использование оружия в масляничной игре XVIII в.,⁴² а в скоморошине по записи XVIII в. описывается битва с пирогами и другими яствами.⁴³ В середине XVIII в. выражение «поваренное войско» (т. е. из челяди) означает, что это войско легко разбить, это пародия регулярной армии.⁴⁴

Из атрибутов пира в древнерусской литературе был наиболее развит топос «чаша-смерть», который встречается исключительно в воинских картинах: «Лишь смерть в сражении уподобляется пиру, и следовательно, чаше».⁴⁵ В польской же литературе «чаша

³⁸ О происхождении и истории этого топоса в древнерусской литературе см.: *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 109—116; *Повесть временных лет / Статьи и коммент.* Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 300—301; *Krugovoy G.* Evolution of a metaphor in old russian literature // *Canadian Slavonic Papers.* Ottawa. 1972. Vol. 14. № 1. P. 57—75.

³⁹ Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, статья и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. М., 1977. С. 41—42. — Ср., кстати, поздний отзвук этой метафоры в юношеском стихотворении А. С. Пушкина «Пирующие студенты» (1814): «Под стол холодных мудрецов, Мы подем овладели» (курсив наш. — С. Н.).

⁴⁰ См.: *Curtius E. R.* European literature and the Latin Middle Ages. London, 1979. P. 431—435; *Хэйзинга И.* Осень Средневековья. М., 1988. С. 232—233.

⁴¹ Первые пьесы русского театра. М., 1972. С. 414; ср. скомороший монолог Сусакима перед «казнью» (с. 439).

⁴² См.: *Кузьмина В. Д.* Русский демократический театр XVIII в. М., 1958. С. 57; Маловременные владетели, или Блестящая масленица. СПб., 1785.

⁴³ См.: *Перетц В. Н.* Скоморошьи вирши по рукописи половины XVIII в. СПб., 1898. С. 17—19.

⁴⁴ См.: *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы XVIII в. М.; Л., 1936. С. 136—137. — О сниженном изображении войны в польской совиэжальской литературе см.: *Мочалова В. В.* Мир наизнанку. С. 38—42, 197.

⁴⁵ *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. С. 116.

сия», чаша страдания встречается как в героической, так и в сатирической поэзии.

В XVII в. изменяется и метафора «кровь-вино». Ее высокий символический смысл сменяется обытовлением крови и вина. Это сниженное отождествление отразилось и в литературе и в жизни. В известных «Записках» шляхтича-вояки второй половины XVII в. Яна Пасека нередко встречаются фразы типа «иду туда, где бьются, где вместо сладких вин пьют кровь»; «одно дело разливать сладкие вина, другое — проливать кровь».⁴⁶ Юрий Крижанич проклинал кабаки, «або ся на них ни от рода несть толико вина, колико ся есть для ради них крови пролияло».⁴⁷ Так же поминал «кровавые банкеты» Иван Посошков (1724).⁴⁸ Отождествляет вино и кровь Роскошь в «Диалоге о Гофреде, победившем сарадины» (1722):

Пир Марса, плачь прегоркий, вместо хлеба пуле,
вместо пресладких снедей стрелы дают в туле,
Питие — кровь едина.⁴⁹

Такова была в XVII в. эволюция метафоры «пир-битва» и ее сниженное отражение в сатирической литературе.

Для интерпретации перевода важны также различия в культурной среде, в которой функционировали оригинал и перевод. Оригиналом был предназначен для широких шляхетских кругов, перевод — для узкого круга административной верхушки, для царя и его «ближних людей», которым он мог быть зачитан вместе с «вестями-курантами», поступавшими в Посольский приказ. Главное отличие сводится к тому, что у русских и польских читателей были совершенно противоположные представления о «житье-бытье», в том числе и о кутежах.

При русском дворе во времена Алексея Михайловича и Федора Алексеевича кутежей не было. В Польше дело обстояло по-другому, что хорошо известно современному читателю по трилогии Г. Сенкевича, где почти каждая пирушка, особенно солдатская или офицерская, кончается скандалом или, как заметил путешествовавший по Польше в конце XVII в. голландец, «дракой, окровавленными саблями, отрезанными ушами и носами».⁵⁰ Такие драки возникали не только в корчмах, но и на пирах у магнатов,⁵¹ что в России было исключено. Связано это, в частности,

⁴⁶ *Pasek J. Pamiętniki / Wstępem i objaśnieniami opatrz. W. Czapliński. Wrocław, 1979. S. 216, 226.*

⁴⁷ Цит. по кн.: *Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Казань, 1914. С. 152.*

⁴⁸ *Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие соч. / Ред. и коммент. Б. Б. Кафенгауза. М., 1951. С. 47.*

⁴⁹ Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 250.

⁵⁰ *Tazbir J. W oczach obcych // Tazbir J. Rzeczpospolita i świat: Studia z dziejów kultury XVII w. Wrocław, 1971. S. 186.*

⁵¹ *Łoziński W. Życie polskie w dawnych wiekach. Kraków, 1958. S. 212—213.*

с тем, что в России пил прежде всего посадский «подлый люд», что было результатом правительственной политики — «питухов бы от кружечных дворов не отгонять». В Польше пила прежде всего шляхта, породившая много «золотых мыслей» типа «*qui fallit in vino, fallit in omni*» («кто ошибается в вине, ошибается во всем»). Она пустила в оборот и такой «афоризм»: «*Chłopska rzecz siła jeść, a siła pić szlachecka*» («Мужичью пристало много есть, а много пить — дворянам»).⁵² На практике это выглядело так: в XVII—XVIII вв. на польского крестьянина приходилось в год 3 литра водки, на шляхтича — 20 литров, пива соответственно 100 и 700 литров.⁵³ Шляхта несколько не стыдилась пьянства, напротив, о шляхтичах, которые выпивали в день по 18 бутылок вина, говорилось с почтением.

В России же для дворянина пьянство было постыдно. Так, 28 января 1698 г. кн. Б. А. Голицын подал жалобу царю на кн. Якова и Григория Долгоруких, которые обозвали его «пьяницей и обещали пьянство из него выбить».⁵⁴ Свидетельства очевидцев, разбор жалобы и решение по ней составили довольно пухлое «дело». Но этот эпизод тем более показателен, что Б. А. Голицын, как известно, вовсе не был трезвенником и в словах князей Долгоруких было много правды.⁵⁵

В определенной мере эти различия относятся и к коронованным особам. Если король Ян Казимир напивался иногда до такой степени, что приходилось откладывать дипломатические приемы,⁵⁶ то домашняя жизнь его современника царя Алексея Михайловича была умеренной и скромной. «По свидетельству иностранцев, к столу царя Алексея Михайловича подавали всегда самые простые блюда, ржаной хлеб, немного вина, овсяная брага или легкое пиво с коричневым маслом, а иногда одна только коричневая вода. Но и этот стол никакого сравнения не имел с теми, которые государь держал во время постов. Великим постом, говорит Коллинс, царь Алексей обедал только три раза в неделю, а именно: в четверток, субботу и воскресенье, в остальные же дни кушал по куску черного хлеба с солью, по соленому грибу или огурцу и пил по стакану полпива. Рыбу он кушал только два раза в Великий пост и соблюдал все семь недель поста < . . . > Кроме постов он ничего мясного не ел по понедельникам, средам и пятницам; одним словом, ни один монах не превзойдет его в строгости постничества. Можно считать, что он постился восемь месяцев в год, включая шесть недель рождественского поста

⁵² *Kuchowicz Z. Obyczaje staropolskie XVII—XVIII w. Łódź, 1975. S. 62.*

⁵³ *Ibid. S. 60.*

⁵⁴ *Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII стол. М., 1895. Ч. 2. С. 346.*

⁵⁵ Б. И. Куракин охарактеризовал его кратко и зло: «Пил непрестанно и для того все дела negliжировал» (Архив кн. Ф. А. Куракина. СПб. 1890. Кн. 1. С. 75; ср. С. 66). См. также отзывы о нем Рейтенфельса (ЧОИДР. 1905. Кн. 3. С. 73—74, 87) и де ла Невилля (Рус. старина. 1891. Т. 71. С. 431).

⁵⁶ *Kuchowicz Z. Obyczaje staropolskie XVII—XVIII w. S. 67.*

и две недели других постов». ⁵⁷ Свидетельство иностранца вполне подтверждается и Котошихиным: «А в постные дни, в понедельник и в среду и в пяток, и в посты, готовят про царский обиход ествы рыбные и пирожные, с маслом с деревянным и с ореховым и со лняным и с конопляным, а в Великой и в Успениев посты готовятся ествы: капуста сырая и гретая, грузди, рыжики соленые сырые и гретье, и ягодные ествы, без масла, кроме благовещениева дни — и ест царь в те посты, в неделю, во вторник, в четверг, в субботу, по единожды на день, а пьет квас, а в понедельник и в среду и в пятницу во все посты не ест и не пьет ничего, разве для своих и царицыных, и царевичевых и царевниных именин». ⁵⁸

Во время посольских приемов столы были несравненно роскошнее, но и они имели общее с царскими обедами — это был строгий ритуал, этикет, церемониал. Именно эту черту отмечали иностранцы, писавшие о России, тогда как в польских пиршествах иностранцы усматривали прежде всего расточительство. Особенно поражал их «варварский» обычай битья кубков о собственную голову (никто более не достоин пить из этого кубка!), кто же был «послабее на голову» — стрелял по кубку из пистолета. ⁵⁹

Отклонения от царских обычаев носили исключительный характер. 21 октября 1674 г. во время «вечернего кушанья в потешных хоробах» царь пожаловал своего духовника, бояр и думных дьяков «своею государевою милостью: напоил их всех пьяными». ⁶⁰ Единство места, действия и времени (гости разъехались за полночь) подчеркивает исключительность события, занесенного в дворцовые разряды.

Барон Мейерберг писал, что «обыкновенный образ жизни москвитян, даже и знатных, никогда не нарушает правил умеренности». Конечно, он видел пьянство, описал его, заметив, что «предел питью полагает одно опьянение, и никто не выходит из столовой, если его не вынесут». Но это не относится к высшей знати, а именно она нас здесь интересует. Так, на пире у А. Л. Ордина-Нащокина пьянства не было. ⁶¹ Приведем еще одно свидетельство иностранца, относящееся к 1655 г. Павел Алеппский пишет, что «винные лавки и питейные дома с самого начала поста до Нового воскресенья (Фомина) оставались запечатанными, содержателям их никоим образом не разрешается на Святой неделе открывать свои заведения, ибо в продолжение ее за этим наблюдают гораздо строже, чем во время Великого поста. Равным образом и в течение всего года питейные дома, обыкновенно, остаются закрытыми от кануна воскресенья до утра понедель-

⁵⁷ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей. С. 371; ср.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 56.

⁵⁸ *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1840. С. 63—64.

⁵⁹ См.: *Kuchowicz Z.* Obyczaje staropolskie. S. 93—94.

⁶⁰ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 1081.

⁶¹ Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга // ЧОИДР. 1873. Кн. 3. Отд. 4. С. 35—36, 79—80, 61—62.

ника, так же делается и во время больших праздников. На этой неделе стрельцы рыскали по городу, как огонь, и если где находили пьяного, производящего беспорядок, то тащили его в приказ и засаживали под арест на несколько дней, после нанесения многих ударов; это мы видели сплошь и рядом».⁶²

Нельзя, однако, сказать, что «застольная баталия», описанная Хоховским, была совершенно неизвестна москвичам в XVII в. Подобные «баталии» ежедневно проходили в Немецкой слободе, которая вобрала много худшего из того, что было в среде военных Европы после Тридцатилетней войны, так как 70 процентов населения Немецкой слободы составляли «военные люди» — авантюристы, искатели легкого счастья.⁶³ Уже в 1658 г. голландские и гамбургские купцы, имевшие дворы в слободе, жаловались правительству, что им не было житья от воровства, грабежей, чинимых военно-служилым и всяким пришлым людом.⁶⁴ Не случайно десятским в Немецкой слободе был дан наказ, чтобы иноземцы «поединок и никакого смертного убийства и драк не чинили».⁶⁵ Иезуит Франциск Эмилиан в 1699 г. доносил, что «большая часть живущих здесь принадлежит к числу таких людей, которые искали здесь спасения, убежали сами или были изгнаны из своих стран за злодеяния, — люди закоренелые в пороках».⁶⁶ С. К. Богоявленский писал, что дневник генерала Патрика Гордона за время его длительного пребывания в Москве (1661—1699) «есть летопись скандалов, попок, взаимных оскорблений, всего того, чем так богата была общественная жизнь Немецкой слободы».⁶⁷ Об этих нравах говорили почти все иностранцы, бывавшие в Немецкой слободе в XVII в. Вот одна из обnoxious картин. А. Роде описывает, как гости, выйдя после пирушки у датского посланника Ганса Ольделанда, стали задирать русских, началась потасовка и «Вернер Мюллер получил кирпичом удар в лицо и изрядную порцию сухих тумачков, полковник же (Бауман. — С. Н.) оставался у нас, пока не опьянел окончательно, так что, возвращаясь домой, три раза падал с лошади, но он не пострадал, и все обошлось благополучно».⁶⁸ Хотя Немецкая слобода и была вынесена за городскую черту,

⁶² Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. / Пер. с арабского Г. Муркоса. М., 1898. Вып. 3. С. 204.

⁶³ По данным подворной описи 1665 г. (*Богоявленский С. К.* Московская немецкая слобода // ИАН. Сер. истории и философии. 1947. Т. 4. № 3. С. 225).

⁶⁴ Там же. С. 226.

⁶⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 7. С. 175. — Аналогичный указ вышел в январе 1702 г. (Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 4. С. 184).

⁶⁶ Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII в. СПб., 1904. с. 19.

⁶⁷ *Богоявленский С. К.* Московская немецкая слобода. С. 226. См. также о нравах Мещанской слободы, где жило много выходцев из Польши и Белоруссии: *Богоявленский С. К.* Научное наследие: О Москве XVII в. М., 1980. С. 151—164.

⁶⁸ *Роде А.* Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда 1659 г. // Голос минувшего. 1916. № 7/8. С. 384—385.

жители Москвы, как видно, хорошо представляли себе царящие там нравы.

В Посольском приказе были известны и более изощренные и более кровавые пирушки. Одна из них могла бы послужить если не реальным комментарием, то отличным фоном восприятия «посмеятельных слов жолнером полским». 15 января 1675 г. резидент в Польше полковник Василий Тяпкин писал боярину А. С. Матвееву о следующей «проделке» известного политического авантюриста Петра Дорошенка. Последний, приняв послов «его королевского величества с великою учтивостию и собрав несколько тысяч всех своих старшину и казаков, в подданстве учинился и на верное служение со всеми присягнул. А от королевского величества также немалая часть войска прислана была в Чигирин для приему того Дорошенка и казаков, и чтоб ево по присяге запровадить с старшинами и с казаками до королевского величества в Бряцлав и быть при королевском величестве. Тогда Дорош<енко шест>вию⁶⁹ посолскому и войскам королевского величества, показуючи по себе великую склонность к милости королевского величества и к жолнером полским, учинил пиршество в Чигирине великое, и несколько сот бочек меду и прочих всяких напитков велел в полское войско привести и подчивал довольно всячески. Там же и стрельба пушечная и ручная давали огня множественными достатки. <...>⁷⁰ время, что полские жолнери пьяни и во всем на ево верное подданство безопасно прохладжались и опочивали. Тогда, по согласию, послыша орда стрельбу и з Дорошенком вместе и с казаками его тех послов и полские войска, по него присланные, побили. И поймали, и гнали за ними аж до самого Бряцлавля, где и сам королевское величество, сказывают, с великим страхованьем изволили нехотя уступить».⁷¹

Это донесение В. Тяпкина и «посмеятельные слова» Коховского взаимно дополняют друг друга и, как представляется, позволяют наглядно проследить, каким значительным изменениям подвергался смысловой ореол стихотворения Коховского на русской почве. Оно экзотично и в бытовом и в литературном смысле, а «экзотика предполагает нарочитое *противопоставление чужого своему*, в ней чуждость чужого подчеркивается, так сказать, смакуется и подробно изображается на фоне подразумеваемого своего, обычного, знакомого».⁷²

Различия в топике с одной стороны и в обычаях, культурном окружении — с другой, нарочитое противопоставление чужого своему привели к тому, что гневная инвектива поэта-патриота превратилась в сатирическое изображение польского (и вообще иноземного) воина — «пана вояки запивохского». Такое пред-

⁶⁹ В рукописи обрыв.

⁷⁰ В рукописи оборвано два слова.

⁷¹ ЦГАДА, ф. 79, кв. 173, л. 49—50.

⁷² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 251 (подчеркнуто автором).

ставление о поляках и Польше было характерно вовсе не только для России. Так выглядела Польша в глазах Западной Европы, да и в своих собственных.⁷³ Оставляя в стороне многочисленные польские сочинения «об исправлении нравов», обратимся к материалам этой книги. Одновременно со стихотворениями Коховского в Посольском приказе был переведен обширный цикл сатирических стихотворений (см. гл. 2). В одном из них автор горестно констатирует:

Сколько вина в год изойдет всем паном
В Полше и в Литве, шляхте и мещаном?
Где жизнен виноград родит свой рой,
Менши и вся вселенная выпьет; Полша вдвое
Выпьет болши, нежели все народы под небом;
Венгры, италиане болши живут хлебом.
Поляк-бражник как вином горло не промочит,
Тоскует с литвином, лезут изо лба очи.⁷⁴

Содержательные изменения текста на русской почве, обусловленные внетекстовыми факторами, ярко отразились в самом тексте перевода. Подчеркнем еще раз, что стихотворение (кроме одной строфы) переведено полностью, стих в стих, хотя оно не имеет отношения к польско-русской тематике, а такие стихотворения могли по-русски кратко пересказываться. В незначительных, на первый взгляд, отклонениях, отчетливо видны изменения, о которых говорилось выше. Они заметны на протяжении всего текста, но особенно ярки в 4-й строфе:

Koło której (wieży. — *С. Н.*) są po suggestach działa,
A jak na hasło armata zagrzmiała,
Pierwsza za zdrowie, pij, nie trać słów darmo!
Bija na larmo!

Круг него (города. — *С. Н.*) пушки по станочкам стоят,
Буто из наряду, из рюмок загремят.
Пейте заздравну, слов не теряйте!
Из рюмок стреляйте!

«Bija na larmo!» можно понимать двояко. Буквально «тревога!», в переносном смысле — сигнал к тому, что время пить («na hasło armata zagrzmiała» — «в ответ на боевой клич гремят пушки»), что опять-таки имеет двойной смысл, так как в Польше был обычай стрелять во время произнесения тостов. Такой же двоякий (но уже в действительности!) смысл имела стрельба и у Дорошенко. Казалось бы, стих «Из рюмок стреляйте!» разрушает изоцрненный концепт Коховского, его дуплановость. Но на самом деле переводчик создает новый, не менее изысканный «вертоглавный концепт» (термин В. Тяпкина), снижая, обытовляя топос воинских повестей «чаша-смерть». Пирующих в лагере вояк он вооружает «оружием пьянства», т. е. «ложным», «смеховым» оружием. Этот образ совпадает с традиционным изображением чужеземного врага-насилльника:

⁷³ *Tazbir J. W oczach obcych. S. 170—196.*

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 503.

Очи у него как чаши,
а голова у него как пивной котел.⁷⁵

Сюда же относится и рифма «началщик — запивалщик», образованная из неологизмов с явным пейоративным оттенком.

«Из рюмок стреляйте!» — это не просто и не только хитроумная игра слов. В то время в Европе, в том числе и в Польше,⁷⁶ для питья крепких напитков использовалась разнообразная «потешная» посуда, в частности были известны рюмки в виде пистолетов. Аналогичная «потешная» посуда привозилась и в Россию. «В приходе судов зеленого и белого стекла» на царском дворе в 1676 г. значатся между прочим «16 кубков долгих потешных, < . . . > 24 потешных, < . . . > одна рюмка в сажень».⁷⁷ Из такой рюмки, действительно, можно было «выстрелить».

Таким образом, переводчик не только тонко понял текст подлинника, но, выступая соревнователем автора, создал другой, сатирический, предназначенный для совершенно отличной литературной культуры. Барочная поэтика не чужда переводчику, наоборот, близка ему и понятна.

Своеобразие как проанализированного, так и других стихотворных переводов, выполненных в Посольском приказе в 1677 г., особенно заметно в сравнении с переводом «Великого Зеркала», который был завершен в том же 1677 г. в том же Посольском приказе. Хотя все эти переводы выполнены, скорее всего, одними и теми же переводчиками,⁷⁸ отличия между стихотворным и прозаическим переводом разительны. С одной стороны, это переводческая свобода и раскованность, причем язык стихотворного перевода приближен к делопроизводственному, с другой стороны — тяжелый синтаксис церковнославянского языка. Сопоставление двух переводов, вышедших из одной мастерской, невольно приводит на память известные слова В. А. Жуковского: «Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах — соперник».⁷⁹ Для «Великого Зеркала» уже в XVII в. потребовался второй перевод, а «посмеятельные слова», кажется, и до сих пор не утратили своего поэтического и стилистического своеобразия, новаторства, столь свойственного состязательной культуре. Перевод был выполнен по служебному долгу, но рожден под влиянием свободного творческого импульса. Так еще без всякой теории, но на практике рождалось искусство поэтического перевода.

⁷⁵ Русская демократическая сатира XVII в. С. 117. — Представляется, что тоника изображения врага-насильника в русской литературе и фольклоре имеет общенациональный характер; ср. портрет Лукопера в Повести о Бове королевиче («Изборник»: Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 524).

⁷⁶ *Kuchowicz Z. Obuczaje staropolskie.* S. 93.

⁷⁷ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей. С. 547 (курсив автора).

⁷⁸ «Великое Зерцало» переводили пять переводчиков, и других переводчиков с польского в те годы в Посольском приказе, кажется, не было.

⁷⁹ Интерпретацию этой фразы см. в кн.: *Левин Ю. Д.* Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. С. 11.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из изложенной истории польской поэзии в России за 80 лет явствует, что в переходный период русской литературы еще молодая силлабическая поэзия щедро черпала из польской поэзии эпохи Возрождения и барокко. За это время сформировались и те принципы перевода, которые будут развиты и примут законченную форму в XVIII в.

К польской поэзии обращались сторонники разных культурных ориентаций и обращались с разными целями, всякий раз находя необходимые тексты, темы, мотивы. При этом русская поэзия была не только прилежной ученицей, но становилась постепенно достойным партнером польской музыки.

В дальнейшем развитии русской литературы с 1730-х гг. изменилось отношение к польской литературе вообще и к поэзии в частности. Вот как оценил А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» реформу русского стиха: «Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье».¹ Это была общепринятая точка зрения. Пожалуй, только для польско-латинской поэзии было сделано исключение. Сарбевский, как уже отмечалось в первой главе книги, числится в «Камерном каталоге» Библиотеки Академии наук 1742 г., а десять лет спустя его отличил Тредиаковский во второй редакции «Способа». В 1751 г. в предисловии к «Аргениде» Тредиаковский вступился за латиноязычных польских писателей («Коя больше порочится латина, как польская?») и среди других назвал Сарбевского: «Но Сарбиевий в одах — после Горация чтоб мог где другой сыскаться, едва ль есть надежда».² Он же в 1755 г. писал в статье «Ответ на письмо о сафической и горацанской строфах»: «Мог бы я вам (А. П. Сумарокову. — С. Н.) подтвердить состав сафических моих стихов, сверх Горация, и Сарбиевием, польским латинским пиитом, коего никто лучше поныне, по рассуждению искусных людей, не писал сафических стихов, да и едва ли есть надежда, чтоб и впредь мог кто лучше его в том быть. Но мню, что он вам незнаком».³ Тредиаковский, несомненно, прав в одном: польская поэзия как на латинском, так и на польском языках становится достоянием немногих «искусных людей», более того, она превращается в знак принадлежности к определенному типу культуры.

Значит ли это, что польской поэзии во второй половине XVIII в. не знали в России? Разумеется, нет. Ее внимательно читали, изучали и даже переводили в духовных училищах, разбросанных по всей России. Если в XVII—первой трети XVIII в. знатоками

¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 352.

² Барклай Д. Аргенида. СПб., 1751. Т. 1. С. СII.

³ Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 252.

и ценителями польской поэзии были высшие иерархи церкви и культурная элита, то во второй половине XVIII в. низшее духовенство, еще помнящее киевских учителей полонофильской ориентации — вот основная группа читателей Яна Кохановского и М. К. Сарбевского, постигавшая на их сочинениях азы поэтики. Современных польских поэтов в семинарии не знали.

Но было бы неверно ограничиваться только духовенством. Есть все основания полагать, что по крайней мере одна польская поэма XVII в. заинтересовала Н. И. Новикова. В «Описи имению Новикова», составленной 14 июня 1795 г. среди книг «разного звания» особое место занимали незаконченные новиковские издания, которые переходили «к покупщикам с правом допечатания».⁴ Покупателям предлагалось между прочим описание «важнейшего посольства князя Збаряжского к турецкому султану в 1621 году».⁵ Издание не сохранилось и, возможно, допечатано не было, однако по названию в нем угадывается перевод поэмы С. Твардовского «Przeważna legacja księcia Krzysztofa Zbaraskiego do sułtana Mustafy w 1621», вышедшей первым изданием в Кракове в 1633 г., а затем перепечатанной в 1639 и 1706 гг. Твардовский вообще был одним из самых читаемых польских поэтов в России, а названная книга была в библиотеке Феофилакта Лопатинского, поэтому неудивительно, что она могла попасть в руки Новикова. Однако с уверенностью можно сказать, что русского книгоиздателя привлекли не поэтические ее достоинства, а содержание — издание перевода было бы одним из многих во второй половине XVIII в., посвященных турецкой тематике (ср. изданную Новиковым «Скифскую историю» А. И. Лызлова). Такое предположение вполне правомерно, так как в это время в печати появился ряд сочинений по этой теме, в том числе и переведенных с польского еще в XVII в. («Повесть об астрологе Мустаэддине»). Напомним, что к поэмам С. Твардовского как к историческому источнику украинские летописцы обращались уже в первой четверти XVIII в.

Этот краткий эпизод из книгоиздательской деятельности Новикова показывает, что и в конце XVIII в. польскую поэзию знали не понаслышке читатели разной культурной ориентации.

К концу XVIII в. изменяется отношение к творениям польской музыки и у преподавателей духовных училищ, здесь тоже дают себя знать новые веяния в русской поэзии. В 1799 г. учитель риторик и поэзии в рязанской духовной семинарии Максим Протопопов в сочинении «Опыт поэзии и при нем краткая об оной повесть» почти дословно повторил суждение автора статьи «О стихотворстве» (1762): «Стихотворство польское. Польша хотя и в теплейшем, нежели Дания, лежит климате (перед этим шла речь о датской поэзии. — С. Н.), много имеет умов, которые любят и при-

⁴ Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 151.

⁵ Там же. С. 169.

лежат к наукам, но в стихотворстве польском не видно, кто б себя из оных не (так! — *С. Н.*) отличил. Может быть, язык сего народа не способен к поэзии».⁶

Этим заканчивается история польской поэтической книги в России в XVIII в. Новое открытие произошло только в начале XIX в., но тогда опыт XVII и XVIII вв. был основательно забыт.

* * *

В первой монографии о польско-русских литературных связях, изданной А. Брюкнером в 1906 г., с присущей автору категоричностью сказано немало нелестных слов в адрес русских переводчиков XVII в., в частности он писал, что «по понятным причинам» среди русских переводов XVII в. мы не найдем имен Шимоновица, Морштынов и других первоклассных поэтов — «их еще не умели ценить».⁷ Суждение это чисто оценочное, поэтому и опровергнуть его невозможно. Между тем оно молчаливо поддерживалось исследователями, часто отказывавшими русским переводчикам в поэтическом чувстве. Кстати говоря, одним из следствий такого отношения является почти полное до недавнего времени невнимание исследователей к рассмотренным в этой книге памятникам. К сожалению, никакие анализы, интерпретации и похвалы в адрес переводов XVII—XVIII вв. не смогут преодолеть заблуждения, которое формулируется следующим образом: «Стихотворный перевод впервые появился в России в XVIII в. Это были стихи в „Езде в остров любви“, за ними можно назвать некоторые переводы А. Кантемира».⁸

Подобные суждения не только стали достоянием общих курсов, но и более специальных работ.⁹ Так эстетическая оценка (речь не может идти о предвзятости) может исказить действительный ход литературного процесса, ведь как бы ни оценивать переводы XVII—начала XVIII в., формально это стихотворения.

Вернемся, однако, к Брюкнеру. Если эстетическая оценка дело субъективное, то он несправедлив кое в чем и фактически. Тех поэтов, которых Брюкнер назвал в приведенном отрывке, частично он сам и вводил в научный оборот, извлекая из рукописей их сочинения. Русские переводчики и не могли знать многих замечательных поэтов XVII в. или отдельных их произведений, так как они были изданы много времени спустя, в XIX и XX вв. Оценивая деятельность русских переводчиков, мы мо-

⁶ БАН, собр. Никольского, № 168, л. 183 об.

⁷ *Brückner A.* O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzystu. Lwów, 1906. S. 53—54.

⁸ *Алексеев А. А.* Эпический стиль «Тилемахида» // Язык русских писателей XVIII в. Л., 1981. С. 68.

⁹ См.: *Дерюгин А. А.* В. К. Третьяковский — переводчик: Становление классицистического перевода в России. Саратов, 1985. С. 22—23.

жем исходить только из того репертуара польской поэзии, которым они располагали или могли располагать. Хотя В. Тяпкин познакомился в Варшаве с Яном Анджеем Морштыном, вряд ли он знал, что имеет дело не только с министром финансов, но и с одним из самых замечательных поэтов XVII в. — его стихотворения тогда не были изданы.

Замена одной оценки ее противоположностью будет звучать неубедительно, поэтому прибегнем к сравнению, которое, конечно, доказательством не является, но все же в определенной степени лишено эмоциональности и излишней субъективности.

Практически все рассмотренные переводы соответствуют теориям перевода того времени, а также целям, для которых они выполнялись. Этот факт с трудом поддается оценке. Речь может идти только об индивидуальных способностях того или иного переводчика. В категориях начала XVIII в. перевод мог быть оценен либо как «гораздо плох» (Петр I), либо «переведено добре» (Ф. Поликарпов). Количественное соотношение таких переводов в истории литературы — величина переменная, но мы немало найдем «гораздо плохих» переводов и в XIX—XX в., много таких примеров приведено и разобрано в известной книге К. И. Чуковского «Высокое искусство», поэтому «арифметические» историко-литературные параллели желаемых результатов не дадут.

Но у нас есть еще возможность сравнить вкусы и пристрастия читателей и переводчиков XVII в. с современными. Какими переводами располагаем мы сейчас?

До самого недавнего времени старопольская поэзия была почти неизвестна современному читателю. В антологиях 1950—1960-х гг. ей отводилось мало места, а поэзии XVII в. в лучшем случае несколько страниц.¹⁰ Единственным исключением был и есть, конечно, великий польский поэт Ян Кохановский, произведения которого за двадцать лет трижды выходили отдельными изданиями на русском языке.¹¹

В 1970-х гг. в связи с резко возросшим интересом к барокко, вышло несколько сборников отдельных авторов и антологий поэзии европейского барокко. Польской поэзии XVII в. посвящена отдельная книга¹² и небольшой (менее тридцати страниц) раздел соответствующего тома «Библиотеки всемирной литературы».¹³ Составители и переводчики этих антологий выбрали, естественно, наиболее ценные и лучшие произведения, в их распоряжении были и новейшие издания, созданные на основе кропотливой работы филологов, буквально воскресивших польскую

¹⁰ См.: Поэзия западных и южных славян. Л., 1955; Польская поэзия. М., 1963. Т. 1; Польские фразы в переводах Н. Лабковского. М., 1964.

¹¹ См.: *Кохановский Я.* 1) Избр. произведения. М.; Л., 1960; 2) Лирика. М., 1970; 3) Стихотворения. М., 1980. Ср.: Европейские поэты Возрождения. М., 1974. С. 390—398.

¹² См.: Польская поэзия XVII века. Л., 1977.

¹³ См.: Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 567—594.

поэзию XVII в.¹⁴ Есть ли совпадения в авторском составе этих антологий с поэтами, переведенными в XVII—начале XVIII в.? Оказывается, есть, и это не единичные случаи: в 1977 г. на русский язык переводятся произведения С. Твардовского, С. Х. Любомирского, Яна Гавиньского, С. Ф. Клёновица, В. Коховского, В. Потоцкого, М. К. Сарбевского, т. е. тех самых поэтов, которых переводили на русский язык двести-триста лет назад.¹⁵

Но этим совпадения не ограничиваются. Хотя имеющийся материал сравнительно невелик, в указанных сборниках есть несколько произведений, вторично переведенных на русский язык. Это три фразки Я. Кохановского,¹⁶ «Дафна, в лаврово дерево обратившаяся» С. Твардовского,¹⁷ «Победителям в застойных баталиях, панам воякам запивохским» В. Коховского.¹⁸ Совпадения достаточно красноречивые. Кстати говоря, переводам этих произведений, сделанных в XVII и в начале XVIII в., уделено больше всего внимания в настоящей книге.

Беглое сопоставление древнерусских и современных переводов старопольской поэзии только по составу авторов может и должно быть развернуто в широкое историко-сравнительное исследование «Старопольская поэзия в русских переводах XVII—XX вв.», ведь это единственная европейская поэзия, которая существует на русском языке более трех столетий.

Много предстоит сделать и в области песни, которая нами не рассматривалась. В первую очередь надо выявить и издать авторские произведения (сейчас известны только тексты М. Рея, Я. Кохановского и С. Ягодинского), а также идентифицировать насколько возможно польские песни, попавшие в песенники XVII—XVIII вв.

Разумеется, для воссоздания полной картины истории польской поэзии в России необходимо сочетать изучение контактных (генетических) связей с типологическим изучением — генология, топики, различные типы филиаций и реминисценций, парафразы, подражания и пр.

Для выполнения этих задач необходима большая совместная работа отечественных и польских ученых. Ее результаты могут быть очень плодотворными: начиная с XVII в. отношения между двумя славянскими литературами были оживленными, а с конца XVIII в. и взаимозаинтересованными, потому что из литературы-посредницы польская литература становилась для русской равноправным партнером в литературном общении, освященном для нас именами Пушкина и Мицкевича.

¹⁴ Британишский В. Поэзия, воскрешенная профессорами: Изучение польского барокко в XX в. // Вопросы литературы. 1970. № 5.

¹⁵ Ср.: Николаев С. И. Задачи библиографического изучения польско-русских литературных связей XVI—XVIII вв. // Литературные связи славянских народов. Л., 1988. С. 215—229.

¹⁶ См.: Кохановский Я. Лирика. С. 44—46.

¹⁷ Европейская поэзия XVII в. С. 570—572.

¹⁸ Польская поэзия XVII в. С. 130—131.

В. Коховский

НЕБЕЗДЕЛЬНОЕ БЕЗДЕЛЬЕ

В книге печатной полской, какову ис Полши вывез подьячей Прокофей Возницын в нынешнем во 185 году февраля 21, на бесчестие государства московского во многих местех напечатано. А имянуется та книга в начале по написанию ея Лирика и эпиграммата Веспасияна с Кохова Коховского, се есть гусли или вирши похвалныи или хулительныи о розных вещех. Выдана и печатана та книга нынешняго Яна Третьего, короля полского, на имя сына его, королевича Якова, в Кракове в типографии и проторми Войтеха Горецкого, славной // академии краковской типографа, в лето 1674, октября в 6 по-новому.

(ШГАДА, ф. 79, № 177, л. 389 об.—390)

1 об. В песни 20, как полское войско отступило от короля Яна Казимера, а поддались шведом под Краковом в лето 1655-е

Великого бесчестья пота не лишимся
 И вечного срама, покамест движимся;
 Никоторой никогда век наш не укроет
 И николи нам мутен Днепр не обмоет
 Греха, которой нас ныне осквернил,
 Что поляк государю своему изменил,
 В людех сих свободных разразненной веры
 Невозможно миру быть никоими меры.
 Сверх того, уж навькли — в постели б лежало
 Наследие, нежели б в поле воевало:
 На быстрой сести не смеет лошади,
 Скучив в креслах, не скочит с копьем по площади,
 Ни лука не вытянет крепка на побеге. //
 2 Тешится отец, как в домовом ночлеге
 Сыночик молоденок девочку схватает
 Или с нею в полате песни воспеваает.
 Пусть смотрят крепко ныне отцов своих дела,
 Сколь чужих стран рука их к своему задела
 Государству: где были полские рубежи,
 Сколь далече мерены просторны чертежи,
 Предосадные крепко жестоки морозы
 Безтрудно проходили з своими обозы,
 Не задержали Волги мутной воды,
 Не трудны нам болотных озер были броды;
 Не были помешкою до одоления
 Полунощны упором княжения.

(Там же, л. 391 об.—392)

Песнь первая или победа над Шереметем //

Отчизне нашей издавна желаемый
Когда день придет, когда приглашаемый
Покой возцветет, и трубу, что в сполох
Трубит, в радость велику пременит нам бог?
Пушки, которые смерть издали приносят,
Зыком своим великим те вести нам гласят
Чрез частую стрелбу и огни приправны:
Побежден уже ныне неприятель давний!
Зело щасливая днесь звезда нам востает,
Которую огненна стихия весть дает,
Премирный уж покой днесь всем возцветает,
Московские народы явно бог смиряет.
Слава богу, москаль жидоголовый
Тяжкими брязгает на ногах оковы,
А что недавно Полше путами грозили,
Сами ж себя в неволю тяжку посадили,
Слили кровью своюю чюдновское поле, //
Многие в вечной плачут побранны неволе,
Собирают все вместо воинские наряды,
С воеводскою булавою лежит лук изрядный
Рознорогой, тут же клали вместо списы,
Тут протазаны и пеших бердыши,
Наряды с кресты и галански^а пушки
Полские взяли храбрых воев руки.
Царские знамена, воевод бунчуки
В части режут мужики-гайдуки.
Шатры, из казны государственной даны,
По частицам малым все распластываны.
А москвитин, с стороны смотря, негодует,
Победитель о казне крепко испытует,
Которую им довольно Золотая баба дала,
Как на войну полскую их посылала.
Чесна кровь полская, своих обид мстива,
Мщение продолжила, долготерпелива.
А ныне знатным уроном побила
Москву, которая зело тяжка была. //
Победа явна и счастье нам было,
Как нехотящих Пси поле окрыло
Людьми на пять верст, толко ныне знатны,
Как груба Москва с калмыки сайдачны,
Черемисы дикие, лопане, казанцы
И северных стран крепкие питомцы
С воеводою в руки впали Шереметом,
Которому Чюднов стался счастья матом.
О той победе всяк сказати должен,
Хотя стичь вероломну Русь, каков поляк нужен
Был и сколь много Полша нудилась,
Неединово озябла, многожды потилась.
О радости! Боже войск и сил страшный!
Благодарим тя за чюда, ужасный,
Яко сокрушил еси змию ядовиту,
Смерти и крови людския несыту;
Воздал еси меру, в ню же нам мерили,
Крови своей сыти, которую пролили. //
Которой Полше кайданы грозился,
Сам ныне крепко скован учинился.

л. 392 об.

л. 393

л. 393 об.

л. 394

^а Испр., в ркп. галанки.

Московских огней окуренны в дыму,
Вручаю в любовь то брату Герониму.

(Там же, л. 392—394)

л. 395

В четвертых книгах в песни 11 напечатано.

Гейнал,^б заря! С Украины
Слышать лихие новины:
Беги, пане, с своей дедовщины!
В твоём именьи, будто в своём,
Ходят мужики, аки пчелы роём.
Гейнал, заря! Москва паки,
Оставив свои байраки,
Идет полонить поляки.
Лютятся люд ядовитой
В стране Литвы плодовитой,
Смоленск взяв недобытой.

(Там же, л. 395)

л. 395 об.

В тех же книгах 4-х в песни 20 на похвалу Михаилу королю

Оттуду Жигимонт снопок^в приносит
И славу полску вокруг света голосит.
Турской и москвитин хотя гордо садятся,
Свидетелства^г явятся.

После того часа смута востает,
Когда Казимеру Польша скиптр дает.
Русь, венгрин, Москва, татары и шведы —
Все то соседи.

(Там же, л. 395 об.)

л. 396 об.

При конце тех песней напечатано

Прощайте вы, красные стихи,
Песнотворцов зрачные лики!
Пел есмь Марса, бил на всполох
С ордою, с Москвою, чтоб бог вспомог.
Даром ничто ж оставил,
Пером, сколько мог, прославил.

(Там же, л. 396 об.)

л. 397

Песнь 15^д о Серке, как в Крым ходил

Не лев на лвы емлется в лов,
Не бабром бабр суров
Ят бывает, и ни на дичь
Всегда гончих^е пускается смычь.
Малой червь бес топора в срубe
Подъедает корень в дубе.
Помешка изобретается,
Чем корабль удержается.
Некогда мухи и мыши
Не дали жить царю в тиши,
Что фараон, царь египетский,
Был уж от них к смерти близкий.

^б В ркп. на поле песнь. ^в В ркп. на поле герб прежних королей полских. ^г Испр., в ркп. свидетельство. ^д Испр., в ркп. 25.
^е В ркп. на поле борзых.

Кто ж не причтет и в том деле
Чюдных судеб божией силе,
Когда Серко с своим окопом
Страшным тресет Перекопом? //
Знатно будут те времена,
Что Таурика^ж неприязненна
От казака потрясетца —
Матерь з детми в плен введется.
Кто разума и той штуки
Научил их, что с калмуки
И кривого стрелцы Дону
Бегут в Нагай искать полону?^з
Часто откуду не чаёт
Человек помочь принимает.
А помочи кои ждали,
Те надежды всей отстали.
Страшны крымцом те розбои,
Уносят уж житья свои
За ометинские^з броды
И в каменны белогороды.
Весть хотя неподлинна бывает,
Мать свое детище стращает:
«Серко идет и много казаков!» //
Умолчит всяк на страх таков.
Как фириак сочинается,
От различных гад составляется;
Телемеха, что пробила
Стрела, его ж изцелила.
Ничто же есть в конец злое,
Чтоб не годилось во благое.
Сила твоя, крепки боже,
От зла добро творить может.

(Там же, л. 397—398)

л. 397 об.

л. 398

^ж В ркп. на поле Крым. ^з В ркп. на поле за Черное море.

ДУМА,

творение благодарения господу богу за победу,
одержанную пот Хотинем
ноября 11-го дня лета господня 1673-го
от поляков над Усейн пашею.
Сим напевом поют, как и о князе Корецком.

Услышите все, яко бог милосердый
Приведе в великую народ славы
И воздавайте должную хвалу
Ему вовеки.

Еже не даде нам до остатка погибнути,
Наказа, яко отец, и повеле преминути
Своей ярости: меч, нам уготовленный,
Возвыси на поганы.

Турок возвышенный, его же ся свет боит,
Взяв Каменец, под Хотинем стоит,
Тамо свои введе велбуды и наметы
В наши окопы.

Славныя гетманы противу их попли //
Чрез кровавые некогда буковин зарасли,
Где несчастливо за короля Олбрахта
Погибе шляхта.

Гетман Собеский всего досмотревше,
Тяжкие переправы бережно прешедше,
Егда изыде в поле, срете его новина^а
От волошина,

Что Каплан паша в тридесяти тысящей
Езды турецкие или еще и болши
В помощь идет своим от Дунаю
К тому же краю.

Упреждая его, велможныя вождове
Вскоре усоветоваша в общем приговоре
Приступ и желнерей, как еще стали,
Пустить на валы.

Егда Усейн паша с тремя иными
Войну пашами уже знающими
Сорок счишляше тысящей доброго
Войска давнаго, //

И тако повеле, чтоб остерегали
Шанцов, а приступ крепко выдержали
До прихода его к далной росправе
О доброй траве,

Разселинныя рвы, обоз укрепили,
Сугубые валы крепко утвердили,
Отсюды замок оборонял на горе высокий,
А отгуду — Днестр глубокий.

Егда же воинство возопиша к богу,
Суще отъят всяку от них тревогу
И доста для веры и для любезные отчины
Последния силы:

Чрез три недели не постояв в буде,^б
Три дни не етчи и кони и люде,
Часов двадесять и семь в строе стояли,
Турков ожидали.

л. 446 об.

л. 447

^а В ркп. на поле вестъ. ^б В ркп. на поле в шелашах.

Но что они шанцов ся держали,
Стравками толко наших омедлевали,
Посреди дня приступ дали поляки и литва,
Тамо была битва. //

л. 447 об.

Со ста пушек и часто стреляют янычены,
В ворота выбегают для помочи паши;
Не умалялось в рыцёрстве охоты
От урождённые породы.

Великие гетманы з голыми саблями
Пеши шли к приступу пред салдатами,
Под самые валы оне кавалеры
Несли свои збруи.

Егда вал пехота с начальниками
Взяли, янычен секли бердышами,
А конница, вбежав, где пробитца хотели,
Тыл нам подали.

Понеже гусары, егда копие ломают,
Назад в шанцы с поля их згоняют,
Вбежали за ними, но тамо стояли

И мужественно себя обороняли.
Прежде в пол-обоза, паки в лутчем строе,
Бился тако турок, что уже было суще —
Наш проигрыш; и едва не выбили

И тако нашим помочествовали.^в //

Собеский с Пацом, храбрые гетманы,
Видя, что одоление приемлют босурманы,
Паки приведоста храброю гусарию

л. 448

И тако побивают.
Турки, постерегши, что впрям потеряна
И не может быти битва поправлена,
Бежали скоро против мосту

Х Каменцу.
Тамо их литовские хорунги встречали,
Главы с чалмами от сабель летали,
Гетман Радивил палашем одного —
Взял бунчюк его.

Паки Вишневецки гетман з другия страны
Сек их доволи хотимские башни,
Мстился над турком смерти деда своего,
Князя честнаго.

Единых в глубокие рвы нагнали,
Другими путь х Каменцу застлалали,
Те, изо рвов падая, бедне утопали,
Днестр наполнили. //

л. 448 об.

Янычен полегло вомс тысец трупом
В самом окопе, где богатым лупом^г
Наше^д войско от поган себя обогатили,
Бога благодарили.

Набрали злата, серебра и денег,
Не един ныне наполнился нужны,
Прочее оружие и снаряды носили мешками,
И с ефимками.

Коней, велбудов, наметов различных,
Одежд, ковров со златом изрядных,
Снаряд взят запасов доволство великое,
Выгода всякая.

Егда свершися росправа толь велика,
Припадоша все с благодарением до бога,

^в Испр., в ркп. помочествовали.

^г В ркп. на поле добычею. ^д Испр., в ркп. наша.

Посем в намете Усейна мша святая
Богу начатая.
И в то время наших побитых сыскivano
И христиански тела погребено,
Их же с пять сот побито в потребе,
За сие же суть в небе. //
Ловчей Желецкий есть разсекал,
Бидинский стражник конми растопан,
Оба корунные урядники давные,
Храбростию славные.
Тамо же убит Ахацы Писарский —
Вождь краковского полку, рыцар дарский,
Ранен Липницкий — желнерь из Литвы старый,
Что бил бояры.

Видети там было великих панов мужество,
Видети, как свое охотили рыцерство:
Всем хорунгам прежде шли сами
Уже над шанцами.
Потоцкие братие, два воеводове,
Един в Сиражу, а другой в Киеве,
Мужественно на брань перси своя несли,
С победою пришли.

Там Яблоновски, руски воевода,
Мужественно обстоит тамо, где какова шкода;
Синявски, тот час корунный хоружий,
Охотно силный. //

л. 449 об.

Чернецкой, писарь полной, своего стрья,
Хоткевич деда славы не минуя,
Кришпине, пусть твоя храбрость словет,
Доколе Днестр течет!

Свидерский так же турецкую обирает
Армату и своим полком их выгоняет
Из окопу, а где он мечем намерит,
Не един лежит.

Канслер литовскай, хотя сам был болен,
Дает желнерей, а они зело поспешни;
Через шипкия джиды, чрез твердыя калканы
Стрелял поганый.

Видети тамо было с Малты ковалера,
Яко поганых крестом своим прогоняет;
Видети гусарскую Лещинского справу,
Когда шол на славу.

Умолчат ли вас когда полские рымы,
Которые шли есте на яныченские дымы?
Деноф, Сапега, Пац железными трудами
Дань вам воздают. //

л. 450

Кто ж всех изочтет и выпоет мужество?
Всякой тамо желнерь трудися на победителство;
Како из пушек помешку чинил Конски^е туркам в строе.
И о сем будут хроники.

Вас бусурманы с уроном прогоняли,
Зде пред приступом тыл есте подали,
Там Мотовидло бутто выбрал очи —
Под шанцы скочил.

Великий, Собеский, моршалку, гетмане!
Буди тебе за победу, безсмертный^{жк} господине,
Буди твоей отчизне ныне опекуном,
На турков перуном.

Люд всенародный усердне радуются

^е В ркп. на поле прозваніє. ^ж Испр., в ркп. безсмертний.

О той победе, а тебе поздравляя;
Молю, дабы имел еси от грабления охранение
И милостивое оборонение.

Наибольшую богу хвалу воздаймо
И с велиим сокрушением к небеси возопиймо,
Дабы поганый, срамотою посрамленный,
Ушол в своя страны. //

Даст бог, к весне вси себе уготовляймо,
Славы народу ленивством не повреждаймо,
Дабы вси возбудились христиане,
Услыши, господи!

л. 450 об.

(ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 446—450 об.)

МЕТАМОРФОЗЫ

КНИГИ ПЕРВЫЕ МЕТАМОРФОСЕОН,
 СЕ ЕСТЬ ПРЕОБРАЖЕНИЙ ИЛИ ПЕРЕМЕН
 ПУВЛИЕМ ОВИДИЕМ НАСОНОМ СТИХАМИ ОПИСАННЫХ

л. 66 об. П е р е ч е н ь п о в е с т и т р е т ь е й н а д е с я т ь

Дафна, Пенеова дочь, от всех девиц понеже в Фесалии бывших прекраснея почитана была, приходило на то, что красотою своею богов прелщала. Присмотревся ей, Аполлон зело возлюбил ю, которую егда ни обещанми, ни грозами на соизволение блуда подвигнуть не могл, пытался ей насилие учинить.

С к а з а н и е т р е т и е н а д е с я т ь

Первая любовь Фебусова¹ была Дафне Пенеовна, а в то его ввел не случай какой приключаящя, но тому вина был жесток гнев²
 л. 67 обещаннаго // Купидина.³ Того бо Аполлон Делийский по своей храбрости и новой над змием победе взгордився, а узрев, что в руках держит лук кривый и рог с рогом згибая, потягивает титивы, молвил ему: «Скаредный детина! Какое тебе дело до крепкого ружья?»³ То прилично нашему лицу, что частые раны можем давать и дикому зверю и неприятелю, как есмы недавним временем одутого и многие версты ныне завалившаго своим ядоносным брюхом питона убили и его бесчотным стрел числом поразили. Ты доволствуйся лучом, которым неведомо какую любовь возбуждаеш, а нам всякой нашей славы не пуцаеш».

Молвил ему сын Венеры, или Афродиты: «О Фебе! Пусть твой лук всех перестреляет, но мой тебя устреляет. И елико еси бог поистинне над зверми, толико твоя слава менши моей».

Сия рекл без сомнения и взвився на воздух, пернатен, встал
 л. 67 об. вскоре на темном // горы верху парнасском, выхватив же ис колчана две стрелы, ис которых каяжда имела инаку силу: одна бо любовь отгоняла, а другая ее возбуждала; ис которых возбуждающая была золочена и железцом острым блистающая, а отгоняющая конец имела притуплен и тонким оловцом осажен, которую бог в нимфе пенейской водрузил⁴ и мимо костей другою уязвил Аполлина⁵ до внутронностей. И внезапно один любовию розгасился, а другой от имяни его, бутто от густой лесной стени удалился,⁶ увеселяя себя битого зверя одирками, а по чистоте зело ревнуя.⁷ И хотя многие люди ея хотели, но она ими гншлась,
 л. 68 // и мужа не знающа, лучше ей было по непроходным рощам ходити, а нежели свадебных песней употребити, ни любви, ни супружества искати.

¹ В ркп. на поле божок похоти.

Часто отцу молвящу ей: «О дщи!^б Должна ми Веси зятем, должна^г ми еси дидятем». Но она, гнушаясь, аки злым делом, разженными мужескими, со смиренным поставом, в стыде румяном, красное свое покрывает лице и руками отеческую^д шею обнимает, глаголюще: «Отче прелюбезне! Поволь ты мне сего, дабы употребляла вечно девства моего». Исходатайствовала древле была^е у отца себе Дианна,⁸ да и се было то ж поволение.⁹

Но тебе, о Дафно! твоя красота тем быть, чем хочеш, запрещает и от похотей твоих никого не устраниет. Фебус, // однако, любит и жедает сердечно в супружество со Дафною приити вечно, и того, чего хочет, совершенно чаает, но самага надежда его окрадает, яко же по зжатию колосов легкой костер палят или сухие заборы от пожару горят, которые подткнув близко ночью человек подорожный сотворяет или и ко дни оставляет; тако бог, невзачай¹⁰ увязнув в знойном пламени, нудим был пребывати в зельном озлоблении, стражда сам в себе жестоким палением, питает бесплодну любовь суетным чаянием, видя висящие с шеи гладкой волосы нечесаны, а что ж бы молвил, видя приглажены. Видит огнем блистающияся и ясным звездам подобные очи. // Выше меры красны видит — а не доволно есть видеть! — и уста л. 68 об.

Бежит она скоряе ветра легкого, ни слушает сими словесы манливаго: «Нимфо пенейска, постой, удержишь ногами, я тебя не гоноу неприятелскими стопами! Нимфо, постой! Так пужливые овцы перед волком, так серны пред львом, так боязливы голуби пред орлом бегут. И то несть новое, что беречься неприятелей своих иным, но вина моего вслед тебе гонения есть самая любовь. Оле! не упади лицем и ног своих не уязви, // а меня болезни л. 69 об. твоей виною не ими! Не гладким местом бежиш, сама себя держи смиряе, о! смиряе бежи, один я тебя гоноу.

Ведай, кому годна еси: я несм житель коей горы, ни над стады какими пастух который. Верь мне, я здесь не берегу, ни страшным дозирателем каких стад стерегу. Не ведаеш, упрямая девка, от кого то бежиш, не ведаеш, бедная, не ведаеш, и для того не ждеш. Мне Клярос,¹¹ Тенедос¹² и делфийское дедичство¹³ служит и патарейска подданствует украина.¹⁴ Юпитер моим есть^ж отцем, мною все явилось, что было, и что есть, и что впредь будет; мною различные песни своими голосами согласие¹⁵ блюдут приятно слышными струнами. Надежна // наша стрела,¹⁶ но объявилась надежней- л. 70 шая одна, которая язву учинила в моем в покойном сердце. И моею особою головою лекарства обретены,¹⁷ для того зовут меня болезней целителем по всему свету и моему владению все суть подданы травы.

^б Испр., в ркп. дщи. ^{в-г} В ркп. приписано на поле. ^д Ю приписано другим почерком. ^е Испр., в ркп. было. ^ж Вписано над строкой.

Оле мне, окаянному! что любовь никакими исцелена быть не может травами, и господину своему те вещи ни в чем не угрожают, которые всем вопче людем помогают».

Хотел бы в том деле еще говорить болши, но не соизволяя слушать его, скоряе поспешила Пенеовна пужливым бегом и, в полы не скончав словеса, оставила. Ныне же всего лутши ему показалось, когда ветры открытым телом являлись и когда противны надыманья платья поднимали и волос всякой поднятой // назад воздуха зганяли. Прибавливалось еще побегом красоты, но не теряя бог молодой ласковых слов, как ему советовала любовь, вскачь гонит вслед ея, будто когда сабака гончая скочит в поле зайца, тот хочет догнать, а другой уйти здраво. Один будто уже хочет подцепить и покорыстоватся чает и протянутым ртом следу касается. А другой, сумняся — не угнан ли? — гонзает, убегая пред лютыми зубы и вырывается из гонящаго губы — так бог з девицею: тот бежит от надежды, а сия от страха, однако же который гонит, охотнее к пути и скорейший есть, любви перьями подправлен не хочет отдыхать, но упрямая бежит, даже по пужливой // спине волос вознесен развивается по шее, собою растрясен.

Толкование

1. «Первая любовь Фебова»³ — тот же, что и Аполлин.
2. «Жесток гнев Кунидина» — Кунидо, по мнению языческому, был сын Ночи и Неба, или сын Марса, се есть Ариса, и Венеры, се есть Афродиты. Бог любви, писывано его отроком нагим крылатым с луком и с сайдаком, в котором двои стрелы имел: одне позолоченые, которыми стреляя сердца человеческие и богов любовию зажигал, иные были оловом опрвлены, теми ненависть в сердца вносил. Тот осердился было на Аполлина. //
3. «Какое тебе дело, детина, до крепкаго ружья?» — се есть до лука. Теми словами поречение учинено Аполлином против Кунидина, которым его раздражил.
4. «Ту бог в нимфе пенейской водрузил» — се есть стрелы с оловяным железом. «Бог» — се есть Купидин или похоть. «В нимфе пенейской» — се есть в Дафне, дочери Пеней реки.
5. «Другую Аполлина» — острою и позолоченую стрелю.
6. «Другой от иманий любовника бежит» — Дафне от Аполлина.
7. «Ревнуя по чистоте» — се есть Дианне, которую также называл Фебом, // Дианна бо, обещав богом чистоту, всегда ея держалась и не блюла при себе никого кроме девок, а на ловлях весь век свой изжила и для того ее звали богинею не только чистоты, но и ловли. Также и Дафне, ревнуя по всему тому Дианне, хотела также быть вечно девою.
8. «Исходатайствовала было прежде Дианна себе у отца». «У отца» — се есть у Зевеса, что ей поволлил вечного девства.
9. «Как и той поволено» — се есть Дафне Пеней отец, но красота ея первая упор тем вещем учинила.
10. «Так бог невзачай» — Аполлин.
11. «Мне Клярос»^и // — Клярос есть город ликийский близ Колофона, Аполлину в тот век посвящен.
12. «Тенедос» — Тенедос так же город ликийский или, по мнению некоторых, памфилиский, которые отданы были во оборону Аполлину.

³ Испр., в ркп. Февова.

^и Испр., в ркп. сия рос.

13. «Дельфийская украина» — Делфийска земля. Делфы был город фокидийской страны, недалече Парнаса горы, там язычники поставили^к капище Аполлину, а он был славен и богатевы и гаданми, которые диавол творил во имени Аполлинове, из кумира его говора людем, которые приходили спрашиватся о мимошедшем и о^л будущее. //

14. «И патарейская подданствует страна» — Патара был город ликий- .л. 73 ский, где Аполлин давал гадания шесть месяцев морозливых. Звали его так от Патара, сына Лапеонова.

15. «Мною различни песни с своими согласии» — заеже Аполлин есть бог мусикийский.

16. «Надежна наша стрела» — говорил той Аполлин, яко имеющи из лука стрелять зверя и неприятеля, как сам выше сего хвалился пред Купидином.

17. «Моею головою лекарства найдены» — сам Аполлин говорит, что тому пострелу, случившемуся от Купидина ему, не мог^л // пособить ни- .л. 73 об. какими лекарствами ни травами.

Перечень повести четвертой^ч на десять

Дафне девица от Аполлина долгим гонением утомлена быв, а от лица его скоро бежав, отца своего, Пеней реки, в помощь призывала, чтоб помогл и девство ея совершенно дал соблюсть, в котором удумала была последовати Дианне. Отец, прошение дщерп своей выслушав, в древо лавровое, се есть бобковое, переменил, на которую перемену смотрел Фебус очими своима.

Сказание четвертое на десять //

Она же от скорога бегу трудом побежденна и силы лишився, .л. 74 побледнела и, смотря на пенейския воды,¹ такие испущала слова: «Отче возлюбленне! Дай помощь, молю! Реки, естли имеете при себе божию силу, и ты, земле, понеже я тебе зело показалась, разступися. Или красоту пременив, лиши ея, которой ради имам быти посрамлена».

И едва молбу скончала, и се внезапное припало одеревенение,² которое составы ея овладело. И прежде сего среди тела мягкая внутренняя заключенна творятся тонким лыком поволочена и власы на зеленые ветви изменяются, а плеча в толстые сучья претворяются; ноги, которыми скоро недавно бежала, в ленивые коренья попеременяла, рот высокою вверх // вершиною стал. .л. 74 об. Толко один на свете остался Фебус, однако ж любит, но нечаянным делом ужася, кой час руку свою правую положил на тот пень, слышит — и се сердце под новою кожею зело еще дрожит от ужаса. Он же, обнимая сучье³ аки составы, целует дерево, толко того целования дерево не принимает, наипаче его от себя отвергает. К нему же бог так своими словами говорить учал:

«Заеже мою не^н можеш быть женою, то моим конечно будеш деревом,⁴ и тебя совершенно наши волосы, и гусли, и сагайдаки вечно носить будут, о лавре! Ты радоснотворныя воеводы за

^к Испр., в ркп. потавили. ^л Доб., в ркп. нет. ^м Испр., в ркп. девятой. ^н Доб., в ркп. нет.

храбрость украшати будеш,⁵ гласу их веселу воспевающу по-
л. 75 беды,⁶ // чюдящимся градовом римским видя корысти свои людны,⁷
ты ж на преградинах святых, яко верный страж у дверей, стоять
будеш⁸ и давать оборону сам вечными времени среднему дубу.
И как моя молодцова голова есть с волосами небритыми, так
и ты вечно на себе красоту зеленого листвия носи⁹ конечно».

А какой час пеан¹⁰ с такими словами отделался, лавр дерево
тотчас поволит одется ветвми⁰ урослыми,¹¹ потому что по его слову
было видеть, как преклонил вершину аки главу.

Толкование

1. «Смотря на ненейские воды» — се есть смотря на воды отца своего Пенеа. //
- л. 75 об. 2. «И се внезапное тяжкое припало одеревенение» — являет стихотворец, что уже Дафне почела переменяться в дерево бобковое.
3. «Обнимаемая сучья» — се есть дерева того, в которое обратилось^п было Дафне, а зделал то от великия любви и печали.
4. «Деревом моим совершенно будеш» — присвоил себе древо то Фебус и от того времени обещал не носить на голове своей венца иного, токмо витой из ветвей бобковых, такими ж венцы гусли свои и сайдак украшати хотел.
- л. 76 в то же время Фебус оставил, дабы кесари и воеводы римские по улученных победах победительств своих и въездов веселых в capitoлиум, замок римской, не действовали без венцов лавровых, се есть бобковых.
6. «Иногда глас их веселый победы пети будет» — егда бо по улученных боях въезживали гетманы в Рим, пеня различныя бывали.
7. «И когда замки римские чюдные почюдаются, видя свои здобычи людны» — тот бы у римлян обычай, что по улученных победах на возах победительственных въезжали в Рим, а вслед их важивали воевод завоеванных и иных розных пленников и корысти розные: кумиры, браные ис капищ, и знамена. //
- л. 76 об. 8. «У переград святых перед дверми стояти будеш» — отсюду знатно, что в ту же пору оставил Фебус венцы бобковы вешать перед дверми у переграды двора цесарского и для того тот обычай издавна блюден в Риме, что те венцы вешивали таким порядком, что меж двумя венцами бобковыми быван вешан один из листья дубового витой, а иные чают, что дерево дубовое саживали на дворе замка цесарского, а возле его с обеих сторон два дерева лавровые или бобковые. С тем чаянием согласуются те слова стихотворцы: «Ты, лавре, у дверей верный сторож будеш».
- л. 77 9. «И как моя голова с небритыми волосами, так ты красоту зеленого // листья носи» — Аполлин писан бывал з долгими волосами, а без бороды, и такову красоту кажется вечно имети, понеже и солнце, которое временем зовут Аполлином, лучи свои вечные имеет и никогда их не лишается. Того ради во оно время теми словесы Аполлин становил, как он волосов своих никогда не стриги, чтоб так же и бобковое дерево листье зеленое на себе имело всегда и зимою б не опадывало.
10. «И как пеан» — пеаном наречен Аполлин же для того, что был изобретатель лекарств.
- л. 77 об. 11. «Поволих лавр на рослые сучья» — се есть Дафне, недавно переменная в древо, // затресла вершиною своею и казалась, будто призволяет на слова его.

(БАН, 17.14.21, л. 66 об. — 77 об.)

⁰ Испр., в ркп. ветми. ^п по вписано над строкой. ^Р Испр., в ркп. радостотворных.

ДАФНА, ПРЕВРАТИВШАЯСЯ В ЛАВР

Перевод-переделка поэмы С. Твардовского сохранился в двух списках первой четверти XVIII в.¹ Анализ всех текстуальных различий позволяет считать, что перед нами две редакции одного перевода. Текст в *Б* значительно меньше (почти на 250 стихов), чем в *А*: кроме выпущенных целиком 4 явления и значительных фрагментов из 5 и 8 явлений, «аргумента» ко всей пьесе и списка действующих лиц, в последних явлениях опущен ряд отдельных стихов и целых реплик. Эти сокращения носили целенаправленный характер, редактор явно хотел придать всему тексту более сценический характер и освобождал текст от побочных мотивов и длиннот.

Сокращенная редакция не восходит к первой редакции, представленной в списке *А*: в ней есть «аргументы» (краткое изложение содержания) к каждому явлению, отсутствующие в первой. Они не были сочинены редактором, так как являются переводом или пересказом соответствующих «аргументов» польского оригинала. Таким образом, первая и сокращенная редакция независимо друг от друга восходят к протографу перевода, который лучше отражен в первой редакции, так как в сокращенной чаще, чем в первой, встречаются нарушения изосиллабизма в стихе, а также неверные чтения, в том числе собственных имен (Абсирта *А* — Себеирт *Б*; Нинус *А* — Венус *Б*; Иолы *А* — Толы *Б*). В первой редакции более заметны и следы польского оригинала, ср.: *wygubił* — выгубивши *А* — угасивши *Б*; *utknięz* — уткненная *А* — вонзенная *Б*.

Для первой редакции более характерны обновленные грамматические формы, ср.: я *А* — аз *Б*; хотел *А* — хотяше *Б*; даровал *А* — даровал еси *Б*; ушел *А* — уйдох *Б*; просил *А* — просих *Б*; в то же время: имел *А* — имел *Б*.

По спискам *А* и *Б* перевод был напечатан Н. С. Тихонравовым,² который издал сводный текст: в *А* были внесены, иногда без оговорки, «недостающие» места из *Б*, таким образом, это издание не отражает различий между редакциями. Возможно, что это было оговорено Н. С. Тихонравовым в комментариях,³ однако в известных корректурных оттисках «Примечаний ко 2-му тому» материалов о «Дафнис» нет. Кроме того, в своем издании Тихонравов модернизировал орфографию, не отразил всех перестановок слов и сокращений в *Б* и т. п. Всего в издании Н. С. Тихонравова более 150 таких неточностей.

Если реконструкция памятника, предпринятая Н. С. Тихонравовым, не дает представления о редакциях перевода, то неразумно и отдельное издание обеих редакций, потому что несмотря на большие различия в обеих редакциях читается один и тот же перевод. Сверка редакций с польским оригиналом приводит к выводу, что представление о протографе перевода можно составить только на основании обеих редакций, что позволяет привести чте-

¹ ГПБ. Q.XIV.10, л. 136—165 об. (далее — *А*), л. 166—189 об. (далее — *Б*). Подробное описание рукописи см. в статье: Николаев С. И. Поэма С. Твардовского «*Dafnis w drzewo bobkowe przemienięła się*» в русском переводе начала XVIII в. // Вестн. Ленингр. ун.-та. 1977. № 8. С. 90—91.

² См.: Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 гг. СПб., 1874. Т. 2. С. 440—484.

³ В одном примечании (с. 468) он даже отметил: «См. примечания».

ния *Б* в разночтениях к тексту *А*. При этом необходимо помнить, что это не просто другие чтения другого списка, а чтения другой редакции.

«Дафнис» представляет, как показал М. Л. Гаспаров,⁴ значительный интерес для истории русского стиха первой трети XVIII в., поэтому представляется целесообразным привести все перестановки слов и более мелкие разночтения, полезные для стиховедения, в частности для истории русской рифмы (учтены разночтения типа: велики — великий).

Основной текст: ГПБ, Q.XIV.10, л. 136—165 об. — *А*.
Разночтения: ГПБ, Q.XIV.10, л. 166—189 об. — *Б*.

л. 136

¹ ДАФЪНИС, ГОНЕНИЕМ ЛЮБОВНАГО АПОЛЪЛОНА В ДРЕВО ЛЯВРОВОЕ ПРЕВРАЩЕННАЯ ²

л. 136 об.

³ Аргумент

Аполлон, посланный от неба (яко же у поэтов), у Адмета, короля фессалийского, пасяше девять лет овцы в лесах, из которых змия рекомаго Пито, великия пакости в людех деющаго, благополучно уби, отчего между пастырями славу получивши, выхваляше лук свой и стрелы паче Купидиновых. Им же зараженная Венус возбудила Купиду на отмщение. Того абие уразила Купидо на Дафнис, девицу фессалийския реки, ибо оную оставшую тогда от подружий своих Клоринды и Низиды и заблуждшуюся в лесах, устрели оловяною, Аполлона же златою стрелами. Отнюду же уязвися Аполло, гоняше повсюду за нею и златыми словами скланяше, отнюд не хотевшую (тогда Купидо на стране посмеваея стояше). Прибегши наконец утружденная гонением от Аполлона, просит Дианны, дабы в камень или в древо самую превратила, что видя Дианна, едва не достигшую Аполлоном, абие в древо лявровое преврати ю, о чем Аполло зело с горьким плачем рыдаше. Потщався, желаше кое любо отменство показати, посвяти его, да связуют из листвия онаго древа короны в победу триумфов. //

л. 137

л. 137 об.

Перьсоны

Фосфорус	Клоринда
Гесперус	Низиды
Аполло	Дианна
Дафнида	Напеп ²
Венус	Сирены ⁴
Меркуриус	Пастыри ⁴
Купидо	Пито зверь. ⁴ //
Пенеуш	

л. 138

Фосфорус⁵

Кто не дивиться пресветлому солнцу,
Егда проводит⁶ день к noctному концу?
Тогда ли видиш очеса угодны?
Не тако, чаю, и свет сей свободный.

⁴ См.: Гаспаров М. Л. Русский силлабический тринадцатисложник // *Metryka słowiańska*. Wrocław, 1971. S. 39—63.

¹⁻² Действие о Аполлоне и прекрасной Дафниде, како Аполло победы лютаго змия Питона, потом же и сам побежден явися от малаго Купиды, изъявляющее. Вкратце переписан в Санкт Питербурхе лета 1715 июня в день *Б*. ³⁻⁴ Нет *Б*. ⁵ Пролог *Б*. ⁶ переводит *Б*.

Како Аполло, сам солнце высоко,
 Не просветил же Дафнидино⁷ око,
 Сам распалися? О любве прекрасна!
 Превосходиши ты над солнца ясна!
 Как победитель побежден преславно,
 На действии сем узрите вся явно.
 Аз есмь краснейшая⁸ денница на свете,
 Мною похмурны тени на розвете
 Все исчезают. Для красна же виду
 Зрите над солнцем Купиды победу.
 Коль благ свет очам и коль есть приятен!
 Дажь нам, о Фебе, день сей благодатен!
 На златом возе Аполло прекрасный!
 Дажь нам в действии вымысл неопасный,
 Да вси увидят с похвалою дело,
⁹Еже то¹⁰ нами деется всецело. //
 Вы мя изволте к нощи проводити¹¹,
 А теперь дело прилежно смотрити.

л. 138 об.

ЯВЛЕНИЕ I¹²

П а с т ы р ь 1

Кая, ¹³друже, радость нам,¹⁴ зде овцы пасуще,
 На ¹⁵минуту всякую¹⁶ змия люта ждущу?
¹⁷Уже ходит многожды,¹⁸ всех нас разганяет,
 Овцы стада нашего с людми поядет.¹⁹
²⁰О горе беднейшим нам!²¹ Горе безпомощным!
 Ходит змий сей на зоре и временем ноцным.
 Видесте и ²²ныне, как²³ на нас поострился,²⁴
²⁵Чуть я жалом злейшаго, чуть не уловился!²⁶

П а с т ы р ь 2

Что ты, друже, ²⁷и я чуть бежал²⁸ без отдыху,
 Мало не попался в снедь тому змию лиху.

П а с т ы р ь 1

²⁹Я едва во скорости убегши на горы,³⁰
 Тотчас на место наше прибежал³¹ змий скорый,³² //
 Вся поял с пожранием, все суды разбивше,
³³Чуть ушел я в немощи, зело в страхе³⁴ бывше. л. 139
 Что нам чинить ³⁵друзие, что чинить³⁶ помощи?
 Истинно, и нас поест, пришедши во нощи.

П а с т ы р ь 3

О проклятый змий на нас! О злая скотина!
 Бежах, бежах, пришла мне горкая причина.

⁷ Дафнидово Б. ⁸ краснейша Б. ⁹⁻¹⁰ которое Б. ¹¹ приводит Б. ¹² Доб.: Змий, рекомый Пито, исходит и уготованныя у пастырей вещи разбивает, прочих же разганяет. Потом от Йовиша посланный Аполло приходит к пастырем пасти с ними овцы Б. ¹³⁻¹⁴ радость, друже, нам Б. ¹⁵⁻¹⁶ всякую минуту Б. ¹⁷⁻¹⁸ премногожды приход- дящ Б. ¹⁹ пожирает Б. ²⁰⁻²¹ горе весьма бедным нам Б. ²²⁻²³ днесь, како Б. ²⁴ поострился Б. ²⁵⁻²⁶ Змия жалом лютаго чуть не уловихся Б. ²⁷⁻²⁸ аз едва избегл Б. ²⁹⁻³⁰ И аз егда в скорости убежах на горы Б. ³¹ прибеже Б. ³² скоры Б. ³³⁻³⁴ Едва уйдох в немощи и во страхе Б. ³⁵⁻³⁶ откуду снискати Б.

Бегущи и³⁷ вывихнул с зелным бодем ногу,
Чуть от страха уллучил к вам быть на дорогу.
Я³⁸ не вем, токмо просить бога есть потреба,
Да послет помощника нам на змия с³⁹ неба.

П а с т ы р ь 2

⁴⁰Я просил⁴¹ о помощи, во сне видех верно,
Еже⁴² Йовиш обеща милость нам безмерно.
Хотел⁴³ Аполлона дать, яко же⁴⁴ достойна,
На умертвие того зверя⁴⁵ недостойна.
О боже! Доколе нам его не явиши?
Егда мало упоздит, всех нас погубиши!
Доколе ⁴⁶будем терпеть⁴⁷ злую ту скотину?
Доколе нести сию злолоту кручину?

П а с т ы р ь 1 //

л. 139 об.

Несть помощи, истинно, кроме богов сильных,
Тех будем просити к нам, богов же пресилных.
Обратися, боже, к нам оком милосердым,
Буди нам заступником присно благосердым,⁴⁸
Посли Аполлонову руку, да из дебря
Люта змия победит, яко злаго вепря.

П а с т ы р ь 4

Испужая, змий мене имел утрашити,
Еже я⁴⁹ от страха чуть⁵⁰ могу говорити.
Кто сего люта⁵¹ может победити?
Кто против⁵² его ⁵³дерзок смеет⁵⁴ быти?

В с и

Помилуй, помилуй нас, избавь сея муки
Чрез ⁵⁵достойного того⁵⁶ Аполлона руки.

П а с т ы р ь 3

Тотчас⁵⁷ будем видети — Аполло приходит,
Помощь победителну на змия совводит.⁵⁸
Уже направленный лук полон стрел несущи,
И силы исполнися, яко⁵⁹ воин сущий.

В с и

Помилуй, помилуй нас, избавь сея муки //
Чрез ⁶⁰достойного того⁶¹ Аполлона руки.

л. 140

А п о л л о 62

Что сила может, что одолевает,
Усердие мне⁶³ в делех преспеваает.
Почто измена мене убедила,⁶⁴
Где честь Дианна предъзготовила?
Посланный ныне ⁶⁵из неба⁶⁶ от Дия,
Око его есть всегда на благия.
Радуйтеся ⁶⁷вы, пастырие друзи,⁶⁸
Нашего Дия усердных служи!

³⁷ же Б. ³⁸ аз Б. ³⁹ со Б. ⁴⁰⁻⁴¹ Просих аз Б. ⁴² Яко Б. ⁴³ Хотя-
ше Б. ⁴⁴ Нет Б. ⁴⁵ змия Б. ⁴⁶⁻⁴⁷ терпеть будем Б. ⁴⁸ всеусердым Б.
⁴⁹ Нет Б. ⁵⁰ едва Б. ⁵¹ лютаго Б. ⁵² против Б. ⁵³⁻⁵⁴ дерзен
имать Б. ⁵⁵⁻⁵⁶ того достойного Б. ⁵⁷ Вскоре Б. ⁵⁸ приносит Б.
⁵⁹ аки Б. ⁶⁰⁻⁶¹ того достойного Б. ⁶² Аполлон Б. ⁶³ длани Б. ⁶⁴ по-
бедила Б. ⁶⁵⁻⁶⁶ с небесе Б. ⁶⁷⁻⁶⁸ днесь, пастыри и друзи Б.

Я⁶⁹ послан с неба пасти с вами овцы,
Будите вкупе на Питона ловцы.
Луком обыкох на злых воевати,
Добрых же в златых гуслах утешати.
Будите всегда надежны⁷⁰ в пустыни,
Принужден пасти с вами до причины.

ЯВЛЕНИЕ 2⁷¹

П е н е у ш

Едва дождався тягчайшаго знака,
Соннаго в очах утружденна зрака, //
Сном по вчерашнем пире утруженный,
Егда⁷² в фессалийских реках забавленный
Много в ночь пиях с тритоны своими,
Еще и воды полон жбан носимый.
Зоря краснейша запала на небе,
Радую⁷³ ти ся, златовласный Фебе!
Ты небо в округ колом обегаеш,
Всю тварь на земли дивно оживляеш,
⁷⁴Златопламенным огнем своим⁷⁵ ясным
⁷⁶Всяко листвие живиш благощастным.⁷⁷
И мене всюду, ах, увеселило,
Яко спевати сердце возбудило.
Встаните, дщери, встаните, напей!
Разветрите мне похмурны идеи!
Фебус веселый нами⁷⁸ посмеваеш,
А донеле ветр зефир повеваеш,
Утешимся в сей погоде веселой,
Воспойте, дщери, в радости всецелой!

л. 140 об.

Пение

Кто тако славен, яко ты во гласех,
Славный Пенее? Живи в⁷⁹ благих часех!
Мы тебе ныне паче⁸⁰ прославляем,
Тебе спеваем.⁸¹
⁸²Хвалится вами Венус⁸³ златовласна,
Како течеша в реках благогласна.
Мы тебе ныне паче⁸⁴ прославляем,
Тебе спеваем.⁸⁵
Мы веселимся водными разливы,⁸⁶
Видящи славу твою в наши нивы.
Мы тебе ныне паче⁸⁷ прославляем,
Тебе спеваем.⁸⁸

л. 141

Н а п е я 1

Вемы то,⁸⁹ отче, яко век щасливый,
Внегда прежде всех никто бяше живый:
Чрево за хлеба дактилы имяше,
Вместо же воды сок лесный пияше.

⁶⁹ Аз Б. ⁷⁰ надежны Б. ⁷¹ Доб. Пенеуш, река фессалийская, утешая зарю, призывает водных богинь напей на увеселение. К нему же приходит и дочь его Дафнис с Клориндою и Низидою, с своими девами, просящими у отца на ловы. Он же отпускает, на (так!) да не заблудит в лесах, Гермия стражем приставляет Б. ⁷² Едва Б. ⁷³ Радую Б. ⁷⁴⁻⁷⁵ Златопланетным своим огнем Б. ⁷⁶⁻⁷⁷ Всякому всюду живеш благощастным Б. ⁷⁸ нам ся Б. ⁷⁹ во Б. ⁸⁰ над всех Б. ⁸¹ воспеваем Б. ⁸²⁻⁸³ Хвалит тя Венус велми Б. ⁸⁴ над всех Б. ⁸⁵ воспеваем Б. ⁸⁶ ратливый Б. ⁸⁷ над всех Б. ⁸⁸ воспеваем Б. ⁸⁹ тя Б.

И тогда мы все заедино жили,
Боги и цари нераздельно были.
Потом где Нинус⁹⁰ начев⁹¹ разделяше,
Плодная⁹² Церес жита⁹³ обреташе,
Востапа войны и бой непрестанный.
Что мы узреше век сей зело странннй,⁹⁴ //
Разделившеся, яко прежде жили,
Морем, горами, водами покрыли.

Н а п е я 2

Что же⁹⁵ славнее велия Европы?
В пустыню бежа,⁹⁶ острья Родопы.
Не по велику морю убегала,
Егда на части Абсирта⁹⁷ ссекала.
Не всегда в водах музы и забава,
По всей вселенней буди твоя слава!

П е н е у ш

Напеи любезннй, ⁹⁸токмо ли⁹⁹ утехи?
Донеле значат небесннй беги
¹⁰⁰Благоприятну погоду¹¹, ¹ на небе,
Еще воспети во гласех мя требе.

Пение

Радуйся в² славе, теки благогласно,
Мы же, с тобою чтими неопасно,
Паче Атлянта честно³ величаем,
Тебе спееваем.⁴
Хвалися в чадех, хвалися во дщерех!
Се ти приходит⁵ едина во дщерех. //
Мы тя навеки с нею величаем,
Тебе спееваем.⁶

л. 142

Д а ф н и с

Отче, се мя видиши внезапно ходящу,
Лицом ты в радостнейших песнех веселящу.
Вем, яко уволиши, приходх ты просити,
Изволь мене, отче мой, на лов отпустити.
Ты в ликах забавленный,⁷ аз же леса знаю.
На охоту отпусти, да в лесах гуляю.

П е н е у ш

Любезная дщи моя, не могу держати,
Яко ⁸в воли я и сам⁹ обыкл пребывати.
Блюдиися вепря, блюдиися еленя,
Не буди пища, зверями снеденна.

Д а ф н и с

Лук мой силен есть,¹⁰ другини надежны,
Никий¹¹ зверь ¹²от наших рук¹³ не будет избежны.¹⁴
Аще что и получим в дар ти приносити,
Потщуся с радостию даром ты почтити.

⁹⁰ Венус Б. ⁹¹ на чем Б. ⁹² Плодное Б. ⁹³ жито Б. ⁹⁴ страстный Б.
⁹⁵ есть Б. ⁹⁶ беже Б. ⁹⁷ Себеирт Б. ⁹⁸⁻⁹⁹ что имели Б. ¹⁰⁰⁻¹¹ ¹ благо-
приятны погоды Б. ² во Б. ³ чисто Б. ⁴ воспееваем Б. ⁵ приходх Б.
⁶ воспееваем Б. ⁷ забавный Б. ⁸⁻⁹ я и сам в воли Б. ¹⁰ Нет Б.
¹¹ Всякий Б. ¹²⁻¹³ от рук наших Б. ¹⁴ избежный Б.

П е н е у ш

¹⁵Убо приставленный¹⁶ мой, в путех скоростествен //
Гермий,¹⁷ иже во свете повсюду известен!
Дианна пресветлая, послѣ ми Гермия!

л. 142 об.

Д а ф н и с

Не медли, отче, проси¹⁸ скоряе всех¹⁹ Дня.

Г е р м и й

Коль многоделен при небесном Фебе
И многосветлых планетах²⁰ на небе,
Одержим всеми, а²¹ к тебе, Пенею,
Скорья крыла²² на главе имею.
Вся уничтожих, имам к тебе дружбу,
Готов к Дафниде некосен на службу.
Изволь, ²³что тебе леть,²⁴ повелевати,
²⁵Воскоре выну²⁶ готов сотворяти.

П е н е у ш

Вем, благообразнейший,²⁷ тя²⁸ благоразумна.
Храни дщерь мою в путех²⁹ от зверя безумна.
Идет на лов во³⁰ лесах, да не заплутает,³¹
Ты можеш хранити ю, твой разум то³² знает.

Г е р м и й

Едина препона мне — Венеры боюся,
Обаче не запретит, уже я потщуся. //
Егда разгневается малая³³ Купидо,
Храни, о прекрасная! честь свою,^а Дафнидо.

л. 143

П е н е у ш

Иди, дщи, последствуй сей дражайшей персоне,
Буди без опасствия³⁴ ниже о драконе.
Аз же веселящихся теку в путь свой паки,
Стези мои скорья суть³⁵ и³⁶ одинаки.
Ты, ³⁷Клориндо, с прочими последствуйте дщери,
Пребудите³⁸ в радости ловящая звери.

Пение

О небо ясно, почто изменяеш,³⁹
Скорую горесть Дафне⁴⁰ обещаеш?
Иди, Дафнида любезная, с ними,
С девы своими.

Д а ф н и с

Кто, кто охотный служити Диане,⁴¹
Охотных богинь в ефезийском⁴² стане
Рад слыша⁴³ трубы и совоя гласы,
⁴⁴Идем в путь на лов⁴⁵ со благими часы.

^а Испр. по Б, в ркп. ея.

¹⁵⁻¹⁶ Прииди, пресветлейший Б. ¹⁷ Гермия Б. ¹⁸ просити Б.
¹⁸⁻¹⁹ всех скорее Б. ²⁰ планитах Б. ²¹ аз Б. ²² крыла Б. ²³⁻²⁴ тебе
лепо что Б. ²⁵⁻²⁶ вскоре, вскоре Б. ²⁷ благообразне Б. ²⁸ Доб.
быть Б. ²⁹ пути Б. ³⁰ в Б. ³¹ заблуждает Б. ³² да Б. ³³ малей-
ший Б. ³⁴ опасствие Б. ³⁵ текут Б. ³⁶ Нет Б. ³⁷ И ты Б. ³⁸ Придите
Б; доб. щасливы Б. ³⁹ раздражаеш Б. ⁴⁰ Дафнис Б. ⁴¹ Дианне Б.
⁴² ефезинском Б. ⁴³ слышать Б. ⁴⁴⁻⁴⁵ Идет той на лов в путь Б.

Кто неохотный, не рад ⁴⁶слыша тая, ⁴⁷
Останся в доме, ничто же не зная. //

л. 143 об.

К л о р и н д а

Я ⁴⁸ иду рада ⁴⁹ с тобою повсюду,
Сердце в охоте утеша, пребуду,
И вся моя мысль за зверем ганяти,
Егда увижу еленя — стреляти.

Н и з и д а

Что же и во мне — рада бы ⁵⁰ гуляла,
Хотя и в поле отнюдь не бывала.
Егда услышу охотники многи,
Там же имею готовые ноги.
Хотя моя мать ⁵¹ того устрегала,
Очи на платнах — мысль в поли гуляла.

Д а ф н и с

Велий дар богов, — мысль моя гадает, —
Кто по природе во охоте знает.
Коль сладки гласы ⁵² охотничья крика,
Егда услышу — радость превелика.

К л о р и н д а

Там медведь сильный, там дикия вепри,
А когда внидеш в далекия дебри,
Там с страхом ⁵³ зверь видя тя и якобы ⁵⁴ плачет, //
Охотник же в радости без памяти скачет.
Лисы, ⁵⁵ зайцы и волки егда наганяет,
С велиим их торжеством весел закаляет.

л. 144

Н и з и д а

Правда, несть охотнику погоды нимало,
Земля ему ложе есть, небо — одеяло,
Запомнивши и жены своей ⁵⁶ в доме млады,
Яже ждет тоскливая чрез всю ночь со чады.
Однако и в нуждах сих ⁵⁷ весел есть и здравы, ⁵⁸
Приятны ми видятся охотников нравы.

К л о р и н д а

Щасливы девы, яже ⁵⁹ при Диане, ⁶⁰
Утехи несть вам в ефезийском ⁶¹ стане
Кроме за охотою по горам ⁶² гуляти,
Дикия лани, елени стреляти.
Просите богов, да нам щастие даруют
И ныне на ловах нам тии ⁶³ да пособствуют.

Н и з и д а

Время итти нам, ⁶⁴ вечер ⁶⁵ приближает.

Д а ф н и с

Идем, и я видела: елень прескакает. ⁶⁶ //

⁴⁶⁻⁴⁷ слышать тоя Б. ⁴⁸ Аз Б. ⁴⁹ радостна Б. ⁵⁰ Доб. я Б.
⁵¹ мати Б. ⁵² трубы Б. ⁵³⁻⁵⁴ звери видя яко Б. ⁵⁵ Доб. и Б.
⁵⁶ своя Б. ⁵⁷⁻⁵⁸ весело есть здравый Б. ⁵⁹ еще Б. ⁶⁰ Дианне
Б. ⁶¹ ефезинском Б. ⁶² горах Б. ⁶³ те Б. ⁶⁴ Нет Б. ⁶⁵ Доб.
себе Б. ⁶⁶ претекает Б.

Там много волков, в ночи зело выли.

Н и з и д а

Болши елени многия там были.

Д а ф н и с

Тебе, Дианно,⁶⁷ верно посвящаю
Роги елени, аще изымаю.

К л о р и н д а

И я лоб волчий.

Н и з и д а

Я кожу лисицы.

Д а ф н и с

Время есть, идем, любезны девицы!

ЯВЛЕНИЕ 3⁶⁸

П а с т ы р ь 1

Ну, друзие пастыри, страх наш есть известен,
Однако ж мир сладостьми⁶⁹ есть зело прелестен,
Хотя мы и⁷⁰ ведаем, что змий часто ходит,
Видимую смерть всегда с собою приводит. //
Едина надежда нам — рука Аполлона,
Может защитити нас от люта Питона.
Ну, друзие пастыри, есть крапля⁷¹ забавы,
Вышьем мало в радости не для нашей славы.

л. 145

П а с т ы р ь 2

Зело усердно хошу, даждь ми пити мало,
Дабы сердце малейшу утеху прияло.

А п о л л о

Блюдитесь, пастыри, зверь идет, боюся.
Бежите, бежите прочь, я с ним остаюся.
Виждь, звере злейший,⁷² помощь мне суть боги,
Уповаю сломити злыя твои роги.
Помози, Фебе, златый лук мой наляцати.
Представи ми, Паллядо, мудре уязвляти.
Се луком моим и стрелами ныне
Умертвих мудро змия наедине.
Придите, пастыри, страх ваш пораженный,
Аз же, трудности исполнь, зело утружденный.

П а с т ы р ь 1

Како сильная рука Аполлона
Лютаго змия убила Питона? //
Кия возмогут уста восхвалити?
Кую трофею леть есть учинити,

л. 145 об.

⁶⁷ Дианна Б. ⁶⁸ Доб. По обычаю к пасущим змий исхождаше, его же абие Аполлон уби. От сего пастыри, веселящихся и пляшущии, выхваляют Аполлона. Потом Аполлон начен хваляшеся, ругающийся купидиным стрелам Б. ⁶⁹ сладости Б. ⁷⁰ Нет Б. ⁷¹ кропля Б. ⁷² злейши Б.

Яко избавил тесьсалиску⁷³ страну,
Даючи зверю смертельную⁷⁴ рану?
Токмо хвалим тя и блажити будем,
Яко даровал⁷⁵ ты жизнь нам и людем.

П а с т ы р ь 2

Видящи видех: егда змий хождаше,
Аполлон смело его усреташе;
Он зубами скрежета и гласом шумящи
Аполлона в близости, пожрати хотящи.
Но он, наляцай⁷⁶ лук, в сердце уязвляше.
Славно⁶ избавление в веки буди наше!

П а с т ы р ь 3

Кий бог даровал щастие нам тако?
Кто ему ⁷⁷счини орудие⁷⁸ всяко?
Стрелы, мню, стругал Титан златогривый,
Копейцо Вулкан, перуном игривый.
Милость Йовиша, щастие Палляды⁷⁹ —
Избавил змиина яда наши стады.
Радуйтесь, друзие, веселимся ясно, //
Время нам веселию ныне неопасно.
⁸⁰Буди в веки прославлен, славный Аполлине,
Света управителю солнечно едине!⁸¹
Пием вино в радости, друзие, теперя,
Яко видим мертваго Аполлоном зверя.

л. 146

П а с т ы р ь 2

Славен, Аполлоне наш, пребуди навеки,
Славу твою умножим между человеки!

П а с т ы р ь 4

И мною буди, последним, славимый,
Иже великим и Дием хвалимый.

П а с т ы р ь 1

Что мы воздадим тебе, славный Аполлоне,
Иже⁸² слава паче всех твоя в Геликоне?
Нимфы славны и фавны хвалят тя во веки,
Леса шумна веселят, прославляют реки.
Мы же сердцем простейшим будем величати,
Елико по силе нам, станем воспевати.

Пение

Радуйся, Аполло наш, пастырей избавитель.
Воспеваем ти всегда, Аполло наш, радуйся! //
Тра-ли-ри, тра-ли-ри, тра-ли-ри, тра,⁸³
Аполло наш, радуйся!

146 об.

⁸⁴ П а с т ы р ь 2⁸⁵

Ну, братцы-товарищи, што мы будем делати?
Аполлона нашего ⁸⁶будем еще⁸⁷ тешити!
Тра-ли-ри, З. ⁸⁸Будем еще⁸⁹ тешити!

⁶ *Испр. по Б, в ркп.* славен.

⁷³ фесалинску Б. ⁷⁴ смертоносу Б. ⁷⁵ Доб. еси Б. ⁷⁶ наляцай Б. ⁷⁷⁻⁷⁸ счинил оружие Б. ⁷⁹ Паллиады Б. ⁸⁰⁻⁸¹ Нет Б. ⁸² Ибо Б. ⁸³ Нет Б. ⁸⁴⁻⁸⁵ Нет Б. ⁸⁶⁻⁸⁷ еще будем Б. ⁸⁸⁻⁸⁹ Еще будем Б.

⁹⁰П а с т ы р ь 3⁹¹

Фляшка наша, радуйся, будеш ты всегда полна,
Мы веселы при тебе, фляшка наша, радуйся!⁹²

⁹³П а с т ы р ь 4⁹⁴

Можем уж⁹⁵ мы⁹⁶ пьяни быть ныне на сей радости.
Аполло светлейший наш, зделай⁹⁷ всегда полноую!⁹⁸

В с и ⁹⁹

Ну, ну, ну, товарищи, попляшем немножечко¹⁰⁰
Веселы на радости, ^{III}1-1 пора нам домой теперь.
Ну, ну, ну, ну, ну, ну, ну, ну, ну!
Пора нам домой теперь!²

П а с т ы р ь 1

Вемы, что не возмогут пастырские лики
Честь дати достоинства, Аполло велики.³
Помяни ты сам свой лук и златые стрелы, //
Мы не можем изяснить ⁴нашими се⁵ дела. л. 147
Сам даждь славу ты себе, сам хвалися ныне,
Мы же отходим, солнца пресветлаго сыне.

А п о л л о ⁶

Кия могут быть нарды так приятны?
Кому подобны дары благодатны?
Увеселихся сердцем попремногу,
Воздам пославшу славу Дию богу.
Злейшаго змия убих благощасно,
Застрелих разом в сердце его власно.
Юпитер тряся небом на циклопы,⁷
Место дрожаше,⁸ где его суть стопы,
Но сильных едва поразит стрелами,
Владеет убо ⁹с огнем¹⁰ перунами.
Моя же мала стрела что содея,
А помощника отнюдь не имеа.
Ныне ли, пастырь, радостен хвалюся,
Между пастыри¹¹ за бога почтуся.
О дрожайшая стрела скоролетна!
Будеши в¹² веки со мною советна!
Я — мыслию, ты — делом то чиниши, //
В радости сердце, егда ты летиши. л. 147
Не то есть дивно в людей^В наляцати,
Яко же отрок обыкл есть стреляти.
Отнюдь не дивно на зверя домовна,
Еже¹³ Купидо в людех скороловна:
Цель зело явна, може уязвити
Перси нагия¹⁴ и мрамор открытый.¹⁵
Что Адонидес в своем злом юдоле
Бояся ветру¹⁶ и не иде в поле?

^В Испр., в ркп. людех.

⁹⁰⁻⁹¹ Нет Б. ⁹² Доб. Тра-ли-ри, 3-жды, фляшка наша, радуйся Б.
⁹³⁻⁹⁴ Нет Б. ⁹⁵ уже Б. ⁹⁶ Нет Б. ⁹⁷ зделал Б. ⁹⁸ Доб. Тра-ли-ри,
3-жды, зделал всегда полную Б. ⁹⁹ Нет Б. ¹⁰⁰ немножечка Б.
^{III}.1-2 попляшем немножечка. Тра-ли-ри, 3-жды, попляшем немножечка
Б. ³ великий Б. ⁴⁻⁵ се нашими Б. ⁶ Аполлон Б. ⁷ киклопы Б. ⁸ дра-
жайше Б. ⁹⁻¹⁰ огнем с Б. ¹¹ пастырни Б. ¹² во Б. ¹³ яже Б.
¹⁴ Доб. суть ея Б. ¹⁵ открыт Б. ¹⁶ змия Б.

Что и Геркулес, во силах цветящий,¹⁷
У своей Иолы¹⁸ на лоне лежащий?
Что и Купидо¹⁹ пера готовляет,²⁰
Славу на земли себе получает?
Что, мои силы подобны ли быша?
Питона змия злейшаго²¹ убиша!
Златолетную мою²² и лук выхваляю²³,
Я²⁴ не на восковая сердца соблюдаю.
Чим будеш хвалитися,²⁵ Купидо? Стрелами?
Или ²⁶летая в сердцах с своими²⁷ крылами?
Силою ли²⁸, луком ли²⁹ отнюдь не хвалися,
³⁰Как я змия поразих,³¹ сему подивися. //
Слава Юпитерови, славу мне подавшу,
Победою³² над змием мене увенчавшу.
Иду³³ убо ³⁴с пастырни³⁵ на поле прекрасно
Отдохнуть,³⁶ а стадо zde уже³⁷ неопасно.

38 ЯВЛЕНИЕ 4

В е н у с

Не всегда на лвах свирепых ежжаю,
Ниже в колясах по полям гуляю,
Не всегда в Кипре видят мою славу,
Но всюду мою имею державу,
Восток и запад, юг и север знает,
Как моя слава повсюду сияет.
Слушайте и вы, окиянски вены,
А вы спевайте, стыдные сирены.

Пение

Проснися, проснися, Аргусе стоокий,
Дивися, дивися, Фебе, на небе!
Ты, г солнце, не беги,
Дафниду стереги. //
О Венус прекрасная,
Веселимся при тебе.
Спевайте, спевайте, красныя сирены,
Играйте, играйте, вси музы твоя.
А мы тебе поем,
Богинею зовем.
Обрати лице твое,
Люби наша пения.
Кто ныне, кто ныне видит перси слабыя,
В флорине, в флорине лугу не сидит.
Стрелу Купидину,
Венусову сыну!
Принеси стрелы своя,
Ликуй с нами навеки!

С и р е н а 1

Тебе Иовиш скипетр опускает,
Марс и Беллона выну уступает.
Неодоленный при тебе Алцидес,
Смирен бывает и славный Анхизес.

г В ркл. испр. из О.

¹⁷ цветящий Б. ¹⁸ Толы Б. ¹⁹⁻²⁰ стрелы сготовляет Б. ²¹ лютаго Б.
²² стрелу Б. ²³ восхваляю Б. ²⁴ Аз Б. ²⁵ хвалитися Б. ²⁶⁻²⁷ в сердцах
летая скорыми Б. ²⁸и Б. ²⁹ Нет Б. ³⁰⁻³¹ Како поразих змия Б.
³² Победой Б. ³³ Идем Б. ³⁴⁻³⁵ стреляти Б. ³⁶ Отходим Б. ³⁷ будет
Б. ³⁸⁻³⁹ Нет Б.

Сирена 2

Скрытая слава твоя в нас сияет, //
В тихости море волнами играет.
Лвы по зеленым лугах веселятся,
По лесах звери пляшущие зрятяся.
Елени скачут со своими чады,
Сатиры пляшут со всеми дриады.

л. 149

Сирена 3

Ты ли на лугах цветущих сидиши,
То лепотою вси богини тмиши.
А на Парнассе когда между боги,
Тебе приносят услуги под ноги.
На облацах ли видим с голубыми,
Сметить не можем скорости очами.
И между нами, то паче дивимся,
Тебе служити в век не изменимся.

Сирена 1

Воззрим на воды: киты и дельфины,
Нептун веселый со своими сыны
Дно окиана тебе отворяют,
Ложе готуют, на пир призывают.

Сирена 4

О прекрасная, веселися с нами, //
А мы чествуем малыми дарами,
Волну взмутивши шумом утешаем,
На земли славу твою величаем.
Где твои очи, там радости плоды,
Каменья, древа, кристаллы воды,
Вечна погода, вечный зефир веет,
Эолюс глянуть с облаков не смеет.
Честныя мирты и нимфы прекрасны,
Будите в веки богини согласны!

л. 149 от

Венус

Рада на ваши словеса вникаю,
Похвалу вашу всегда возлюбляю.
Прекрасны дщери моря глубокаго,
Глас ваш Парнасса паче высокаго.
Зде веселюся я паче киприйских
Пределов своих и паче родийских.
Кто насладится в таковых забавах,
Не в насыщенных сиреновых славах?
Един Улиссес был окамененный,
Имущи воском ушеса заткненны,
Нагая девы хоть сладко певали, //
Перси пред очи ему открывали,
Но его очи каменные были,
Яко склонится ни в чем не имели.
Прекрасный сыне, стрелок презрядный,
Любезный, а мне ни в чем не досадный!
Како Аполло прогневал ты ныне,
Убивши зверя един на пустыне?
Златым же твоим стрелам посмевался,
Во своих силах напрасно ругался.
Что ж, стерпиши ли ему? Или ты несмелый?
Ли не отплатиши ты своими стрелы?

л. 150

К у п и д о

Давно хотел жалобу тебе, моя мати,
 Как обидил он мене, тебе предлагати,
 Но понеже славен есть при музах спеватель,
 Носит книгу у пояса, всех вещей гадатель,
 Что мне препиратся с ним? Уступлю, я чаю,
 За славу его я с ним спорить не желаю.

В е н у с

Не бойся, сыне, такой его славы,
 Не ужасайся той на нем приправы. //
 Малая пчолка лва лиха кусает,
 А ржа железо крепкое снедает.
 Буде ты легку обиду вменяеш,
 От себя милость мою потеряеш.

л. 150 об.

К у п и д о

Аще досада тебе о том мнится,
 То мое сердце люте изострится.³⁹

ЯВЛЕНИЕ 5⁴⁰

К у п и д о

Како ныне Аполло мною посмевался,⁴¹
 Еже⁴² победителем над тем змием стался,⁴³
 Не тако Иовиш, Этно выгубивши,⁴⁴
 Ниже Ахиллес, Трою получивши.
 Се, на златую уду^Д уловленный,
 Будет бегати что обезумленный.
 Отнюдь не терплю поруганна быти,
 Имам я силу днесь свою⁴⁵ явити.
 Или не знает,⁴⁶ како есмь сердито?⁴⁷
 Учино сердце его⁴⁸ сквоз⁴⁹ пробито! //
 Что ему⁵⁰ дело? Почто раздражаеш,⁵¹
 Утробу мою ⁵²безмерно терзаеш?⁵³
 О Аполлоне, еще мя не знаеш,
 Како гневити ⁵⁴смел мене⁵⁵ дерзаеш.
 Прочее, егда⁵⁶ мне не⁵⁷ покоришся,
 В язве ⁵⁸сей лютой всегда⁵⁹ продолжишся.
 Кую надежду мыслил, Аполлоне,
 Уподобити мене при Питоне?
 Юпитера, мною, надежду имяше,
 Он⁶⁰ много лет мне раболепствовалаше.
 Марса ты чаял силу тебе дати?
 И он мя имел много убегати.
⁶¹Кую надежду мыслил, Аполлоне,
 Уподобити мене при Питоне?⁶²
 Палляс⁶³ богиню знаю, знаю, знаю!
 «Мудростию, — ⁶⁴та рече, — приклоняю». ⁶⁵
 Что же на сию уповал безъсилне,
 Хотя бы мудр был сто раз многокрылне?⁶⁶

л. 151

^Д Испр. по Б, в ркп. воду.

⁴⁰ 4 Б; *доб.* Купидо, гневаясь за посмеяние на Аполлона, возжигает сердце его любовью к Дафниде и призывает Гермия, да оставит Дафниду в лесах заблуждати Б. ⁴¹ посмеяся Б. ⁴² Яко Б. ⁴³ стася Б. ⁴⁴ угасивши Б. ⁴⁵ мою Б. ⁴⁶ знаеш Б. ⁴⁷ сердита Б. ⁴⁸ твое Б. ⁴⁹ скрозь Б. ⁵⁰ тебе Б. ⁵¹ раздражаеш Б. ⁵²⁻⁵³ напрасно терзаеш Б. ⁵⁴⁻⁵⁵ смело мя Б. ⁵⁶ *Доб.* ты Б. ⁵⁷ *Нет* Б. ⁵⁸⁻⁵⁹ прелютой весма Б. ⁶⁰ И он Б. ⁶¹⁻⁶² *Нет* Б. ⁶³ Палляса Б. ⁶⁴⁻⁶⁵ так и речи скла- няю Б. ⁶⁶ многократне Б.

Что не представил Бахуса при Цере?
Почто и даров не принес Венере?
Се восковое сердце тебе будет, //
Горети присво к Дафниде пребудет.

л. 151 об.

Пение

⁶⁷Проснися скоро,⁶⁸ Аполло, проснися!⁶⁹
Строит⁷⁰ Купидо лести,⁷¹ пробудися.
Не слышиш, оле!⁷² отрок⁷³ побеждает,
Сердце палает.⁷⁴

К у п и д о

Се сердце его, се будет пылати,
Устрою крыле по ветру летати.
Полети, убо аз повелеваю,
На любовь сердце гореть^{e,75} уязвляю.
Прошу всех богов скоро даровати
Меркуриуса,⁷⁶ извольте послати.
Богове сильны, прииди⁷⁷ же⁷⁸ убо,
Помощь любовну дать⁷⁹ ему сугубо.

М е р к у р и у с⁸⁰

Оставих Дафнис в лесах за⁸¹ зверями,
К тебе⁸² приидох скорыми крылами.⁸³

К у п и д о

Кто ты пристави⁸⁴ Дафнис устрегати?

М е р к у р и у с⁸⁵ //

Воля всех богов ⁸⁶от неба⁸⁷ послати
Изволила,⁸⁸ паче Пеней воднаго,
Стрегу бо⁸⁹ Дафнис⁹⁰ от пути труднаго.

л. 152

К у п и д о

Остави в дебре,⁹¹ аз повелеваю.

М е р к у р и у с⁹²

Аз же ⁹³ты, мала, отнюдь не⁹⁴ внимаю.

К у п и д о

Ты ли со мною хочеш препирати?

М е р к у р и у с⁹⁵

Ты ли хочеш⁹⁶ мне повелевати?

К у п и д о

Смею я,⁹⁷ смею тебе запретити!

^eИспр., в ркл. горе.

⁶⁷⁻⁶⁸ Простися вскоре Б. ⁶⁹ простися Б. ⁷⁰ стоит Б. ⁷¹ лестит Б.
⁷² Нет Б. ⁷³ Доб. тебе Б. ⁷⁴ распалает Б. ⁷⁵ весма Б. ⁷⁶ Меркуриуша
Б. ⁷⁷ приидите Б. ⁷⁸ Нет Б. ⁷⁹ дам Б. ⁸⁰ Гермий Б. ⁸¹ со Б.
⁸² Доб. же Б. ⁸³ ногами Б. ⁸⁴ постави Б. ⁸⁵ Гермий Б. ⁸⁶⁻⁸⁷ изволи
Б. ⁸⁸ от небесе Б. ⁸⁹ убо Б. ⁹⁰ Дафниса Б. ⁹¹ дебрех Б.
⁹² Гермий Б. ⁹³⁻⁹⁴ нимало тебе днесь Б. ⁹⁵ Гермий Б. ⁹⁶ хочещи Б.
⁹⁷ аз Б.

М е р к у р и у с⁹⁸

Кто тебе смелость имел^ж поручить?
Воля всех богов — стражем приставленны,
Росточу тебе, отроче безделный!

К у п и д о

Стой, убо мало скажу мою смелость,
Славы моя явлю тебе целость.
Иду к матери моей⁹⁹ жалобу явити. //

М е р к у р и у с¹⁰⁰

Отнюдь не будеш^{IV, 1} мене устрашити!
Вем, откуда сей вымысл учинися:
Некто Купиде посмешник явися.²
Иду к Дафниде, чтоб не заблудила,
Хотя по лесам мене утрудила.

В е н у с

В море пространном хотя я гуляла,
Велию в мыслях отраду прияла.
Ныне по лугам гуляти желаю,
Где отдохнути, где сести — не знаю.

К у п и д о

Мати драгая, сказати не смею,
Какову печаль я ныне имею.

В е н у с

Кто ты прогневал?

К у п и д о

Страж, что при Дафниде,
Пришедши ко мне в жесточайшем виде.
Изволила ты когда приказати
Мне Аполлону возмездие дати, //
Я сердце его с пламенем учинивши,
Спящему в перси Аполлу вложивши.
И с смехом хотел ему отплатити,
Стража Дафниды имел пригласити.
Стал воспрещати оставить едину,
Дабы, вшедшая едина в пустыню,
Путь потеряла, а потом блудяща
Устретила бы Аполла стояща
И от него бы всегда убегала,
С оловом стрела то бы учиняла.
Он же чуть меня, чуть не ростопташе,
Зол мне явися, хотя мя любляше.

В е н у с

О час бещастный! Везде мне помеха,
Нигде не придет мне в сердце утеха!
Лжеш ты на него, мне он не противен.

^ж Испр. по Б, в А имех.

⁹⁸ Гермий Б.
²⁻³ Нет Б.

⁹⁹ Нет Б.

¹⁰⁰ Гермий Б.

^{IV, 1} имаши Б.

К у п и д о

Не лгу, о матери!

В е н у с

В том ответ мне дивен.

Н и м ф а //

Не дивно и то, красная богини,
Что Меркуриус прогневался ныне:
Тихое море волнами играет,
Фебус веселый пасмурный бывает.
Он при девице в полях утруженный
От Купидина сего прогневленный.
Дажь какой-нибудь знак, когда он придет,
Тогда с честью к Парнассу отидет.

л. 153 об.

В е н у с

Изряден совет! Прими убо тое,
Прекрасный сыне, яблоко златое;
Покажи сие, он тому поверит,
Жестокость свою к склонности применит.
Аз же иду в Кипр с славою сидети,
И ты имей вскоре там же прилетети.

К у п и д о

Теперь мне желание, теперь исполнися,
Яко милость матери ко мне изъясися:
Вручила сие на знак ради совершенства,
Против Меркуриуса мне сопротивленства.
Прииди во скорости, ныне призываю, //
Знак моя матере тебе предявляю.

л. 154

М е р к у р и у с

Что мене во скорости паки призываеш?
Что за знак от матери твоей предлагаеш?³

К у п и д о⁴

Се знак Венеры, ⁵матери мне⁶, сущий,
⁷Можеш ли сему быть веру имущий?⁸
Мне приказала тебе запретити,
Отнюдь не изволь к тому при ней быти,
Остави в лесах едину блудящу,
⁹Я с¹⁰ Аполлоном во время усрящу.

М е р к у р и у с¹¹

Отхожду, убо Дафнис оставляю,
Тебе ¹²по сему¹³ не сопротивляю.

К у п и д о

Се уязвленное сердце ныне мною!
¹⁴Палати в сердце¹⁵ Аполла устрою.
Гори любовным огнем на Дафниду,
¹⁶Донеле паки с¹⁷ стрелами прииду.

⁴ Доб. Что ты еще? Буду ль я так ждущий? Б. ⁵⁻⁶ матки моей Б.
⁷⁻⁸ Вериш ли сему? Та волею Феба Послала знак сей найскоро со неба Б.
⁹⁻¹⁰ Аз со Б. ¹¹ Гермий Б. ¹²⁻¹³ уже по сем ся Б. ¹⁴⁻¹⁵ Пылати серд-
цем Б. ¹⁶⁻¹⁷ Доколе к тебе з Б.

Прими, сильнейший¹⁸ богатырю, убо
 Еще ти придам пламени сугубо. //
 Ныне зарею на дневном розсвете
 С Дафнидою сей не будет¹⁹ в совете.
 Напущу стрелу, оловом счиненну,
 И Аполлону быть непокоренну,
 Его же раню златою стрелою,
 Да исполнится любовию злою —
 Будет бегати, по лесам гаяти,
 Кровь же от сердца напрасно лияти.

20 А п о л л о

Место мне прекрасное сон наведе сладкий,
 Егда очи видели зрак богини гладкий.
 Многое видение сон мне имел дати,
 А подробности того не помню сказати.
 Только сердце, не знаю, чего мне желает,
 Венеру прекрасную в память представляет.
 Я тоя видением иду насыщуся,
 Потом к пастырем моим паки возвращаюся.²¹ //

ЯВЛЕНИЕ 622

Д а ф н и с

Кое нещастие устретило ныне,
 Мне за зверями единой в пустыне?
 Бех со другини, елени сретоша
 И вси за ними ловить побегоша,
 Аз же остахся единая, бедна,
 Вижду — пустыня, оком неизследна.
 Камо бежати? Никто не отзвася.
 Гей, Клориндо! Гей, Низидо! — Несть гласа.
 Чаю, и вы мя, в лесе заблуждены,
 Ищете всюду, мои возлюбленны.
 О, злое щастье²³ и страх мне приходит,
 Кто мя в дорогу правую выводит?
 Зверь мене может напрасно пожрати,
 Куды мне, бедной, куды убежати?
 Ах, как²⁴ в пропасти и в ночи так темной
 Заблудих, бедна, во глубине земной.
 Посли ми, боже, помощника вскоре,
 Да мя проводит²⁵ стезями на поле. //
 Пойду далее, обрящу тропину,
 Пойду на страну всегда на едину.
 Может быть,²⁶ весь где блиско лежаца,
 или²⁷ пастыря на поли ходяща.

А п о л л о

Едва²⁸ по ноци день имел настати,
 Чим буду с фавны себе забавляти?
 Стружу трущины и стрелы готую
 Зде не без страха на бестию злую.
 Однако страх мне ныне отдаленный,²⁹
 Егда змий лютый мною застреленный.³⁰

¹⁸ сильнейши Б. ¹⁹ будеш Б. ²⁰⁻²¹ Нет Б. ²² 5 Б; доб. Дафнис, заблуждьящаяся в лесах, обретае Аполлона и молит его, да изведет. Аполло же, любовию к ней возгоревыися, преклоняет ю к себе. Его же усретши, Купидо посмеваеся Б. ²³ щастие Б. ²⁴ так Б. ²⁵ провадит Б. ²⁶ быти Б. ²⁷ Доб. взыщу Б. ²⁸ Егда Б. ²⁹ удаленный Б. ³⁰ побежденный Б.

Д а ф н и с

Хожу³¹ по лесам, но³² токмо кружаю,
Никого еще жива не выдаю.

А п о л л о

Откуда, прекрасная девице,³³ ходиши
Так в глухом³⁴ лесе? ³⁵Ни ли³⁶ ты блудиши?

Д а ф н и с

Я за еленем семо забежала
И от подружий моих так отстала.
И тако мой путь куды — позабыла, //
Ношь же темная в том предупсншила.³⁷
Заблудих тако. Аще ти есть мощно,³⁸
Изведи на путь, молю ти ся тошно.³⁹

л. 156

А п о л л о

Рад, о госпоже, тебе послужити,
⁴⁰Воскоре могу⁴¹ на свет выводити.
Кая богиня тако искушает?
Паче Дианы⁴² красота⁴³ сияет.
Во правду, хотя тако утружденна,
В красоте же ⁴⁴та отнюдь неизменна.⁴⁵
Мое сердце, ⁴⁶зря на ню,⁴⁷ зело распалися.
Како ти, честнейшая,⁴⁸ быти зде случися?

Д а ф н и с

Уже вам⁴⁹ поведала, что мя испытуеть?
Молю токмо — бедной мне путь да показуеш.

А п о л л о

Молю, госпоже, молю благощасно:
Приблизися зде ко мне неопасно,
Дажь ми твое светлое лице соглядати,⁵⁰
Любезнаго твоего имене познати,
На мягкой ⁵¹со мною зде траве⁵² отдохнути, //
Благонаставно потом изведу тя в пути.

л. 156 об.

Д а ф н и с

Вижду, яко лстиши ми,⁵³ юноше любезный,⁵⁴
Слыша⁵⁵ глаголы твои зело неполезны.
Отиди прочь или зде останя в пустыни,
Верно, отложила ся я ⁵⁶жить во⁵⁷ благостыни.
Иду еще далее, ⁵⁸ты мене⁵⁹ не нуди,
Отиди прочь или зде в пустыни пребуди.

А п о л л о

О! безщастие мое в сердце даде рану!
Иду, ей последую,⁶⁰ в веки не отстану!

³¹ Хожду Б. ³² не Б. ³³ девица Б. ³⁴ глубококом Б. ³⁵⁻³⁶ или Б.
³⁷ преуспсншила Б. ³⁸ мощно Б. ³⁹ тошно Б. ⁴⁰⁻⁴¹ вскоре возмогу Б.
⁴² Дианны Б. ⁴³ красотой Б. ⁴⁴⁻⁴⁵ нимало отменна Б. ⁴⁶⁻⁴⁷ нань зря Б.
⁴⁸ чистейшая Б. ⁴⁹ аз Б. ⁵⁰ оглядати Б. ⁵¹⁻⁵² зде траве изволь Б.
⁵³ мне Б. ⁵⁴ любезны Б. ⁵⁵ Слышу Б. ⁵⁶⁻⁵⁷ жити во Б. ⁵⁸⁻⁵⁹ мене
ты Б. ⁶⁰ последствуй Б.

К у п и д о

Сей есть теперь⁶¹ богатырь превыше⁶² Арктуры,
 Началнейший⁶³ небесных всех⁶⁴ бегов и натуры.
 Сей, стреляй,⁶⁵ прежде ⁶⁶в сердцу⁶⁷ о мне посмевался,⁶⁸
 Узрите⁶⁹ ныне, каков Аполлон сей стался:⁷⁰
 Не нужна и цитра есть, книг недосуг зрети,
 Едину Дафнис всегда радостен смотрети.
 Смотрите, как сильны суть стрелы моя выну,
 Кую Аполлон себе дарует измену.
 Может ли прекрасныя страж быть Ариадны, //
 Иже³ устрегаяй чрез лабиринт⁴ изрядный,⁷¹
 Естьли и в Колхах⁷² приступ до волны златяя,
 Но⁷³ Язона быть удобь может склонна выа.
 Да придут вси в храбрости этерныя⁷⁴ силы,
 Против моих твердейших что бы учинили?
 И вы, в гнѣе марсовом куюция млатом,
 Трудно кровавым всегда лююция⁷⁵ потом,
 Можете⁷⁶ всю нужду вси⁷⁷ на свете сносити,
 Моей же любви⁷⁸ никто может⁷⁹ одолети.
 Я⁸⁰ стреляю во сердца — язва неотятна,
 Язва всегда горкая — моя же приятна.
 Стрелу с⁸¹ сладостным огнем ⁸²златую имену,
 Аполлону пламени еще я развею.⁸³

ЯВЛЕНИЕ 7⁸⁴

А п о л л о

Не могу аз памяти в себе утвердити,
 Яко имех ⁸⁵вид мой⁸⁶ весь в горесть пременити.
 Како то? Что видящи в пучинах⁸⁷ глубоких,
 Света ныне не вижду в лесах не широких? //
 Пустынею окружен, в болшую же вниду,
 Донеле прекрасную обрящу Дафниду.
 Пойду, ищущи ее,⁸⁸ хотя б в Каледоны,
 В частейший лес атческий,⁸⁹ острия⁹⁰ Эдоны.
 Хотя и герцынских мне дебрей доходити,
 Где зима, снег никогда не имать сходити,
 Пойду, чужестранными ветрами носимый,
 Дафниды любовию несятно гонимый.
 О горе! Откуда ⁹¹огнь во мне⁹² сей⁹³ бывает?
 Паче сицилийских⁹³ всех коминов налет!
 Твоими утехами, девице благаа,
 Во мне учинилася рана сия злая.
 Полно мене мучити, вынь стрелу из бока,
 Еже мне уткненная⁹⁴ над змия широка.
 Сипридо,⁹⁵ сильнейшая в тигрисксой Мореи,
 Дымом благовония курятся⁹⁶ в Сабен,

³ Испр. по Б, в А Или. ⁴ Испр. по Б, в А либиринт.

⁶¹ ныне Б. ⁶² превыше Б. ⁶³ Началнейших Б. ⁶⁴ Нет Б.
⁶⁵ стреляя Б. ⁶⁶⁻⁶⁷ Нет Б. ⁶⁸ посмеяся Б. ⁶⁹ Видите Б. ⁷⁰ стася Б.
⁷¹ изрядны Б. ⁷² Колхах Б. ⁷³ На Б. ⁷⁴ сотренныя Б. ⁷⁵ лююция Б.
⁷⁶ Может Б. ⁷⁷ Нет Б. ⁷⁸ любве Б. ⁷⁸⁻⁷⁹ может никто Б. ⁸⁰ Аз Б.
⁸¹ имам Б. ⁸²⁻⁸³ перевиту, Склонных, аки ма иглу к камени магниту Б.
⁸⁴ 6 Б; доб. Аполло печалыися прехождает по лесам и, обретши Дафниду,
 паки к себе приглашает, яже от него вскоре избегает Б. ⁸⁵⁻⁸⁶ мой вид Б.
⁸⁷ пустынях Б. ⁸⁸ ея Б. ⁸⁹ аттически Б. ⁹⁰ в острые Б. ⁹¹⁻⁹² сей
 огнь во мне Б. ⁹³ сицилинских Б. ⁹⁴ вонзенная Б. ⁹⁵ Циприда Б.
⁹⁶ курится Б.

Горкодобровонный⁹⁷ миры, ливан, нарды,
 Ты злыя укрощаешь^к звери леопарды.
 Выпусти пламень живый в сердце деды тверды!
⁹⁸О вы, с фавнами, молю, ⁹⁹дриады усерды,
 Естли вам ¹⁰⁰могущий огонь^v, ¹сию распалити, //
 Естли милосердие в любовь мне склонити,
 Дабы на мягчайшей могл траве утружденну²
 Получить мне в³ любовь мною возлюбленну.⁴
 Где обрящу оную? Кто мне возвещает?
 Уже ⁵с жалости едва⁸ дух во мне бывает.
 Толко ли,⁷ что эхо zde ⁸и ветр веяй сильный,⁹
 Мне в том соответствует со жалем умилный.¹⁰
 Дафнидо любезная, где ныне гуляеш?
 Что горячести любви¹¹ моей не признаеш?
 Вижду след, хоть давний¹² есть, пойду оным следом.
 Буду ли, где Дафнис есть, буду ли я сведом?
 Се река прекрасная, мысль моя zde чает. . .
 Ах! и любезнейшая моя почивает.
 О! чтобы достоил¹³ я ей белое лице
 Держать¹⁴ на лоне моем, почившую сиче,
 Очи пресветлейшия непрестанно зрети,
 Руку драгоценную подержавше смети.
¹⁵Что мыслиши, бедное сердце мое, ныне?
 Почто не поймаеши бегца наедине?
 Сия Дафнис, для ней же всегда умираеш,
 С горестию день и ночь зле препровождает. //
 Се имаш в руках твоих, аще ю урониш,
 Уже потом с Пегазом быстрым не догониш.¹⁶
 Что я¹⁷ убо сотворю? Жалею взбудити,
 Егда¹⁸ уйдет, то лишен света буду зрети.
 Вижду же однако:¹⁹ та главу подымает,
 Ясны свои крипталы от сна протирает,
 Уже²⁰ воста²¹ и власы в чепец убирая.
 Смей, Аполлоне, прииди!²² Смей, не откладая!

л. 158

л. 158 об.

Д а ф н и с

Кто приходит близ мене ²³в лес²⁴ уединенной?
 Ким быти чаю на путь провожденной?
 Кто умилосердися — уби мя воскоре,
 Ниже пребуду стражда во злейшем сем горе.

А п о л л о

Удобее речная стремления станут,
 Неже²⁵ твоей светлости вразие предстанут,
 Непогребная рука кая бы хотела
 Взмах особы твоя дерзнути имела?
 Ты едина ходиши в дебрех зло безмерно,
 Аз тя изведу на путь, положиши верно.
 Со мною обрящеши, девице честнейша,
 И товарищев²⁶ твоих, мною любезнейша. //

^к *Испр., по Б, в А укрощает.*

⁹⁷ И горкодобровонные Б. ⁹⁸⁻⁹⁹ Будите, молю вас Б. ^{100-v} ¹ огонь
 могущ Б. ² утружденный Б. ³ Нет Б. ⁴ возлюбленны Б. ⁵⁻⁶ едва
 от жалости Б. ⁷ ми Б. ⁸⁻⁹ ветром веяй сильным Б. ¹⁰ умилным Б.
¹¹ любви Б. ¹² давний Б. ¹³ достоин Б. ¹⁴ держал Б. ¹⁵⁻¹⁶ Нет Б.
¹⁷ аз Б. ¹⁸ Доб. же Б. ¹⁹ однако Б. ²⁰ Доб. бо Б. ²¹ воставши Б.
²² приити Б. ²³⁻²⁴ zde Б. ²⁵ ниже Б. ²⁶ товарищей Б.

Д а ф н и с

Ты ли пастырь той, иже и прежде прелщаше,
Хотящи вон вывести, в дебрь же заводаше?
Не медли напрасно зде, знай свою дорогу,
Боги мене выведут²⁷ отсюда, убогу.
Надежнее, видя я²⁸ зверя, пребываю,
Ниже человеческим лестем уповаю.

А п о л л о

О! аще бы я²⁹ до сердца моего
Кристалы ясны зрения твоего
Возмогл впустити, чтобы ты узрела,
Какая³⁰ мне ревность в персах возгорела!

Д а ф н и с

Далеко неба³¹ видиш отстояща?
Далее моя мысль не согласяща.
Се токмо вижду: древа, горы, нивы,
Быстрошумящих³² водных разливы.
Уби мя, древо, горы, придавите!
Водные волны, молю, потопите!
³³О леса, вы мя ныне пощадите,
Лва или волка на мя испустите. //
Унее буду сими умерщвлена,
Нежели воли сего подклоненна.³⁴
Аще и греха злаго невиновна,
Обаче винна, яко злу подобна.

г. 159 об.

А п о л л о

О немилосердая! доколе томиши?
Почто милости своей склонной не явиши?
³⁵Твоих очей яснейших и лепоты вина,
Ты уже смерти моей будеши причина.³⁶
Не убегай прочее, ко мне умилися,
На един малейший час, молю,³⁷ приближися.

Д а ф н и с

Не уповай, не могу склонна тебе быти.
Доколе мя ³⁸будеши, бедную, гонити?³⁹
Иду еще далее. Что ты помышляеш?
Уловити мя к себе отнюдь да не чаеш.
Сердце мое не к тебе, на мене не лстися,
Прошу не стужати ми, в путь свой возвратися.

А п о л л о

О немилосердая, твердости несклонна,
Подавленна тернием роза⁴⁰ благовонна! //
⁴¹Не отстану я отнюдь⁴² на земли, на море,
Дойду милости ея и любви воскорю.
⁴³Аще бы чрез огонь, чрез меч имела бежати,
Уловлен любовию, не могу отстати.⁴⁴
Хотя бы⁴⁵ и в землю скрывает Прозерпина,⁴⁶
Нигде не уйдет Дафнис Аполлина!

г. 160

²⁷ изведут Б. ²⁸ аз Б. ²⁹ аз Б. ³⁰ Кая Б. ³¹ небеса Б.
³² Быстрошумящая Б. ³³⁻³⁴ Нет Б. ³⁵⁻³⁶ Нет Б. ³⁷ ко мне Б.
³⁸⁻³⁹ бедную, будеши томити Б. ⁴⁰ лоза Б. ⁴¹⁻⁴² Отнюдь не отстану я Б.
⁴³⁻⁴⁴ Нет Б. ⁴⁵ Нет Б. ⁴⁶ Прозерпина Б.

ЯВЛЕНИЕ 8⁴⁷

Дафнис

Ах, как долго бегала по темной пустыне,
Едва достигла тебе, драгий отче, ныне.
Ухожду я, нужная, с душою чуть жива,
Буди рука отческа в помощь милостива.

Пенеуш

Хоть я и вижу лице моей дщери,
Печален, видя смутную без меры.
Что за причина?

Дафнис

Не знаю сказать,
Пастырь ли сатир не может отстать. //
Гонит мя, гонит, повсюду гоняет,
Едва богиня живу сохраняет.

л. 160 об.

Пенеуш

Или погубить хочет тя гонивый?

Дафнис

Не погубити, отче милостивый,
Но сохранятьи живот мой желает,
Не к честной воли он меня скланяет.
Лутче между Сиртами желаю пропасти,
Нежели в безчинныя в руце его впасти.

Пенеуш

Восхваляю честь твою и умысл правдивый,
Утеха прекрасная, и стан твой стыдливый.
Однако размышляю: кто тя постигает?
Не Аполло ли славный, что всех превышает?
Он есть старовечнаго сын Гиперикона,
Той разом сильнейшаго застрелил Питона,
А я слышал про него зде на земли суца
И овцы адметовы на поле пасуца.

Дафнис

Так, любезный отче, есть, котораго силы
По славной Фессалии все превозносили. //
И по виду я сама его признавала,
Яко в очесах его та слава сияла.
Толко бог ли, человек или храбр муж буди,
На свою лесть он мене в веки не принудит.

л. 161

Пенеуш

Неспешно, дщери, происноси слово,
Во многих служить такову есть сердце готово,

⁴⁷ 7 Б; *доб.* Дафнис, утруждающаяся, плачется о гонении аполлоновом, юже паки Аполло изобретает и к себе привращает, но Дафнис, не склонившаяся к Аполлону, призывает Дианну на помощь, юже Дианна пришедши в древо претворяет Б. ⁴⁷⁻⁴⁸ *Нет Б.*

В таковое племя всяк рад бы был входить,
Не токмо свойственником, но рабом служитьи.
Помысли в небо, коль многия были
И в славу божескую потом доступили?
Как честну Плеиаду небо учинило,
Атлантиду с дщерями седми возвысило,
Толко Йовиш из них едину любяше,
Чином в небе всех себе при ней поставляше.
Так же и ты, дщерь моя, возлюбившу богу,
Удержи от беганья пред ним свою ногу.
Он, приявши за жену, имать тя почитити,
Дом и пришлых у тебе в веки посвятити.
Что бо в людех тебе есть, что же и пустыня,
Егда так пресилная будеши богиня? //

л. 161 об.

Д а ф н и с

Ах, и ты, о отче мой, жестокость являешь,
Егда о таковых же советах вещаеш.
Лучше мне нужда моя, пустыня, дорога,
Нежели честь такова безстыднаго бога!

П е н е у ш

Ужасно противности о богах вещати.

Д а ф н и с

Не изволь мя, отче мой, болше принуждати,
Уже бо обykle я в чистоте пожити,
Тем победителница могу над ним быти.
Любит он мене, вижду, и будет любити,
Толко немощна я своего сердца наклонити.
Аще сердце самое любви не познает,
Кто может склонить его и кто застреляет?
Ах, отче любезнейший! Слышу, яко идет,
Сохрани мя, дщерь свою, донеле не придет.

П е н е у ш

Хранися сама, его когда презираеш,
Вижду, что совет ты мой весма откидаеш.⁴⁸ //

л. 162

Д а ф н и с

Ах, едва жива, зело утружденна,
Пастырем злостным всюду погоненна.
Аустрийския ветры. прохладжайте
Перси открыты. в лице⁴⁹ повевайте.
О пастырю злобный, зело нестыдливый,
Доколе будут очи завистливы?⁵⁰
Уж⁵¹ я кленуся вам всеми богами,
Празден мятеж твой¹ твоими глазами.

А п о л л о

Что о мне мыслиш, девице благая?
Довольно будеш, мене познавая.
Я⁵² — воин первый между⁵³ боги в небе,
Прииди, драгая, познати мя тебе.

¹ В ркп. написано дважды.

⁴⁹ лицо Б. ⁵⁰ завистливыи Б. ⁵¹ Уже Б. ⁵² Аз Б. ⁵³ Доб. всеми Б.

Егда б⁵⁴ ты мя видела на солнечном возе,
Рада бы тогда была, видя⁵⁵ мой нозе.
Я — Аполло славнейший, прекрасныя перы,
Я — планета солнечна, имеш⁵⁶ ли веры?

57 Д а ф н и с

Отнюдь не вопрошаю того благородства;
Ты ли к богом, пастырю, имееши сходства? //
Пастырь по всему еси, но хотя бы богом,
Удалися от мене по споре сем многом.

л. 162 об.

А п о л л о

Не дивись, прекрасная, богам то не ново,
Посылают на службу за едино слово.
Иовишу самому Рею хотевшу имети,
Волнистым морем тогда занесен до Креты.
Что и Бахус принужден от убийцев снити
И в тигрийских местех с нуждею служити.
Так и мне воля богов же предстала,
Еже на дела на землю послала.
Я, послушливый, принужден сходити
И ядовита змия погубити.
Хощеши всегда ты едина быти,
Почто за друга мене не имети?
Вериш ли зверя — медведя ли, вепря, —
Иже пожрати может тя от дебря?⁵⁸

Д а ф н и с

Что⁵⁹ ветром ты⁶⁰ слова лиеши напрасно?
Унее жити с зверми ежечасно.
В тяжкости сердца ибо⁶¹ въздыхаю,
Доколе сея злости пострадаю? //
Отверзи землю, в милости безмерный,⁶²
И⁶³ погуби мя адскими Аверны!

л. 163

А п о л л о

Любезнейшая, буди без боязни,
Я⁶⁴ твоей прошу верныя приязни.

Д а ф н и с

Удобее сухости предадутся реки,
Нежели ⁶⁵моя приязнь не будет во⁶⁶ веки.

А п о л л о

Вижду, еже⁶⁷ не могу мягкими словами
Приклонити тя к себе всякими дарами,
То уже иным путем пойду я с тобою
И склоненна будеши конечно ты мною.

Д а ф н и с

Аще ты тако нагло наступаеш,
То имети мя отнюдь да не чаеш.

⁵⁴ бы Б. ⁵⁵ видеть Б. ⁵⁶ имаши Б. ⁵⁷⁻⁵⁸ Нет Б. ⁵⁹ Почто Б.
⁶⁰ Нет Б. ⁶¹ ныне Б. ⁶² безмерны Б. ⁶³ Нет Б. ⁶⁴ Аз Б.
⁶⁵⁻⁶⁶ приязнь моя будет в Б. ⁶⁷ яко Б.

А п о л л о

Склоню невольно под мои ты руки,
Да не буду так страдать сея муки.

Д и а н а⁶⁸

Стой, Аполлоне, недвижим пребуду, //
На моих лестно и нагло не буди.

л. 163 об.

Д а ф н и с

О богини скорая, яже еси в⁶⁹ небе,
С горчайшим сердцем взываю к⁷⁰ тебе!
Услыши ныне в эфезинских долах,
Яже слышала Азия на полах.
Ты Актеона от псов неизбежна
Содеяла и⁷¹ многим всегда ты надежна.
Утеши мене, к тебе прибегаю,
Диано,⁷² к⁷³ тебе веру полагаю.
Тебе от чрева обещахся быти,
С тобою в⁷⁴купе умрети и жити,
Покры мя камнем⁷⁴ и листвием твоим,
Прими к себе под покровом своим.

Д и а н а⁷⁵

Вем ты, мне преданную а⁷⁶ еще от чрева,
Сохраню⁷⁷ обиды твоя,⁷⁸ пречестная дева.
Буди чувствуйай⁷⁹ теперь, славный⁸⁰ Аполлоне.
Видиш ли, кто теперь⁸¹ деве в обороне?
Прощайте, нимфы, воспойте, дриады,
Иди, Аполло, вспячь на свои стады. //
Почто тако нагло ты наступил к Дафниде
Ради дружелюбия во прелестном виде?
Буди древо, абие в древо превратися!⁸²
Се, Аполлоне,⁸³ видя, ныне веселися.

л. 164

А п о л л о

Ах, немилосердая, ах, злая богини!
Ныне привела мене⁸⁴ до ⁸⁵горкия стены.⁸⁶
Или бы не могл тебе ⁸⁷я то заслужити,⁸⁸
Что так восхотела⁸⁹ мя, бедна,⁹⁰ погубити?
О благий Юпитеру, носимый орлами,
Своими ⁹¹мене убий⁹² ныне перунами,
Звери люты напусти, да мя разтерзают,
Да не тако очеса со сердцем страдают.
О бедный Аполлоне, то ли ти утеха,
Которая привела⁹³ напраснаго греха?
О любезная моя Дафнида прекрасна,
Почто учинила мя на земли злочасна?
О сердце беднейшее, до чего страдало,
Радости малейшия⁹⁴ отнюдь не видало?⁹⁵
О любовь сладчайшая, чим ты наградила,

⁶⁸ Дианна Б. ⁶⁹ Нет Б. ⁷⁰ ко Б. ⁷¹ Нет Б. ⁷² Дианна Б.
⁷³ в Б. ⁷⁴ камнем Б. ⁷⁵ Дианна Б. ⁷⁶ и Б. ⁷⁷ Доб. от Б.
⁷⁸ Нет Б. ⁷⁹⁻⁸⁰ ныне славны Б. ⁸¹ ныне Б. ⁸² претворися Б.
⁸³ Аполло Б. ⁸⁴ мя Б. ⁸⁵⁻⁸⁶ горкой причины Б. ⁸⁷⁻⁸⁸ за то услужити Б. ⁸⁹ захотела Б. ⁹⁰ бедно Б. ⁹¹⁻⁹² уби мя Б. ⁹³ довела до Б. ⁹⁴ нималыя Б. ⁹⁵ прияло Б.

Остатня⁹⁶ радости, о горе! лишила. //
 Видящи лице токмо, был бы я доволен,
 Очи непрестанно зря, не был доволен.
 Ныне лишен радости, о горе мне, бедну!
 Ничто мя увеселит, быти безсоветну.
 О палма честнейшая, слышиши ли, бедна?
 Услыши ныне моя словеса последня.
 Хотя⁹⁷ изменилася ты в⁹⁸ древо безгласно,
 Радостно любити тя буду ежечасно.
 О лявру, достойнейший хвалы превысокой,
 Будут⁹⁹ почитати тя в радости глубокой,¹⁰⁰
 Тобою да^{VI.1} будут в честь победы венчанны
 Главы победителем укоронованны.
 Радостен смею таков венец соплетати,
 Да буду любезную в век напоминати.
 Недостоин² на главу его положить,
 Буду же до времени на сердце носити.

л. 164 об.

Г е с п е р у с³

О, как в свете веля измена бывает,
 Коим на свете даром прелесть наделяет. //
 Видесте смятение Аполлона ныне,
 Как о стался уловлен в любовной причине.
 О благопотребная любви неизменна,
 Ты⁴ в днешния времена⁵ во свете⁶ премежна.
 Несмелый Аполлоне,⁷ полно в том тужити,
 Где нещастием своим не возмогл склонити
 Дафниду, ты любиши⁸ — она убегает,
 Возможно, в свое время любовь привлекает.
 Ныне с миром отходи, жди у Геликона,
 Оживленная⁹ тужить будет Аполлона.
 Позлати стрелу твою, поднеси Купиде,
 Узриши Дафнис тогда в любезнейшем виде.
 Пречестнейши зрители, все еже смотрили,
 Мы в нашей возможности кратко изъявили.
 Кратко ли¹⁰ вам видится тое¹¹ наше дело,
 Аполлону в жалости зело продолжило.¹²
 Аще же вам длительно казалось быти,
 То Аполлон бы еще рад продолжить.
 Однако же случаи в доме и на поли
 Чинят предложение не по нашей воли.
 Елико в сем времени изволили зрети, //
 Мы дерзаем за сие вас благодарити,
 Тако сие действие будем окончати,
 Покорно благодарим, пора почивати.¹³

л. 165

л. 165 об.

⁹⁶ Остаточной Б. ⁹⁷⁻⁹⁸ ты изменилась во Б. ⁹⁹ Буду Б. ¹⁰⁰ прем-
 ногой Б. ^{VI.1} Нет Б. ² Не достоин Б. ³ Эпilog Б. ⁴ Нет Б.
⁵⁻⁶ бываеш Б. ⁷ Аполлине Б. ⁸ любиш Б. ⁹ Оживлена Б.
¹⁰ коли Б. ¹¹ сие Б. ¹² продолжало Б. ¹²⁻¹³ Елико же в сем из-
 волили времени смотрити, Мы дерзаем за сие вам благодарити; В чем же
 погрешимом, умом исправляйте, Нас же, скудоумных, в том не осуждайте.
 Конец Б.

Б. Папроцкий

НАСТАВЛЕНИЯ РАЗНЫХ ФИЛОСОФОВ О СУПРУЖЕСТВЕ

Основной текст: ГИМ, собр. Барсова, № 1531, л. 107—124 об.

НАУКА РАЗНЫХ ФИЛОСОФОВ О ОБИРАНИИ ЖЕНЫ, л. 107 КАКО МЛАДЫМ ЕДИНИ ПРИСУЖДАЮТ, ДРУЗИИ ЖЕНИТСЯ ОТСУЖДАЮТ РАДИ РАЗНЫХ ПРИЧИН

Радостно к тому преклоняйся, что тебе натура^а повелевает, ибо тем погоржая, верь сему, яко то ти повредит. Отдаждь, еже натуре долженствуеши, и не похотей вредити ей; родился еси из нея на свет, такожде и иных родити имаши.

О обирании жены философи вкратце поучают.

П и т т а к у с ф и л о с о ф

Оный философ встрети некоего юношу, спросил: «Ужели совокупился // еси законным браком?» Рече юноша: «Рад бы я, л. 107 об но мне то вредит, вижду, что та напасть еще держится мира. И естли пойму изрядную, то по мысли мне будет, естли ж неблагоприятна при моем боку сядет, тогда непрестанно печалию сердце болезновати будет, отчего ни очес возвести мне на свой дом возможно будет».

О том же

«Когда ж пришел я до того дела, скажи мне, какову, господине, поняти добру жену?» Отвеща философ: «Когда о том хочеш ведати, с какою бы в покое в дому сидети женою, пойми себе равну человечеством, богатством и с такою будеш в любви истинной. Естли же богату поймеш, будет ропотлива, и нижайшим ея будеш, и будет тобою владети».

Х и л о н

Той знати юноши даде, когда его // спрашивал, дабы оный л. 108 приданого не имал, чтоб вместо жены госпожи в дом себе не привел и вечной печали себе не получил, дал бы потом и два вена за первую свободу. Но о том краткими словы я определяю: зело то великое вено, когда имеет разум и человечество, никто сего болши ценити может презрядства.

К л е о б у л ю с

Тот такъже учил юношу, когда пришел до него, дабы жены не поймал из дому богатаго: «Ибо ты восхоцеш приятелей по ней уллучити себе, а они похотят быть господами тебе; но ты когда

^а В ркп. на поле природа.

отдохнути себе восхотел бы, тогда сколько десятим господам имеши служить, приехав в дом, увидиш. И се жена госпожа в такой же чести, аки бы ея братья, восхощет быть и она».

Антистхенес

Научал такъже юношу той философ изрядный, дабы некогда^б жены искал, // но в том был разсудительный. «Естьли б богатую поял еси, будет тобою гнушаться, и естьли бы изряднаго была тела, и то бы не находка. Присуждаю же: ищи таковой, с которою бы время жизни твоя было здраво, и для своего богатства тобою б не гнушалася и своею красотою гостей не привлекала».

л. 108 об.

Демокритус

Идый путем юноша прииде к нему; видя его быти человека зело ученаго, узре же и се: жена мала возраста идет к нему. Оный юноша нача зело удивлятися тому и вопрошает мужа оного, толь дороднаго: «Для чего ты товарища поял еси толь малаго?» Отвеща на те словеса философ ему тако: «Я изволил есмь и взял то, что между злым наименшего увидел».

Аврелиус

Того когда спрашивался юноша некий, как повелит — взяти ли жену богату или убогу, хотя без перины — теми // словами отвещал философ премудрый: «Дабы от мене совет желательный уже уведал еси, пойми в богатстве убогу, в добродетелех же богату. Узриш, что не будет то никогда с твоим уроном, ибо всегда добродетель стоит многих богатств, а с богатою когда не по мысли, будеш скоро в нужде».

л. 109

Ликургус^в

Того когда вопрошаху, вскую сего возбраняше, дабы никто девице вена не давал, рече: «Воеже бы добродетель и разум нищеты ради не пренебрегома была, и убогая бы с богатою во единой цене была, ибо зело той богатится (уже тому верь всякой), когда разумну жену имеет в своем дому. Всегда такожде и тебе советую, покамест то имееш в воле, смотри постоянно, остави ту, которая спесиво ходит».

Периклис

К сему когда приехав некий человек богатый, просил у него дщери в жену // и хотел быти зятем. Другой того ж дня приехал и был человек ученый, желал, дабы и он дочь его имел себе в жену. Тотчас оную, хотя был и незрачен, даде ученому, глаголя: «Лутше мне всегда ученый богатаго, когда оный, что ныне не имеет, наживет всего, а нежели тот, что ныне богат, помалу всего избудет».

л. 109 об.

^б В ркп. испр. из никогда.

^в Испр., в ркп. Лукурбус.

Фемистоклес

Той когда с супостатом своим в беседе сидел, таков ему совет подавал, дабы то о нем ведал: «Едину токмо дщерь имею, которой богатому, под обещанием сие глаголю, отнюдь не дам; но хотя б убогий, но разумом богатый был моей дщери приятелем и моим зятем. Изволяю я сего, котораго богатство снискивает, нежели того, от котораго насилственно бежит».

Олимпияс

л. 110 Взяв с собою юношу до дому своего, восхоте, дабы во всем совет его // со тщанием соблюл, объявляя ему, что всякий малоумно в том начинает, кто себе жену очима токмо избирает, и рече: «Ты, брате, послушай, какова есть слава о ней, а не сицевой, чтобы имел вено дати отец по ней. Но естли честно от юности своей поживе, лутши многих богатств будет тебе любима».

До жениха

Присмотрися же zde, брате мой, мудрых людей совету; познаеши, яко то по сем не погубиши, какову имаши жену избрати в чин супружеский святой, паче же когда имеши учение от бога самаго, дабы жил еси в том законе, а не по своей воле и не прохладался бы яко зубр или лось. Сотвори же сие по воли, хочеш ли дабы он был с тобою во всяком твоём деле и подавал бы тебе совет во всем всегда. //

л. 110 об.

Наука или совет философов юношам, дабы женилися

Менедемус

Сего когда некий вопросы, достойно ли мудрому жену пояти, он отвеща ему: «Веждь, мудрому достоит пояти себе жену, когда умеет владети ею на вся страны, но оному токмо зело шкодит жена, котораго по своей воле как точно хочет, так и водит».

Епаминундас

л. 111 Сей хотя был человек разума високаго, однако ж долго безженствовал, за что от некоего друга, именем Пелопида, от оного короля фиванского наказуем бываше, глаголя: «Почто ни о чем же помышляеши и попечения не имеши, дабы полезен отечеству был еси? Чесо не женишися и дабы сынове были, // которые бы от неприятелей мужественно и верно отечество защитили?»

Метеллий Нумидикус

Сей тако глаголати обыче: «Дабы есмы сие получили и безженно на свете жили, не имели бы есмы вси печали великия, но понеже сего желает похоть плоти нашей, которую бог разсудив, повеле всякому, дабы всегда в законе и ему послушен был, сего ради подобает слушати вышняго бога и во всем исполняти повеления его».

К а т о с д р е в н и й

Сей изрядный и ученый человек жизни своея великою славою прославляше такова мужа, который бы мудре, благоразумне умел дом свой правити тако, яко ни в малом чем не погрешил, глаголаше: «Такова всегда быти славнейшаго, нежели бы думнаго господина сенату римского».

К читателю

Видиш, мой любимый брате, те люди // ученые, которые во всяких добродетелех знаемые уже были, подавали ту науку, воеже бы поял еси жену, но дабы тако ходила на которую хочет сторону не попуцай ей ^{л. 111 об.} Гверха имети никогда над собою^д, за что и бог над тобою будет мстить своей обиды всегда, а та есть воля святая и повеление его, кто оную исполнит, будет в милости у него.

Наука или совет философов младым, дабы не женилися.

Во-первых, Фалес Милесийский

Сей знатный философ и зело ученый, аще бо и многие лета жил, обеща не взяти жены. Внегда же мати моляше его, дабы законным браком совокупился и дабы упрямое свое намерение пременил, отречеса в том матери, во-первых юности ради, а по-сем, когда уже к поре и постоянству приближился, // ^{л. 112} приде мати к нему и молящи глаголаше, дабы оженился, отвеща ей: «Яко уже несть мне до ней дела, понеже мя старость постигла».

Сократ

Некий юноша вопроси Сократа тезоименитаго, добре ли взяти жену, хотя уведати от него. Отвеща ему оный мудрец: «Сотвори, яко же хочеш и чаеш, а ныне добре без нея глаголати умееш. По сем, когда жену поимеш, воздолженствуеш сам пременитися и вся нравы пременити понудишися, и когда случится о детях и о жене советовать, не единожды думы и помышления твоя будут с тобою братися и ссариватися».

Той же

Сократ обыче глаголати: «Яко три у меня вещи, яже сам добре зрю, в прилежном суть попечении: грамматика, ницета или скудость, лишше же сего злая и лукавая жена, яже всегда в дому имяше творити печаль. И се уже двою лишихся, // ^{л. 112 об.} третия же держится мене. И весма всем супружеский чин отрицает, отсекает или запрещает, ибо когда моя Ксантиппа негодовати начнет, понуждаются мертвая телеса в земли уступить ей».

Той же

Когда два юноши вопрошаху его, хотяция себе браком совокупити, рече к ним философ тако: «О юношы! Слышите, когда

^д—д В ркп. *испр.* из верха никогда над собою имети.

убо с сетию внидут в воду рыболовы, тогда малыя рыбки, пред сетию плавающе, во оную желают внити, а во мрежи сущыя свободы из нея имети желают, такожде и вы. Советую вам, присно памятствуйте сие: ныне есте свободни, блюдитесь быти в пленении и заключении».

П л а т о н

4. 113 Когда некий юноша вопроси сего философа, коль скорое время супружеска полагает чина, отвеща, яко юному и младому еще не подобает, древнему ничто же в ней, когда // находится или доволствуется. Но видя велие желание в юноше к сему супружескому чину, яко зело прилежно уведати от него времени хочет, рече: «Обаче Аристотель о сем написа тако, дабы 35 или менши 18 зыбляше всегда».

П р о т а г о р

Егда некий друг прииде к нему ради собеседования, притом помале и в тайне вопроси его, глаголя: «Друже, скажи мне истинными словесы, почто свою отроковицу даде супостату?», отвеща: «Веру ими ми, друже мой, яко инако не возмогох ему препяти и гораздо досадити, и за злыя и неистовыя дела чем горшим воздати. Предах ему свою отроковицу, жена бо есть мужеску полу пагуба, сие тебе воистинну глаголю».

П о л и к с е н

113 об. Сей ветий вопрошен бысть о сем от некоего: почто зело уничтоженны от него суть жены и чего ради Софокл не соизволяет сего, но яко наилучши // может восхваляет оныя? Отвеща, что «Софокл сиче глаголет о них и похваляет, дабы нечто достойнаго уведал по них. Но аз всю повем правду, веждь, что о них пишу — во всех едино мясо, тако от мудрых слышу».

С о л о н

Когда Солон знатнаго посети Фалеса, хотя подлинно уведети сия от него причины: почто гнушается женою и чадорождением? Тогда его Фалес молчанием избы и настави странника, аки бы из Афин пришедша, тем же и уготова Солону ответ и сим же ответом зело скоро возгнуша ему брачную радость, и не беседова с ним много о жене и о отрочицах.

О тех же, сиречь женах

4. 114 Внегда Солон увиде странника и, востав к нему, вопроси, аще ли бы что во Афинех слышал новаго, рече странствующий, яко умре тамо сын некоего господина, иже в велицей чести бысть у всего синклита. // Вопроси Солон, какова чина бяше и каково он прозвание имеа. Отвеща, яко «забых, аще ми о сем возвещаху, однакожде отеческой ради великой породы, иже уже не бысть, весь град ко гробу провождаше тело его».

О тех же

Моляше Солон некоего странствующаго, дабы воспомнул себе имя умершаго некоего человека. Рече сам: «Едва не юный Солон имяновашеся?» Тем же оный пришлец ничто же уже рече, а по сем зело начат плакати Солон, сия когда от Фалеса услыша новыя весты: «Того ради возбраняет мне Солон воеже бы не женился есмь, дабы великих бед и хлопот многих не восприял на себе».

Ф о р о н е й законносец и законодавец

На смертном одре или постели тако глагола к брату: «Мой любимый брате, ведай, уже мя сие к великой приводит жалости, когда точию зрю жену или сына своего, преставитися легко не могу, // ибо крушится сердце, яко вечно уже разлучается плоть с плотию, и егда бы не имел жены, не помышлял бы о сем, что сам возможеш на себе узрети сие по сем».

М а р и а н З о с и н

От некоего господина вопрошен бысть, вскую бы остави велико списание, отвеща ему: «Ибо жену поях уже, мой господине, сего же ради разума толь великаго не станет мне». Он паки рече: «Почто Сократ, аще и браком сочется, во учении же и мудрости никакo премеиися?» Глагола паки: «Яко всякая бранлива Ксантиса,^е но моя добра убо и дородна».

Е п а м и н у н

С тем такожде некий вступи в речь и прилежно его моли, дабы ему неложно намерение свое объявил: каково бы утешение имел муж безженный? В чесом скорый и истинный даде ответ ему человек ученый: «Тако чаю, мой брате, от мужа такова, иже не склонен есть // к сему супружескому чину, яко никакo же смотряет на временныя вещи, токмо славу вечную в прилежном хочет имети попечении».

Ц ы ц е р о н

От Гирцыуса прилежно прошен бысть, дабы вскоре по разлучении поял сестру его, сказуя зело изрядныя в ней нравы и обещава с нею великия ему дати богатства. Абие на то оный ему отвеща философ: «Веждь, мой любимый брате, яко не радуюся о сем, дабы имел женою и учением упражнятися, на нем же, сиречь учении, намерих сице свой совершити живот».

К читателю

Не удивляйся, мой брате, яко вящши их zde, но тем скорее свой исправиши разум. Лише сего умолиши бога, когда толиким множеством не прелстишися, веруеши же его всемогуществу.

^е *Испр., в ркп. Антипина.*

4. 115 об. Лутче всегда едино святое слово его, нежели // пространное учение из тех мудрецов всякаго. Никако же соблазняет тя сие мое писание, такожде и сих мудрецов, еже слышиши, советование.

Описание естества, сиречь природы,
великаго непостоянства и женска непостоянства
против супружником или сожителем

Во-первых же, Сократ философ

Когда его зело долго злословила жена, изшед на улицу, седе пред враты, и тамо узре его, зело поносила ему, еще же похитив кадь воды, обли его. За что ему соседи зело ругахуся, но абие вместо гнева смех ему уготоваша. Грядет в дом и, отряхиваяся, рече: «Чаях, яко по толь великом гrome таков и дождь имать быти».

Той же //

4. 116 Когда некий безмерно уничижаше о сем, вопросы: еда бы и он не имел кокошей или куриц, которые токмо квокчут, овогда и гдачут в дому? «Такожде подобне творит и сия моя жена». Отвеща: «Имею кокоши, но яйца мне несут, лише* же того младыя птенцы стадами водят». Сократ рече: «Ксанטיפпа такожде детей раждает мне, откуда и аз имею утешение, когда с ними приходит ко мне».

Той же Сократ

Евтидима возва к себе ясти хлеба, тамо по случаю возбуди жену свою на гнев злословящу досадными словесы. Абие от стола воста, чаши, стаканы с вином и брашна под стол поверже. А оный гость зело усумнеся, Сократ же смеяшеса и моля, дабы он весел был, и разговаривая гостя: «Помниши ли, что и твоя кокош сотвори подобие, такову ж тщету содела?»

Анонимий //

4. 116 об. Сей услыша некогда двух беседующих между собою, различныя прилучаи сказоваста друг другу. Един рече, яко в домашнем саду имеет смоковничное древо, на нем же повесися жена. Второй же рече: «Молю тя, даждь от древа того неколико ветвей и мне, дабы от них и мне в моем саду развести. Еда бы и тии ветви толь счастливы были, воеже бы сицево погребение и моей сотворили».³

Диоген

Сей мудрец, шествуя путем, взирал на небо, хотя о нем нечто людем написати в ползу. Воззрев же в скважню, увиде изрядное древо и хотя уведати, како нарицаемо есть, приблизися к нему. Увиде две жены на масличном древе бездушны висящыя, очесы

* же написано над строкой.

³ Испр., в ркп. сотворил.

к себе, и рече: «Даждь боже, дабы вся у нас сицева расла дре-
веса, воеже бы таков на себе имели плод».

А р и с т и п п

Некогда прохождашеся по случаю, увиде мала возраста жену
ходящую, ей же // он прилежно присматриваяся, глагола к кле-
вету: «Тако глаголю тебе, яко се видиши благообразную и малую л. 117
жену, но сие истинными аз огражду словесы: занеже в сем малом
телеси толь много есть злобы, посреде лвов и змиев уравниемая
несть ея любви».

П о л и к с е н

Вопрошаху жены его, вскую сей имяше прав, яко златых
и шелковых не ношаше на себе одежд: «Понеже сего желает мир,
яко видиши сам, почто и ты такожде ныне в том не согласуеши-
ся с нами?». Отвеща им на то сия честная словеса оная языческая
госпожа и честная^н жена: «Изрядную имеет одежду жена, когда
довольно сему творит, яко совершенно соблюдает веру сожителю
своему».

А р и й

Пакувий, советно живя со Арием, возвести ему, яко таково
в саду своем имеет древо, на нем же три уже повесихася жены.
Ведяше же о сем // Арий, яко бранливы были, и рече: «Како на л. 117 об.
оная зрети очеса твоя могут? Не даждь расти ему в саду твоём,
ибо то в своей имееши власти. Прилежно молю тя, пресади оная
в мой сад, дабы восприял таков же плод в дому моем».

А л ф о н с а р а г о н с к и й к р о л ь

Увидев Людовика в жалобной ходяща одежде и зело печальное
лице имуща, помышляя в себе, не жена ли у него умре, тако
глагола к нему: «Лутши веселу быти и радоватися тем, понеже
ведал ю упрямую и великую злобу имущую». Глаголаше сие ему
пред людьми: «В великом еси ты благополучии, ибо тебе зело во
всем угождают бози: что ты zde вредити хочет, они от тебе из-
метают».

Т о й ж е А л ф о н с

Когда ему о некоем думном его возвестиша, яко 300 червонных
златых украдоша у него, кроль ведя, что зело бранливу имел
он жену, сими словесы тоя его болезноваше тщеты: // «О! дабы л. 118
сей погибл мерзский и не брал златниц, но лучши б жену его
взял!» Той ведал о нраве ея, яко гневлива и вяцше еще ему тво-
рит печали, нежели украденное золото.

С у л п и т и й

Сей жену свою того ради оставил, занеже изпестрив, сиречь
изнизав жемчугом и камением и различных цветов листьями главу,

^н В ркп. на поле доб. есть.

вниде во храм, глаголя: «Яко довлеет ти, когда ты моему лицу и моим очесем приятна являешися, а не иным. Тако закон завета заветует тебе, ибо самому мне точию счастье твое подаде, тебе же ко иным уже склонятися запрети. Обаче вижду, яко сего ради ты нарядилася еси, дабы инаго разве мене привлекла еси к себе».

А л ф о н с к р о л ь а р а г о н с к и й

Сей убо тако рад глаголати: «Аще бы кто в тишине и совете хотел жити с женою и никогда с нею не бранитися, да будет же . 118 об. она слепа, а сам глух, воеже бы о ней никакия // никогда дошли слухи. Ибо сей лакомый есть народ, а сверх того желательный, дабы любимы весма всякому были. Тем же от супружников своих зело ненавидимы были, когда желание и похоть в них ко иным кроме себя видят».

К читателю

Так, мой брате, чаю, яко довольно нам сии философи возвещают, о чем зде беседуют. Не услышиши их похваляющих никакой жены, и аз такожде хощу с ними согласоватися. Глаголю краткими словесы, не буду на то никакова снискивати довода и подтверждения, точию да снидем хотя к домашнему законоположению: отец едину имеет девицу, даст ти несколько тысяч и прибавит нарочитую цепочку, воеже бы оную яко наискорее из дому жениху отдати.

О вдовах, вторицею брачащихся,
и о вдовах, вторицею посягающих //

л. 119

С и н у с

Тако глагола на Нептуна, морскаго бога, иже * всегда жалобу предлагал на человека сего, который по единокротном на мори злом приключении, дерзну вторицею на глубокой быти воде. Такожде и сего такова ж повествуют быти дерзновения, иже бы вторицею дерзну обратитися: «Ибо от чего ты, брате, свободи щастие, никогда забывай, советую ти, сего страха».

Д и о н и с и й

Тако глагола матери своей, когда вторицею посягнути хотела, он же, то уведав, рече: «Но, о мати, нарушиши устав преславнаго стыда, насильства же естеству своей старости не сотвориши, понеже то ведаю, яко ты весма детей родити не будеши и уже со истинной любви при муже не сядеши. Сидеши токмо в похоти всегда жена бывает, естели детей не раждает, млада и дородна».

А н и а

л. 119 об.

Благонарочитая госпожа, когда во вдовстве, // таковы наговоры от друзей весма слышала,¹ воеже бы вторицею посягнути

* Испр., в ркп. и. 1 В ркп. испр. из слышит.

имела: «Понеже младыя лета имеши, и благообразное лице, и с мужем велий совет имети, и детей ему раждати будеши».^М Она же отвечает: «Жалею, когда у мене умре мой любезный, ибо добраго имела, аще ли же мне по добром приключится злый, кто мне от вас такову скорбь и печаль отимет?»

П о р т и а

Когда некую жену пред Портиею прославляху, яко оную в великом счастьяи за вторым мужем познаваху, она же отвеща: «Яко ни едина счастлива у мене зовома будет, ниже честна, яже бы за втораго мужа спешит, наипаче же когда оную велия к тому не понудит нужда. Аще ли сие точию похоти ради сотворила, недостойна посреде счастливых писатися».

В а л е р и а

Сия когда от друзей всем искушаема // бяше, чесо ради о вто- л. 120 ром паки не помышляет муже, она же обращя дерзновенно ко всем, рече: «О сем не помышляю, ниже хочу его вечно, ибо хотя на Сергия моего сказуют, яко жива его никогда в мире не видають, но сердце мое непрестанно зрит его, истинно любящи его, гнушается всеми».

М а р т и а

Сия егда младою вдовою по муже остася, вопрошаху ея, аще ли бы за инаго хотела посягнути, отвеща: «Невозможно такова улучити. иже бы восхоте мене пояти, разве яко хошет живота и богатства моего. Какова б прохлада в том чину употребила, когда б верная и усердная не будет любовь? Егда бы ради пенязей точию пояхомся. тогда б аки блудник со блудницею подобне жихом».

Совет сих философов тому читавшему приличен,
учение божественнаго писания
и объявление // откуду раждаются жены

л. 120 от

Какову, брате, чаеш, такову избирай себе, ибо аз zde ни советую, ни отбиваю тебе. но повем ти разныя их во всем нравы. Те пороки сам познаеши, яко во многих обретаются, инако от разных вещей раждаются, узриши такожде, же различне в делах своих с людьми обходятся и поступают.

Ведай же, яко, во-первых, душа от свинии начася, такия подобне мерзости, какова матери приятна. Не увидиши тамо в дому никогда ничего изряднаго, туне же имеши смотрети чего чиновнаго. Сора точию вся исполнены будут углы, сама же аки свиния сапит; сия из нея имеши корысти. Учернився мерзско, точию яст и пьет, и тако аки безсловесный скот в хлеву тыет.

Вторыя же душа от лукавыя произиде лисицы, ибо достиже ю всем госпожа лукавством. Сия уже хошет // все ведати, что соде- л. 121 вается, со треснованием и воплем хотя у печи^Н дома сама седети

^М Испр., в ркп. будет.

^Н Испр., в ркп. точн.

будет, однако ж от ея лукавства никто скрывается. Уже аще ли добре или зле на свете зде жителствует, обаче иногда будет добра, иногда бесу равна.

Такожде третия от злобнаго пса, а сия уже не умеет речи и добраго слова: брани всегда довольно будет, хотя и без вины, такожде аки пес иногда лает и без всякой причины. Аще бы ей и камнем избил зубы, однако ж она не сожмет абие своей губы, токмо аки пес непрестанно на тебе лаяти будет, хотя и драгий гость приидет и возле ея сядет.

Четвертую нам паки от земли изведоша бози, чем зело род человеческий в велию тщету приведоша, ибо такова ничто же добраго творити умеет, ниже такожде к лукавому делу пригодитися может. Егда же паки зима с крепким мразом приидет, и пяди с двора (веруй мне!) она не изыйдет, точию у печи лядвии будет согривати // и не радеет о много пиши, токмо б хлеб имела.

а. 121 об.

Пятую паки такожде созда бог особно из моря, сия нравом морю такъже подобна бывает, яко бо оное иногда тихо на едином месте стоит, иногда же ветры востанут, тогда удивительныя вещи творит. Такожде же и сия иногда весела явится, яко несть лутши ея, овогда же гордостна покажется и яко вихрь сильный встанет, тако она треснование творит и аки гром бьет. Уклоняйся, господине!

Шестая такожде от осла и от пепела зачася. Такова ленива бывает, разве бы ю ослопом возбудити и подъяти гараздо по спине, тогда соизволит и будет вся по воли мужней совершати. Когда же чему дорвется, тогда не точию днем, но и нощию беззазорно пожирает, аще бы тая и в огне была, однако ж и сие бы возимела и всяких бы брашен и питей, радуяся, вкусила. //

а. 122

Таже паки седмую ласица роди, паче ея не вем, естли бы что мерзостнее бяше. Вся сицевою мерзска и ни во что беседы, аще бы и преблагообразнейший был, ей является злообразный, и ложу не приближается, ибо тем гнушается. Сицева при себе мужа не радостно видит, обаче руце ея скоро услышат соседа, аще бы и кало прят, веруй мне, радуяся восхитит.

Осмую такожде конь роди, высокоглаву и долгошею, сицевою срамно бывает орати. О горшке же ни помышляет, аще бы и гладом умерети. Не постоит в поварне, понеже пестрин нарядных желая хранит и почернитися опасается. На сицеву убо всякому благоприятно взирати, однако ж господину мужу всегда досадно бывает, ибо те ея наряды (веруй!) немало принесут убытка, хотя бы ему и от велика быти избытка.

а. 122 об.

Девятая паки первенство свое от правила и уложенья имяше. Такова // всегда рада тягаться, токмо б кого судом от имения истеснити или б ему нечто межею отъяти земли. Аще ли она не имеет такова соседа, однако ж долженствует его обрести, хотя чрез третияго: «Плачь ты, яко хочеш, не смотрю я, соседе, когда уже деревенька твоя в руках моих будет».

Наивящи же изо всех сия вредит, яже от мерзской и скверной родится обезяны. Сия с безобразным лицом везде ходити бу-

дет камо же возможно, людей раздражати, ведати такова будет и тайныя советы и то, что куды варят на какия беседы. Такова никому никогда не учинит добра, но скорее когда по тому имеет время, порадеет о худом.

Тамо счастье на онаго благоприятно возре, ему же от пчелы рожденная вручися жена, всякое бо уже у сей дело аки // цвет процветает и ничто же кто тамо обрящет, еже бы безмерно охулити имел. Рада тая весь свой дом исполнити всем и с любезным мужем всегда в совете жити, любезных ему детей аки пчела приносить, откуда ему велий прохлад и радость умножатся. Таковая уже во всем разсмотрителне поступает, всякое постоянство всегда в себе показует, не зрит тамо, аможе худо, и где скверныя беседы не дерзает рукою ниже словесы, постоянство паче всего возлюбит себе, ничто же о сем речет, аще ей от мужа и неприятно. Такову жену сам точию бог подает с небес, и кто сицеву восхощет имети, подобает его молити. Той сам всяческими, якоже хошет, правит и владеет, кого хошет жестоко наказати, тому лютую присудит.

л. 123

Неудобно ныне, веруй мне, обрести жену. Повем ти сие сокращенне, не задерживая тя беседою: едва из тысящи едина обрящется сицева // в мире, яже бы верно с мужем, а не лукаво пожила,^о ибо когда б тебе несколько на десять свободно zde имети, а наименши хотя б уже 12, дабы возмог злую на добрую абие пременити, тогда ти советую: дерзновенно можеш законно совокупитися.

л. 123 об.

И егда уже так недобре воспоминают везде вси учении людие сих жен преступления, паче же явственно глаголют: счастливый сей человек, иже жены не познает во весь свой век, сего ради аз уже намерен не беседовати с ними, и естли бы возможно, погребл бы ся в земли, дабы никогда не слышал, ниже бы о них ведел. Веруй, веруй мне, в жалобе не ходил бы ради их. Вем, яко не достоин ми богв винити, ибо от сего нам всякия происходят благия вещи. Не зело бо к человеку тогда милостив бысть,^п когда устави имети под сими уставы, дабы никогда возмог кроме жены родитися и яко травам // и кринам изрядным от земли происходить. И егда ему даде жену, приложи много зла, а чаю, всех наигоршее, дерзновенно могу рещи, ибо таковых ни огонь, ни излишество вод не возмогут никогда вящих zde учинити тщет, когда сия нарицаемыя звери и животныя, си есть жены, многия имети в дому — от тех горе над главою.

л. 124

Когда убо ти, брате, какова ни приключитися жена, печаль твоя и скорбь вечная всегда, мой любезнейший господине. Вся ти в дому зело мерзска и неприятна, победствуеши не единожды и речеши: «О! дабы прежде смерти предан был, нежели бы аз сие злообразное страшилище в дом привел». Мало узриши радости, всегда довольно шума.

Со благообразною, не вем, каково ти утешение будет, ибо зело ю радостно везде видети желают, но аз ти споручник, что мно-

^о В ркп. на поле приклад. всегда к человеку милостив.

^п В ркп. на поле Бредил сей творец, бог

л. 124 об. гажды ты от того печаль встретиши будиши. // И невозможно убо устеречь того, на что мнози совещаются, а инии и здравие ради того полагают. Удобно ты в том сосед и друг обольстит, и слуга тож учинити не замедлит. Сия большая потеха два дни с женою, яко искуснии глаголют: первый день, егда ю введиши в дом, второй, егда ю погребеш. Ибо ни единая, верь мне, толь жестока есть скорбь, ея же бы врачеве не возмогли исцелити. а против лютой жены не обрящеш врача, хотя б с аптекою проглотил и аптекаря. Лучши всех лекарств несть на злую, верь ми всякий, токмо кий, или палка, когда ю всегда муж окропляет.

А понеже выразумел еси разное жен рождение и дела их и естественную природу, предаю ти на волю, дабы избирал еси и высматривал. Хотя сам того сотворити не можеш, призывай в помощь бога, который сам точию добрую подает // . . . Р

Р Здесь текст обрывается, следующий лист утрачен.

ПРИТЧИ ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ
О ДОБРОДЕТЕЛИ И ФОРТУНЕ

В настоящее время известно 13 списков перевода «Притч правоучительных о добродетели и фортуне», которые можно разделить на две редакции: основную и распространенную.

Основная редакция:

1. ГПБ, Q.XIV.24 (далее — П). Середина XVIII в., 4°, 79+VI+5 буквенных листов (1а, 2а, 20а, 25а, 30а), скоропись, переплет картонный с кожаным корешком, на верхней внутренней крышке переплета экслибрис библиотеки гр. Ф. А. Толстого. Филиграния: Pro Patria, буквы KS & Zoonen (Клепиков, Филиграния и штемпели, № 1128 — 1762 г.), для переплета использована бумага с гербом г. Ярославля, буквы ЯФЗ (Клепиков, Филиграния и штемпели, с. 20, 23, № 3 — 1748—1751 гг.). Иллюстрации выполнены кистью и чернилами: л. 1а, 2а об., 7 об., 11 об., 15 об., 20а об., 25а об., 30а об., 35 об., 42 об., 47 об., 51 об., 56 об., 60 об., 64 об., 70 об.

2. ГПБ, собр. Михайловского, Q.229 (далее — М). Середина XVIII в., 4°, 70 л., скоропись, переплет — картон в коже, на верхней крышке переплета тиснение «Мировулия Тассалина». Филигрань: герб г. Ярославля, буквы ЯФЗ (Клепиков, Филиграния и штемпели, с. 20, № 2, с. 22, № 2 — 1734—1748 гг.). Листы без текста: 1—3, 6, 10, 20, 24, 28, 32, 37, 49. Перед каждой притчей оставлено место для иллюстраций, на верхнем обрезе листов колоннотитул «притча» с буквенным обозначением ее номера.

3. ГПБ, собр. Вяземского, Q.XXX (далее — В). Середина XVIII в., 4°, 61+IV л., скоропись, переплет — картон в коже, на верхней крышке переплета наклейка «Мировулия Тассалина притчы правоучительны <о> добродетели и фартуне, с лагинского языка на славенский переведен<ы в> 1730 году». Филигрань: Pro Patria, буквы GR под короной (Клепиков, Филиграния и штемпели, № 1044 — 1762 г.). Перед каждой притчей (кроме 10) оставлено место для иллюстраций, на л. 1 об. неумелый рисунок «Мировулия и Гедеев»; на верхнем обрезе листов колоннотитул «притча» с буквенным обозначением ее номера; на л. IV запись типа оглавления в столбец. На л. 61 приписка позднейшим почерком: «Зри предисловие книги сея и внимай разумно. Рече авва Иероним: аще твориши книгу, но украшай ю, страсть бо ти есть, хотяи кто уведати сущая в книзе сей и той да прежде поищет чесого, превращая листы и числа воще таковии».¹

4. ГПБ, собр. Соловецкое, № 31/1490 (далее — С). Третья четверть XVIII в., 4°, 48 л., полуустав, переплет картонный с кожаным корешком; на л. 1 экслибрис библиотеки Соловецкого монастыря и запись: «Из Соловецкого монастыря № 31», на л. 2 экслибрис библиотеки Казанской духовной академии. Филигрань: буквы ВФ в картуше и СТ в картуше (Клепиков, Филиграния и штемпели, № 151 — 1765—1776 гг.).

5. ГПБ, собр. С.-Петербургской духовной академии, № 160 (далее — А). Сборная рукопись середины XVIII в., 4°, 317 л., переплет бумажный. Содержание: сочинения Гавриила Домецкого, слово Феофана Прокоповича на

¹ Ср.: Синайский патерик. М., 1967. С. 398.

погребение Петра I, повесть о смерти Петра I и др.² «Притчи» на л. 302—315, скоропись, филигрань: Pro Patria, буквы NS (Клепиков С. А., Кукушкина М. В. Филигрань «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного происхождения // Сборник статей и материалов БАН СССР по книговедению. Л., 1965. № 387 — 1751 г.). Список неполный — текст обрывается на середине восьмой притчи.

6. Научная библиотека им. Н. Лобачевского Казанского университета, Отдел редких книг и рукописей, № 4511 (далее — Каз). Середина XVIII в., 4°, 74 л., полуустав, переплет картонный с кожаным корешком и наугольниками. Филигрань: герб г. Ярославля, буквы ЯМЗ и ЯМАЗ (Клепиков, Филиграни и штемпели, с. 20 — 1748—1751, 1751—1756 гг.). Иллюстрации: л. 3 об., 7 об., 11 об., 16 об., 20 об., 25 об., 30 об., 35 об., 41 об., 45 об., 49 об. 53 об., 57 об., 61 об., 66 об. На л. 73 запись: «Сия книга переписана Иоанном Хоржевским 1755, декабр. 16 в С. П. бургге».³

7. ГБЛ, собр. Румянцева, № 280 (далее — Р). Середина XVIII в., 4°, 57+II л., скоропись, переплет картонный с кожаным корешком. Филигрань: КОМЕРЦЪ/КОЛЕГИИ (Клепиков, Филиграни и штемпели, № 309 — 1738—1746 гг.).

8. ГИМ, собр. Уварова, № 703/607 (далее — У). Середина XVIII в., 4°, 48+I л., скоропись переплет картонный с кожаным корешком. Филигрань: Pro Patria, буквы GR (тип близкий к Черчилль № 136 — 1754 г.)

9. ГИМ, собр. Щукина, № 1166 (далее — Щ). Середина XVIII в., 4°, 58 л., полуустав, переплет бумажный без корешка. Филигрань: буквы РФ в картуше и IA в прямоугольнике — аналогичного в альбомах не обнаружено. На л. 1—4, 56 об.—57 об. владельческие записи 1780—1813 гг. и копии писем разным лицам Тихона Васильева, «петрозаводского жителя». Рукопись дефектная — отсутствуют отдельные листы, края листов обветшали.

10. ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 189п/148 (далее — К1). Середина XVIII в., 4°, 66+IX л., скоропись, переплет пергаменный с тряпичным корешком. Филиграни: тип «Allemode parier» (аналогичного в альбомах не обнаружено); буквы РФ в картуше — близкий к Участкина, № 559 — 1744 г. На л. 66 оглавление: «Главы, обретающиеся в книзе сей».

11. ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 190п/149 (далее — К2). XVIII в., вторая четверть; 4°, 52+X л., скоропись и полуустав, переплет — картон в коже с золотым тиснением. Филиграни: два листа с филигранью «Allemode parier» (Лауцявичюс, № 34 — 1730 г.); W под короной — тип близкий к Лауцявичюс, № 3340 — 1724 г.

12. ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 191п/150 (далее — К3). Середина XVIII в., 4°, II+62 л., полуустав, переплет картонный с кожаным корешком. Филиграни: 1) «Allemode parier» — тип близкий к Лауцявичюс, № 3555 — 1746 г.; 2) «Allemode parier» с надписью «Legerndorf» — аналогичного в альбомах не обнаружено.

В собрании Киево-Печерской лавры (ныне в ЦНБ АН УССР) хранился

² Подробное описание рукописи см. в кн.: Родоский А. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1894. С. 186—189.

³ Очевидно, это певец Петропавловского собора, умерший в 1766 г. в возрасте 72 лет, см.: Петербургский некрополь. СПб., 1913. Т. 4. С. 426.

еще один список XVIII в., местонахождение которого в настоящее время неизвестно.⁴

Распространенная редакция:

1. Библиотека Барнаульского краеведческого музея, инв. № 2744. Сборная рукопись 1730-х гг., 4°, 32 л., скоропись. Филигрань: 1) герб г. Амстердама, буквы BEAUVAIS (*Клепиков С. А.* Бумага с филигранью «герб города Амстердама» // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1958. Вып. 20. № 29 — 1712—1726); 2) герб г. Ярославля, буквы ЯФЗ (типа Участкина, № 19 — 1741 г.). Содержание: л. 1—16 — «Притчи»; л. 16 об.—32 — «Слово похвальное на праздник Казанской Богородицы». На л. 32 запись: «Читал священник Маркел Хрисанов в церкви Рождества пречистой Богородицы 1741 году». В списке только 10 притч.⁵

В основной редакции лучшим списком является П, в котором читается самый полный текст и имеются все 16 тщательно выполненных иллюстраций (они есть только в П, Щ и Каз), полностью соответствующих латинскому оригиналу. Однако между П и протографом перевода было промежуточное звено. Анализ разночтений всех списков и сличение с оригиналом позволило выявить несколько незначительных разночтений, на основании которых можно выделить группу списков П и Р. Эти различия следующие:

П	лат.	Р
<нет>	SED	НО
хочет	vis	хочеш
твою душу	animo tuo	душу твою
мечь	locum	место

К первой группе относятся списки П, М, В, А, ко второй—Р, С, У, Каз, Щ, К1, К2, К3.

За исключением этих случаев список П самый предпочтительный, хотя и имеет несколько индивидуальных чтений. В М полный текст, но в нем нет иллюстраций, а также значительное число искаженных чтений, у В целый ряд неверных чтений, общих с Каз. В А текст в сплошную строку (in continuo), он обрывается на середине восьмой притчи.

В Р, хотя он имеет еще несколько верных чтений, восходящих к протографу перевода, нет иллюстраций, есть пропуски и описки. Непосредственно к Р восходит С, в котором много пропусков и следы незначительной стилистической правки (иногда «фортуна» заменяется «благополучием»). Наибольший интерес в этой группе представляет Каз (датирован 1755 г.), но не сам его текст, имеющий пропуски, искажения и индивидуальные чтения, а иллюстрации.

⁴ Рукопись описана в кн.: *Петров Н. И.* Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. М., 1896. Вып. 2. С. 61.

⁵ Рукопись описана в статье: *Гузнер И. А., Ситников Л. А.* Библиотека Кольвано-Воскресенских горных заводов в XVIII в. // Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск, 1975. С. 37. — Отметим, что «пресвитер Маркел Хрисанфов» в 1747 г. переписал переведенный с польского еще в XVII в. «Тропник» папы Иннокентия III (см.: ЧОИДР. 1895. Кн. 3. Отд. 2. С. 17—18).

Их на одну меньше, чем в П — отсутствует иллюстрация с форзаца, выполнены они менее тщательно, но зато есть переводы всех надписей-девизов⁶ на гравюрах оригинала. В К2 и К3 оставлено место для иллюстраций; в К2 есть перевод девиза к 11 притче, а в К3 — к 10-й. В письме списков К1, К2, К3 (К1 и К3 написаны украинской скорописью) заметно влияние украинского произношения.

В целом в списках основной редакции немного смысловых разночтений, включая и перестановки отдельных слов. В определенной степени история текста отражается в графической структуре «Притч», выполняющей и жанрообразующие функции. Лишь в нескольких списках (П, Р, М, В) графическое расположение текста соответствует латинскому оригиналу и, следовательно, протографу перевода. В позднейших списках оно нарушается, а в А уже весь текст записан в сплошную строку. Особенности сложной графической структуры оригинала объясняются и многочисленными механическими пропусками в разных списках.

Распространенная редакция, известная в одном списке Б, возникла уже на раннем этапе бытования перевода в России (читательская запись в рукописи датирована 1741 г.). Она восходит к группе списков Р (наибольшее число общих чтений с Р и Каз).

Распространение достигалось двумя путями: добавлением отдельных слов и интерполяцией больших отрывков. Приведем примеры первого типа распространения (в цитатах из Б дополнения выделены курсивом).

П	Б
1) От бога бо есть
что-либо есть.
Еже
живеши, имаши, радуешися,
болезнуеши, утешаешися,
от бога есть.
(л. 13)	От бога бо суть что-либо есть
<i>вся.</i>
Еже
живеши, имаши, радуешися, <i>здравствуюеши,</i>
болезнуеши, <i>веселиши,</i> утешаешися,
<i>яси, пиеши, одеваешися, ходиши, седиши,</i>
<i>спиши, и востаеши, и делаеши, и глаголеши,</i>
<i>и мыслиши, и молчиши —</i>
от бога бо есть.
(л. 6)
2) Начало же всех
бог есть.
(л. 14 об.)	Начало же всех <i>благ</i> бог есть <i>един.</i>
(л. 6 об.)
3) Она бо есть
щит и защищение жизни,
<i>она</i>
храм и святилище добродетелей
(л. 16—16 об.)	Она бо есть
щит и защищение жизни, <i>и столп крепости</i>
<i>противу врагов,</i>
<i>она</i>
храм и святилище <i>правых истинных</i> добро-
детелей.
(л. 7)
4) Тако и ты,
между человеки
аще истинен еси, солнце еси.
Прочии тма суть,
сень суть.
(л. 18)	Тако и ты <i>буди</i> между человеки.
<i>И</i> аще истинен, <i>то яко</i> солнце еси.
<i>и аще праведен, то яко свет будеши,</i>
<i>прочии же, аще не имут сих,</i> тма
суть, сень суть <i>и прочая суть.</i>
(л. 7 об.)

⁶ Структура каждой притчи полностью соответствует структуре эмблематического произведения: изображение — надпись (девиз) — подпись.

5) Ты же
крепок буди.
Добродетель и правду,
единое жизни твоя утешение,
единое бедности человеческой
украшение, единый божества
залог како душею защищай.
(л. 22)

Ты же крепок и тверд буди,
*неподвижим, яко столп или яко адамант,
цел пребуди.* Добродетель и правду
*содеев, стой. В вере, надежди и любви
христианской добре живи.*
Единое жизни твоя утешение *господь*,
единое бедности человеческой украшение
бог, единый божества залог како душею
защищай.

(л. 8 об.)

6) Царица сия,
оная рабыня есть.
Светило сия,
оная слепота.

Царица сия (*милосердие, глаголю*), оная же
рабыня есть. Светило сия (*щедроты, реку*),
оная *бо суть* слепота.

(л. 14 об.)

(л. 44)

Отдельные вставки различны по объему: от нескольких слов до больших фрагментов. Например, в четвертой притче после слов «Безчестно бо законоположнику собственным законом опорочену быти» (П, л. 18 об.) в Б идет следующий текст: «Сам бо спаситель наш ко учеником своим рече: образ бо дах вам и яко же аз сотворих, тако и вы творите, сие любве есть дело, сия добродетель совершена со исполнением» (Б, л. 7 об.).

В П притча девятая оканчивается словами: «Никогда бо богу тако любим еси, яко аще прощаеши» (П, л. 46 об.). В Б читается следующее продолжение: «Кому в чем-либо должником, зане писано есть: отпустите, отпуститя и вам, дайте, и вам дастся; что сотворите кому, то сотворено будет и самим вам без опущения, что в любви лицемерной, что в милости притворной, что во благе бесплодном, что слово добро без дела блага, что и дело благо без добродетельнаго начинания» (Б, л. 15).

В седьмой притче после слов: «Егда, напоследок, зависть тя палит, стяжи мужество» (П, л. 34), в Б следует вставка: «Им же утолиши всяку ненависть. Егда похоть к чему привлекает тя, избери целомудрие и воздержание, да теми одолеши вся пожелания. Не буди раб греха, но господин, не буди пленник тому, но свободь, не побеждайся, но победоносец того буди, не дерися с врагом, но борися со грехом, со враги бо мир имей, а со грехом брань дей. В добродетели всякому благоворению паче, нежели а никакому злодеянию подобает быть» (л. 12—12 об.).

Примеры добавлений и вставок легко умножить, но и из приведенных отчетливо видны намерения редактора. Вставленные им отдельные слова и выражения поясняют смысл текста, делают его более понятным. Действительно, аттический стиль Любомирского мог вызвать затруднения в понимании смысла, переводчики первой трети XVIII в. обычно характеризовали такой стиль как «вельми темный и стропотный».⁷ Добавление поясняющих слов, союзов и частиц делало одновременно текст более нарративным, чему способствовало и значительное упрощение графической структуры.

Дополнения редактора выполняли и еще одну важную функцию, кроме

⁷ См. подробнее: *Николаев С. И.* 1) Трактат С. Х. Любомирского о стиле (1683) и проблема стиля в русской литературе первой трети XVIII в. // ТОДРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 218—229; 2) О стилистической позиции русских переводчиков Петровской эпохи. (К постановке вопроса) // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой: XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 109—122.

чисто стилистической. Благодаря им общефилософские размышления Любомирского приближались к форме и стилистике поучительной проповеди. Этим и объясняются ссылки на евангельские тексты, добавление слов «Бог», «Господь» и т. д., которые вообще отсутствуют в оригинале.

Но работа редактора не сводилась только к этим двум видам правки, иногда он не пояснял Любомирского, а шел вслед за ним. Чаще всего в «Притчах» Любомирский пользуется амплификацией, иногда даже злоупотребляя этой фигурой. Составитель распространенной редакции почуствовал это и неоднократно дополнял длинные синонимические ряды Любомирского. Примечательно, что стилистика этих дополнений ничем не отличается от стилистики перевода. Возможно, переводчик и неизвестный редактор принадлежали к одному литературному поколению, были приверженцами одной литературной школы. В распространенной редакции есть одно любопытное разночтение, прямо указывающее на эту школу. Среди определений мудрости встречается и «ключ добродетелей» (П, л. 41 об.), который в распространенной редакции переделан на «ключ разумения» (Б, л. 14 об.). Совпадение, конечно, случайное, но «Ключ разумения» — название популярного в XVII в. наставления по красноречию Иоанникия Галатовского (1659).

Можно полагать, что переводчик и составитель распространенной редакции были либо выпускниками Киево-Могилянской академии, либо учились в одном из духовных училищ России, в котором преподавали выходцы из Киева. Второе более вероятно, о чем свидетельствует язык перевода, свободный от украинизмов. Этому предположению не противоречат и наблюдения над сферой бытования перевода: оба известных читателя принадлежат к духовному сословию, списки хранились в библиотеках монастырей и духовных академий, а в библиотеке Киевской духовной семинарии имелся и список с латинского оригинала.⁸

Не располагая возможностью дать в настоящей книге научное издание перевода «Притч нравоучительных» с разночтениями по всем спискам, мы публикуем перевод двух притч и предисловия по списку П с отдельными исправлениями по спискам Р и М.

Мировулия Тассалина

Притчи нравоучительныи о добродетели
и фортуне

С латинского языка на славенский переведены
1730-го году //

Предисловие к читателю

Добродетели и фортуны подвиг в притчах нравоучительных сих, аки в некоем путеводители, тебе, благоохотный читателю, пред очима есть. Которая от них победу имеет, искусом восприими совет предложенный общему добру. Муж от природы князь, честию

⁸ См.: Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. М., 1891. Вып. 1. С. 274—275. — Это список с издания 1702 г., в котором раскрыт псевдоним автора, в нем нет иллюстраций, поэтому этот список не мог быть источником перевода.

великий сенатор королевства польскаго, яко же они нарицают «патер фамилияс», который аще светло труду своему собственное имя приложил бы к сему, его же ныне имать, новому от своего достоинства приложил бы света. Но гаданием изволи скрыти развращенному веку гадания добродетели, сиречь собрания и расточения фортуны имущему глаголати. Ты же, изрядный читателю, творца пронеси во свете имя, аще сия притчи нравоучительны нравом твоим влиеш, без них же зле украшенно и неблагополучно течение жизни твоя имаш препроводити. Здравствуй и усердствуй! //

Притча первая

К или КО

Начало,

состояние человеческое

и его слабость изъясняет

и учит,

яко человек родится точию ко доброму житию.

К вам глаголю,

о смертныи!

Иже к познанию состояния человеческого,

аки пременитися имущии

при источнике наркисове,

или паче

созерцатели^а собственной худости,

ко зеркалу многотрудной бедности

душею приступаете. //

Се

первый к житию приступ

довольный к смерти^б степень

есть.

Не перее к свету,

яко к рыданию,

не ко зрению,

яко к сетованию

очи отверзаем.

И, неблагополучныи,

ко всему злу родохомся.

Волнами слез

к морю бедствий

веземся,

к фортуны лестныя повиновению

совершеннейший возраст нас приводит,

к ея же //

ласкающия злобе^в привлекаем, надменны.

Абие

л. 3

л. 3 об.

л. 4

^а В ркп. испр. из созерцати.

^б Испр., в ркп. смертии.

^в Испр. по Р., в П злобы.

к сверпеюция обуреvании отвыкаем,
уcтpашенны.

Бедныи!

Ибо ко всему падежу родихомся.

Бедншии!

Ибо ко злодеянию склонны.

Беднейшии!

Ибо всегда к смерти странствуем.

О коликое же в нас

бедности и худости наша

есть желание!

л. 4 об.

К получению здравия,	коликое тцание!
К приобретению красоты,	коликий труд!
К одеянию тела,	коликое иждивение! //
К препитанию плоти,	коликое попечение!
К насыщению чрева,	коликая жажда!
К снисканию богатств,	коликое желание!
К тцеславию,	коликое хотение!
К всему такожде,	коликая суета!

Обаче вся сия,

К ним же родихомся, слепа суть.

К ним же для наставления грядем медленна.

К ним же для взыскания простираемcя неизвестна.

К ним же почести ради прекланяемcя прелестна.

К ним же надежду обрацваем непостоянна.

Едина сия,

к ним же определенны есмы жребием.

Известна нам

скорая и неизменна суть, //

л. 5

известно нам есть рождения начало,	
известна бедность,	известна слабость,
известна немощь,	известна болезнь,
известен конец,	известно тление.

Но ^Г

неизвестна жизнь,	неизвестна фортуна,
неизвестно здравие,	неизвестно богатство,
неизвестна слава,	неизвестно стяжание,
неизвестны друзи,	неизвестна последняя —
	неизвестен смерти час.

И еже остается —

неизвестно погребение.

Единым словом,

к изъявлению всея бедности,

суеты и горести

изображением довольню есть //

человека нарещи.

Что убо есть человек?

л. 5 об.

^Г Доб. по Р, в П нет.

Животное
бедное неблагополучное,
 безпокойное,
сметище естества, узник греха,
орудие злобы, цель фортуны,
 корабль,
известен разбиения,
и смерти корысть
известнейшая.

Что же есть жизнь?

Пища бедности человеческая,
Губа неблагополучия и беззаконий,
пламень возжеления,
дым, воздух, ветер,
прах, сень //
и ничто же.

К чесому
убо родихомся?

Поистинне
не к злодеянию,
ниже к пированию,
ниже
к питию,
ниже
к играм,
ниже
к роскошам,
ниже
к веселию,
ниже
к плясанию, //
ниже
к музыке,
ниже
к светлому украшению,
ниже
к собранию богатств,
ниже
к насыщению последних,
ниже
к снабдению благодарных,
ниже
к победам суетным,
ниже
к временной славе,
ниже
к протчим тщетным
и скоропреходящим. //
Но

Л. 6

Л. 6 об

Л. 7

к чесому убо?
Ко
доброму житию.

Притча осмая.

М Е Ж Д У

Что есть мудрость
и в чом состоит,
учит.

Между человеки
жительствующу ти,
смертному, странному,
несведомый и обоятный предлежит
путь.

Бедному путешественнику,
земному гостю,
сомнительну, неискусну,
неблагополучну и слепому,
толь мрачный и претыкательный //
кто покажет тракт?

Между
пространством и теснотою
ходити подобает тебе.

Кто споручник?

Яко

между

толь безчисленными и различными стезями
пойдеши безнаветен
или от невежества не заблудиш?

Между тмою
и мрачным жития смещением
нужда ти шествовати.

Между тернием
и остроконечием,
между камением
и огнем, //

между стремнинными

и стропотными,

между темными

и пропастными,

между неищетными

души твоя наветы

бедственне имаши преходити.

Срящут тебе стропотная,
яже от славного и добродетельнаго пути
отвлекут,

приосенят ненависти дубравы
и сенотворны развращеннаго совета ветви,
ими же тебе добродетельныя стези заградятся.

Привлекут угодная роскошам
луговая увеселения, //
яже к морю злодеяний
удобный и радостный путь покажут.
Приманит хрусталовидная суета лед,
иже гладкого, но слизкого шествия
предъявит образ.

л. 37 об.

Прельстят высокия кичения горы,
громобиению и падежу собственныя,
иже вознесут, низвергут и потрясут.

Во всяком же
толь сумнительнаго и бедственнаго пути хождений
многая приключатся, яже угодна будут,
множайшая, яже устршат,
неищетна, яже погубят.

Но увы!
Коль мало
и едва некая, //
яже на истинный и совершенный
к славной добродетели путь
научат и наставят!

л. 38

Между сими убо
толь мрачными и сомнительными,
толь лестными и ползскими,
толь скрытыми и неизвестными
да не погрешит неведением

или
да не погибнеш неискующим.

Буди тебе место светила
мудрость.

Она же
блаженна и чиста,
всякия хитрости и коварства
свободна и отчужденна. //

л. 38 об.

Она едина
добродетелей служительница,
лидийский камень,
добра и зла началница
и учительница жития человеческого,
без которья,
аки без светила,
не можем что познати,
ни избирати, ни рассуждати, ни разрешати,
ни блюстися.

Сия тебе во всем
вождь, сопутник, страж и защищение
будет.

Паче же
хранительница и наставница

добродетель, //
 яже тебе в толь лестном и сомнительном
 пути и жизни течении
 истинную и неложную
 добродетели и славы стезю
 и правило покажет.

Она же
 совершенная и чистая мудрость есть,
 яже бывает (яко же речеся)

между
 познанием и избиранием,
 разсуждением и разрешением
 и хранением.

Вначале убо
 познай

собственное состояние, тайную скудость,
 случай к деланию добродетели //

и всякия вещи время:

пример прешедшаго,
 возможность настоящего,
 нужду будущаго,
 чуждую истинну
 и свою слабость.

Избери

добродетель первее всего,
 полезное после всего,
 милость без тщеславия,
 любов без притвора,
 честь без кичения,
 фортуна без бедствия.

Разсуди

между добродетелию и злодеянием,
 между истинною и лестию,
 между суетою и славою, //

между любовию и лицемерием,
 между обидою и небрежением,
 между злобностию и немогуществом,
 между благодеянием и требованием.

Разрешит,

еже есть правильно,
 еже есть истинно, еже есть похвально,
 еже есть благим обычайно,
 еже есть добре уразуменно,
 еже правильнейше советует,
 еже мнение не оболщает,
 еже упрямство насилно не изгонит,
 еже время позволяет,
 еже может быти
 и еже инако быти не может.

Блюди́ся напоследок
от случая ко злодея́нию, от суда́ безумнаго, //
от вожде́ления необузда́ннаго,
от всякаго лицемерия,
от похвалы́ собственны́х устен,
от содру́жества развра́щенных,
от киче́ния пагубнаго,
от празности́ тщетной,
от прощения́ безвре́яннаго,
от средствъ́ непристойны́х,
от подозре́ния неразумнаго,
от избы́точной фа́ртуны.

л. 40 об.

В сих убо
наипаче́ состоит истинна́
и непритворна́ мудрость,
яже учи́т единым сло́вом
избира́ти между́ благо́м
и злым, //
познава́ти между́ собою
и протчи́ми,
разсужда́ти между́ истинною
и проны́рством,
разреша́ти между́ опасно́стью
и бедстви́ем,
блюсти́ся между́ навета́ми
и фа́ртуною.

л. 41

В сих всех
ко позна́нию, избра́нию, рассу́ждению,
разреше́нию доброде́тели
и устрани́ению злодея́ния
приле́жно поуча́йся
сицевым о́бразом: //

да

л. 41 об.

что-ли́бо нами́ творимо́ есть,
мудрость нари́чется.
Ся́ бо едина́
свет есть́ души́,
ключ доброде́телей,
мо́ст безо́пасен над злодея́нии,
учи́тельница́ и пра́вительница́
жи́тия челове́ческаго.

Да

яко́ же между́ злодея́нии́ слепое́ юродство́
есть́ мра́чная некая́ бездна́,
тако́ между́ доброде́телями
пресла́вное и несора́вненное
светило́
мудрость.

(ГПБ, Q.XIV.24, л. 1 об.—7, 36—41 об.)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН	— Библиотека Академии наук СССР
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
Клепиков. Филиграни и штемпели	— Клепиков С. А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX в. М., 1959
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности
СОРЯС	— Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук
ТОДРЛ	— Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив СССР
ЦНБ АН УССР	— Центральная научная библиотека АН УССР
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
Churchill	— <i>Churchill W. Watermarks in paper in Holland, England, France etc., in the XVII and XVIII centuries and their interconnection.</i> Amsterdam, 1935.
Estr.	— <i>Estreicher K. Bibliografia polska.</i> Kraków, 1882—1951. Т. 8—34.
PAN	— Polska Akademia Nauk

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Титульный лист книги В. Коховского «Небездельное безделье» (Краков, 1674). Фронτισпис.
2. Страница из книги В. Коховского «Небездельное безделье» (Краков, 1674). С. 120.
3. Страница из книги В. Коховского «Небездельное безделье» (Краков, 1674). С. 121.

УКАЗАТЕЛЬ ШИФРОВ УПОМИНАЕМЫХ РУКОПИСЕЙ

Киев

ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 189п/148 190
 ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 190п/149 190
 ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 191п/150 190
 ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 334п/225 71
 ЦНБ АН УССР, собр. Киевского церковно-археологического музея
 № 573 58

Ленинград

<p>Архив АН СССР, ф. 158, оп. 1, № 212 31 БАН, Архангельское собр., С. 136 114 БАН, Архангельское собр., С. 228 66 БАН, собр. Никольского, № 168 133 БАН, собр. Текущих поступлений, № 12 61 БАН, собр. Текущих поступлений, № 744 71 БАН, 16.16.3 76 БАН, 17.6.18 99 БАН, 17.7.16 66, 67 БАН, 17.14.21 71, 72, 148 БАН, 32.4.27 64, 65 БАН, 32.6.15 75 БАН, F.355 77 ГПБ, собр. Вяземского, Q.XXX 189 ГПБ, собр. Михайловского, Q.229 189 ГПБ, собр. ОЛДП, Q.751 80 ГПБ, собр. Погодина, № 1494 114 ГПБ, собр. Погодина, № 1700 66 ГПБ, собр. Погодина, № 1974 42 ГПБ, собр. Соловецкое, № 31/1490 189 ГПБ, собр. Соловецкое, № 927/1037 52</p>	<p>ГПБ, собр. Тиханова, № 485 75 ГПБ, собр. С.-Петербургской духов- ной академии, № 160 189 ГПБ, F.IV.106 63 ГПБ, F.IV.130 63, 64, 115 ГПБ, F.IV.131 63, 114 ГПБ, F.IV.180 63, 64, 115 ГПБ, F.VI.19 82 ГПБ, Q.I.244 65, 99 ГПБ, Q.I.1466 108 ГПБ, Q.IV.56 63 ГПБ, Q.IV.65 58 ГПБ, Q.IV.73 73 ГПБ, Q.IV.111 75 ГПБ, Q.IV.126 64, 65 ГПБ, Q.XIV.10 85, 149, 150 ГПБ, Q.XIV.24 189, 201 ГПБ, Q.XV.9 75 ГПБ, Q.XV.29 56 ГПБ, Q.XVII.28 63 ГПБ, Q.XVIII.4 71 ГПБ, Q.XVIII.79 23 ГПБ, НСРК. 1983 20.F 82 ИРЛИ, колл. Величко, № 26 82 ИРЛИ, колл. Перетца, № 376 80 ИРЛИ, собр. Керженское, № 96 82 ИРЛИ, собр. Усть-Цилемское, № 67 82 ИРЛИ, собр. Усть-Цилемское, № 70 82 ИРЛИ, собр. Усть-Цилемское, № 91 82 ЦГИА, ф. 796, оп. 3, № 1217 17</p>
--	--

ЦГИА, ф. 796, оп. 20, № 576	18, 31	ГИМ, собр. Синодальное, № 287	
ЦГИА, ф. 796, оп. 22, № 583	17	23	
ЦГИА, ф. 796, оп. 61, № 3	22	ГИМ, собр. Синодальное, № 731	
		28	
Москва		ГИМ, собр. Синодальное, № 809	
		71	
ГБЛ, собр. Пискарева, № 193	80	ГИМ, собр. Уварова, № 703/607	
ГБЛ, собр. Румянцева, № 280	190	190	
ГБЛ, собр. Румянцева, № 457	64	ГИМ, собр. Уварова, № 1940	60
ГБЛ, собр. Ундольского, № 464	67	ГИМ, собр. Шукина, № 1166	190
ГБЛ, собр. Ундольского, № 925	75	ЦГАДА, ф. 79, 1670, № 6	36
ГБЛ, собр. Ундольского, № 1079	81	ЦГАДА, ф. 79, 1676, № 8	37
ГБЛ, собр. Ундольского, № 1288	31	ЦГАДА, ф. 79, кн. 173	128
		ЦГАДА, ф. 79, кн. 177	37—41,
ГБЛ, ф. 64, к. 80, № 10	66	46, 52, 118, 129, 137, 143	
ГИМ, собр. Барсова, № 1531	70,	ЦГАДА, ф. 79, кн. 178	36
101, 176		ЦГАДА, ф. 79, кн. 181	46
ГИМ, собр. Вахрамеева, № 445	81	ЦГАДА, ф. 181, № 671	71
ГИМ, собр. Синодальное, № 191	58	ЦГАДА, ф. 381, № 1791	30
		ЦГАДА, ф. 381, № 1800	28

Единичные рукописи

Научная библиотека им. Н. Лобачевского Казанского университета,
№ 4511 190

Барнаульский краеведческий музей, инв. № 2744 191

Государственный архив Тюменской обл. в г. Тобольске, № 1 81

Благовещенский монастырь в Вязниках, без № 57

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аарне А. А. 81
 Аввакум, протопоп 110
 Адарюков В. Я. 35
 Адодуров В. Е. 69
 Адриан, патриарх 23
 Адрианова-Перетц В. П. 75, 123
 Акундинов Т. 50
 Александренко В. Н. 20
 Алексеев А. А. 133
 Алексеев М. П. 55, 59, 61
 Алексей Алексеевич, царевич 52
 Алексей Михайлович, царь 43, 52, 124—126
 Алексей Петрович, царевич 77
 Анджейкович Я. 60
 Анна Иоанновна, императрица 107
 Анушкин А. И. 62
 Ариосто Л. 20
 Архангельский А. С. 80
- Багрий А. В. 97
 Байкулов К. 96
 Байрон Дж. Н. Г. 117
 Бальде Я. 19
 Барклай Д. 19—21, 131
 Бауман, полковник 127
 Бахтин М. М. 119, 120, 128
 Белецкий А. И. 25
 Белобоцкий А. 8, 29, 55, 67, 69
 Белокуров С. А. 20, 24, 32, 33, 35, 51
 Берков П. Н. 6, 9, 15, 16, 21, 27, 90, 96, 98—101, 113
 Бернини Д. 86
 Бетюн, маркиз де 45
 Бешенковский Е. Б. 21
 Богословский М. М. 53
 Богоявленский С. К. 127
 Болест П. 53
 Болотов А. Т. 84
 Бончальский С. 76
 Борис Годунов, царь 32
 Британишский В. 135
 Брюкнер А. 5, 6, 37, 61, 81, 133
- Бугославский С. А. 68
 Будный Б. 62, 104
 Буслаев П. 108
 Буслаев Ф. И. 99
 Буторин В. 67
 Буханан Д. 19
 Буш В. В. 59—61
 Быкова Т. А. 75
- Варений Б. 54
 Варшевицкий К. 64
 Васютинский И. 51
 Васильев Т. 190
 Вежбовский Т. 80
 Векерлин Г. Р. 122
 Величко С. 100
 Вергилий 14, 33, 58, 85
 Верховский П. В. 18
 Веселовский С. Б. 37
 Виланова А. де 80
 Виннус А. А. 31
 Вишневецкий Д. 45, 46
 Владислав IV, король 20, 33—35, 44
 Возницын П. 47
- Гавиньский Я. 76, 77, 135
 Гавриил Домецкий 189
 Гадзаловский С. 51
 Гальстер И. 57, 58
 Гаспаров М. Л. 4, 9, 90, 150
 Гваньини А. 61—64, 66, 113—115
 Гедеон Вишневский 107
 Гете И. В. 117
 Гивнер Ю. 51
 Гильтебрандт П. А. 58
 Гинзбург Л. 122
 Глокке Н. 26
 Гозвинский Ф. 24
 Голицын Б. А. 125
 Голицын В. В. 39, 40
 Голицын Д. М. 19, 47, 66, 76, 77, 105, 107
 Голосов Л. Т. 51

Голубев И. Ф. 57
Гомер 58
Горацій 13, 131
Гордон П. 127
Горохова Р. М. 98
Горский А. В. 23
Горфункель А. Х. 8, 29, 67
Готфрид Бульонский 100
Грабовецкий С. 82
Градова Б. А. 77
Григорий Богослов 116
Гриммельсгаузен Г. Я. К. 121
Гросс Л. 51
Гроховский С. 82
Груздев В. Ф. 80
Грузинский А. С. 71
Гуго Г. 3
Гуданский И. 51
Гузнер И. А. 191
Гуковский Г. А. 43, 123
Гуревич М. М. 75
Гурский К. М. 42

Демин А. С. 7, 81, 84
Демкова Н. С. 58
Дергачева-Скоп Е. И. 81
Державина О. А. 61, 62, 99, 104
Дерюгин А. А. 3, 133
Джяма Л. М. 77
Димитрий Ростовский 5, 25, 52, 71, 110
Добрянский Ф. 65
Долабелло Т. 35
Долгово П. 51
Долгорукий Г. 125
Долгорукий Ю. И. 49, 118
Долгорукий Я. 125
Дорофеев Г. 51
Дорошенко П. 128, 129
Дружинин В. Г. 29

Евгений Булгарис 15
Евфимий Чудовский 22, 23, 26
Екатерина I, императрица 89
Елеонская А. С. 98
Епифаний Славинецкий 58, 61
Еремин И. П. 14, 22, 24, 94
Ефремов П. А. 21

Жабчиц Я. 5, 18, 51, 52, 72
Жак де Витри 82
Живов В. М. 54
Жирмунский В. М. 117
Жуковский В. А. 130
Журовский Ф. 99, 101

Забелин И. Е. 96, 102, 125, 126, 130
Залеский И. 33
Захара М. 42

Иван Иванович, поп 17
Иван IV, Грозный, царь 63
Иванов Л. 36
Илларион Рогалевский 31
Ильинский Д. 86, 89
Иннокентий III, папа римский 191
Иоанн Максимович 25
Иоанн Хоржевский 190
Иоанникий Галятовский 65, 99, 194
Иоанникий Лихуд 108
Иосиф Туробойский 72

Каган М. Д. 53
Калайдович К. Ф. 8, 75
Калачева С. В. 89
Каллаш В. Е. 8
Каминьска А. 68, 69
Кантемир А. Д. 3, 20, 21, 25, 31, 110, 133
Кантемир Д. К. 107
Карамышев А. 99
Карион Истомина 22, 29, 53
Карл V, император 74
Карл XII, король 74, 89
Катулл 70
Кафенгауз Б. Б. 124
Кебет 70
Кирилл Белозерский 109
Киселев Н. П. 30
Клепиков С. А. 189, 190, 191
Клосс Б. М. 77
Клёновиц С. Ф. 59, 60, 135
Кобежыцкий С. 31
Ковалевская Е. Г. 84, 90, 98
Коллинс С. 125
Колосова В. П. 29
Консетт Т. 15
Константин Философ 116
Корецкий В. И. 77
Коровин Г. М. 21
Котошихин Г. К. 126
Кохановский А. 16
Кохановский М. 16
Кохановский П. 5, 13, 16, 18, 86, 98, 100, 101
Кохановский Я. 6, 13, 16, 17, 19, 21, 22, 26, 27, 31, 69, 70, 85, 101, 119, 132, 134—135
Коховский В. 19, 23, 34, 40, 46, 47, 49, 50, 53, 54, 116—119, 121, 122, 127—129, 135, 136
Красицкий И. 119
Крекотень В. И. 29
Крижанич Ю. 124
Кропоткин М. 66
Крузе ван дер Коп А. 5
Кудрявцев И. М. 50
Кузьмина В. Д. 95, 96, 98, 123
Кукушкина М. В. 190
Кульчицкий Г. 51
Кулябко Е. С. 21

- Кунаков Г. 20, 34, 36
 Куракин Б. И. 125
 Куракин Ф. А. 125
 Курбский А. М. 63
 Кшижановский Ю. 86
 Лабковский Н. 134
 Лабынцев Ю. А. 6, 16, 31
 Лаврентий Горка 13, 18, 31
 Лаврецкий С. Ф. 38, 51, 66
 Лазарь Баранович 27
 Лапчинский А. Х. 106
 Лебедев А. 58
 Левин П. 7, 12—14, 24, 25, 98, 101
 Левин Ю. Д. 117, 130
 Либицкий Я. 29
 Лилейко Е. 35
 Липатов А. В. 6
 Лихачев Д. С. 6, 53, 83, 90, 96, 97, 109, 123
 Ломоносов М. В. 4, 21, 24, 31, 57, 131
 Лопарев Х. 66
 Лужный Р. 6, 7, 12—14, 18, 23, 26—28, 85, 98
 Лупшов С. П. 15, 17, 47
 Лылов А. И. 63—66, 114, 115, 132
 Любомирский С. Х. 33, 37, 38, 40, 54, 106, 107, 109, 113, 135, 189, 193, 194
 Людвика Мария, королева 44
 Любовик XIV, король 45, 74
 Макарий, патриарх 127
 Максимов И. 33
 Малэк Э. 57, 58, 62, 104
 Мардарий Хоников (Ханыков) 29, 70
 Марино Д. 20
 Мария Казимира д'Аркьен, королева 44, 45
 Маркел Хрисанов 191
 Мартынов И. Ф. 76, 132
 Мартынов Л. 70
 Маслов С. И. 15, 18
 Матвеев А. А. 17, 19, 31, 47
 Матвеев А. С. 37, 44, 128
 Магхаузерова А. С. 23, 29, 112, 113
 Мейерберг А. 34, 126
 Михаил Вишневецкий, король 36, 45
 Михайлов А. В. 121
 Михайлов В. 33
 Мицкевич А. 136
 Модзалевский Л. Б. 97
 Моисеева Г. Н. 7
 Монс В. 84
 Морозов А. А. 121
 Морозов Б. Н. 50
 Морозов П. О. 8, 97
 Морштын З. 5, 33, 41, 133
 Морштын Я. А. 5, 11, 12, 33, 119, 133, 134
 Мочалова В. В. 102, 122, 123
 Мрочек К. 42
 Мурет М. 19
 Муркос Г. 127
 Мусин-Пушкин И. А. 54, 72
 Мымер Ф. 80
 Мюллер В. 127
 Мясковский К. 17, 19
 Н. М. 34
 Невилль де ла 125
 Невоструев К. И. 23
 Николаев Н. И. 53
 Николаев С. И. 16, 18, 19, 21, 27, 31, 40, 42, 53, 56, 62, 63, 67, 70—72, 85, 101, 106, 107, 113, 115, 135, 149, 193
 Ниссе И. 29
 Новак-Длужевский Ю. 42, 43
 Новиков Н. И. 64, 114, 132
 Новицкий Г. А. 6
 Овен Д. 19
 Овидий 14, 17, 22, 58, 59, 61, 63, 71, 72, 113, 115, 144
 Ольделанд Г. 127
 Ольшовский А. 49
 Оконь Я. 86
 Онуфрий, архимандрит 81
 Ордин-Нащокин А. Л. 126
 Орлов А. С. 83, 96
 Отвиновский В. 17, 22, 71
 Охрименко П. П. 6
 Павел, митрополит 16
 Павел Алеппский, архидиакон 126, 127
 Паисий Хилендарский 100
 Панченко А. М. 3, 4, 14, 28, 30, 50, 53, 54, 67—69, 84, 104, 105, 107, 110, 118
 Папроцкий Б. 3, 5, 8, 18, 56, 66, 102—105, 176
 Парин А. 113
 Пасек Я. 11, 124
 Пац М. 37
 Пекарский П. П. 8, 71, 72, 86, 97, 131
 Пергамен Н. 56
 Перетц В. Н. 4—6, 8, 9, 23, 71, 80, 81, 84, 97—100, 122, 123
 Петр Амьенский 100
 Петр I, император 8, 27, 40, 54, 71, 72, 75, 83, 84, 89, 90, 99, 105, 122, 134, 190
 Петрицы Я. 20
 Петров К. 31
 Петров Н. И. 12, 191, 194
 Петров С. 23
 Пискарев Н. З. 29
 Платонов С. Ф. 29
 Позднеев А. В. 9, 42, 53, 84, 90

- Поликарпов Ф. 17, 54, 72, 134
Понтано Я. 12
Поньрко Н. В. 25
Попов А. 37, 39
Посошков И. Т. 124
Потоцкий В. 11, 20, 31, 33, 34, 37—40, 54, 135
Протопопов В. В. 57
Протопопов М. 132
Прохоров Г. М. 109
Прыжов И. Г. 124
Пумпянский Л. В. 21
Пушкин А. С. 123, 135
Пушкин Г. Г. 20, 33, 34, 40
- Рабле Ф. 120, 123
Радер М. 29
Радзивилл Н. 58
Радишевский Р. П. 7
Радищев А. Н. 131
Рей М. 119, 135
Рейсер С. А. 75
Рейтенфельс Я. 125
Робинсон А. Н. 84, 100
Ровинский Д. А. 35, 70, 82
Рогов А. И. 8, 15, 62
Роде А. 127
Родионов В. 16
Родосский А. 190
Родостамов М. И. 70, 101
Розов Н. Н. 75
Романчуков А. 50
Ромодановская Е. К. 81
Рязановский Ф. А. 81
- Саблина Н. П. 80
Савва В. И. 29
Салмина М. А. 62
Сапега Л. 32
Сарбевский М. К. 13, 20, 21, 24, 31, 131, 132, 135
Свидерский П. 32
Сенкевич Г. 124
Сервантес М. 123
Сергеев Ф. П. 24
Сергий Радонежский 108
Серко И. 48
Сигизмунд, король 33
Сидорова Л. П. 98
Сильвестр Медведев 16, 19, 22, 56
Симеон Полоцкий 4, 8, 16, 22, 23, 25—31, 47, 54, 56, 57, 67, 94, 116
Ситников Л. А. 191
Скалигер Ю. 12
Смирнов Н. 26
Соболевский А. И. 3, 5, 6, 56, 58, 60, 62, 63, 66, 67, 72, 80, 81, 85, 106
Соколов М. 29
Соловьев С. М. 32, 33, 35, 51, 126, 127
- Софроний Лихуд 108
Софронова Л. А. 84
Софья Алексеевна, царица 107
Сиафарий Н. 51, 116
Сперанский М. Н. 79
Стефан Яворский 8, 14—16, 18, 23, 27, 30, 82, 110
Столетов Е. 84
Строганова М. Я. 108
Строев П. М. 8, 75
Стрыйковский М. 8, 61—63, 66, 67, 113—115
Сумароков А. П. 131
Сэмп-Шажиньский М. 82
- Тальман П. 110
Тарковский Р. Б. 24, 112
Тассо Т. 5, 13, 16, 18, 20, 86, 98, 100, 101
Твардовский С. 8, 13, 18—21, 33, 34, 85—89, 96—98, 113, 132, 135, 149
Теренций 97
Терлецкий П. 53
Тимофеев В. 37, 38
Титова Л. В. 102, 103
Тихонравов Н. С. 8, 84, 97, 149
Толстой П. А. 71
Толстой Ф. А. 8, 75, 77, 189
Томашевский Б. В. 4
Томпсон С. 81
Третьяковский В. К. 3, 4, 20, 21, 27, 31, 97, 109, 110, 131, 134
Тувим Ю. 102
Тшебицкий А. 44
Тяжкогорский И. 51
Тяпкин В. М. 32, 35—39, 42, 44, 46, 51, 52, 128, 129, 134
- Уланов В. Я. 8
Уо Д. К. 63, 64, 77
Устрялов Н. Г. 40
- Федор Алексеевич, царь 36, 124
Феодосий, архимандрит 22
Феолог, справщик 31
Фефан Прокопович 8, 13, 14, 18, 20, 23, 24, 27, 52, 87, 98, 189
Феофилакт Кветницкий 13, 24, 87
Феофилакт Лопатинский 17, 18, 20, 132
Филарет Гумилевский 14
Филипп V, король 74
Филофей Красногорский 25
Финицкий М. 101
Флеминг П. 55
Форбен Жансон 45
Франциск Эмилян 127
Фрыч Моджевский А. 58
Фустов И. Т. 33

- Харламович К. В. 12
Хворостинин И. А. 29, 55
Хейзинга Й. 123
Хмельницкий Б. 39, 122
Холшевников В. Е. 4
Хшановский И. 86
Хэрнас Ч. 86
- Цывьян-Л. М. 117
- Чарнецкий С. 48
Челищев И. И. 56, 57
Чернобаев В. Г. 43
Чернов И. А. 29
Чижинский С. Ф. 51, 52
Численно Н. Д. 59, 106
Чистякова Е. В. 64
Чуковский К. И. 134
Чумиков А. А. 74
- Шейн М. 34
Шекспир У. 20
Шереметев В. Б. 48
Шилов В. В. 17
Шимоновиц Ш. 5, 17, 66, 133
Шляпкин И. А. 5
Шуйский В. И. 35
Шульц Ю. Ф. 80
- Щеглова С. А. 96
Щерба Л. В. 117
- Эразм Роттердамский 59
Эстрейхер К. 11, 42
- Яблоновский С. 46
Ягодинский С. 135
Якобсон Р. О. 116
Ян Казимир, король 33, 36, 39, 125
Ян Собеский, король 11, 37, 39, 42, 43, 45—47, 51, 52
Яницкий К. 63
- Angyal A. 68, 106
- Backvis C. 87
Badecki K. 102
Bączalski S. см. Бончальский С.
Białobocki J. A. см. Белобоцкий А.
Białostocki J. 120
Bolesławiusz K. 31
Borowy W. 28
Bratkowski D. 31
Brückner A. см. Брюкнер А.
Buchwald-Pelcowa P. 74, 106
Budny B. см. Будный Б.
Budzyk K. 35
Budzykowa H. 35
Buslaev P. см. Буслаев П.
- Chrzanowski I. 86
Croiset van der Kop A. 5
Curtius E. R. 123
Czapliński W. 124
Czechowski H. 34
Cyzevskij D. 106
- Darowski A. 35, 37
Dębski J. 6, 68
Dziama L. M. см. Джяма Л. М.
- Estreicher K. см. Эстрейхер К.
- Fizman S. 7
- Galster I. см. Гальстер И.
Gawiński J. см. Гавиньский Я.
Głowiński M. 117
Górski K. M. 42
Gwagnin A. (Guagnini A.) см. Гваньини А.
- Hernas C. 23, 74, 82, 86, 106
Hippisley A. 30
- Ivan IV см. Иван IV, Грозный
- Jan Sobieski см. Ян Собеский
Janów J. 7
Jakóbiec M. 6
- Kaleta R. 74
Kapełus H. 77
Keenan E. L. 63
Klonowic F. S. см. Кленовиц Ф. С.
Kochanowski J. см. Кохановский Я.
Kochanowski P. см. Кохановский П.
Korotaj W. 19
Korotajowa K. 19
Kott J. 74
Korzon T. 43
Krejci K. 103, 104
Kroll W. 106
Krugovoj G. 123
Krzyżanowski J. 86
Kubala L. 34
Kuchowicz Z. 125, 126, 130
Kurbskii A. M. см. Курбский А. М.
- Lachmann R. 108
Lewañski J. 35
Lewin P. см. Левин П.
Łabynczew J. см. Лабынцев Ю. А.
Łoziński W. 124
Łużny R. см. Лужный Р.
- Matek E. см. Малэк Э.
Mathauserová S. см. Матхаузерова С.
Meyer P. 81
Mikulski T. 113

Morsztyn J. A. 119
Morsztyn Z. 41

Nowak-Dłużewski J. см. Новак-Длу-
жевский Ю.

Ocieczek R. 24
Okoń J. 85, 86, 89
Otwinowska B. 24, 106
Otwinowski W. см. Отвиновский В.

Pasek J. см. Пасек Я.
Pelc J. 27, 41, 70, 106, 107
Pieglar A. 86
Pirożyński J. 37
Pollak R. 85, 100
Pozdneev A. V. см. Позднеев А. В.
Ptakówna W. 59

Radziszewska J. 62
Roszkowska W. 106

Saski S. 85
Sarbiewski M. K. (Sarbievius M. C.)
см. Сарбевский М. К.
Schmücker-Breloer M. 99
Smith G. S. 9
Sokołowska J. 62
Sparrow J. 109

Stefan Jaworski см. Стефан Яворский
Strykowski M. см. Стрыйковский М.
Suchanek L. 68, 107
Symeon Połocki (Simeon Polotsky),
см. Симеон Полоцкий
Ślęk L. 119
Śliziński J. 43

Tasso T. см. Тассо Т.
Tazbir J. 124, 129
Temberski S. 36
Teofan Prokorowicz см. Феофан Про-
копович
Toporov V. N. 108
Trembecki J. T. 37
Tubach F. C. 81
Turowski K. J. 46, 122
Turowski S. 47
Tuwim J. 102, 119
Twardowski S. см. Твардовский С.

Walczak B. 61
Waliszewski K. 44
Waugh D. C. см. Уо Д. К.
Weintraub W. 7
Wichowa M. 71
Wierzbowski T. 80
Woliński J. 45
Wójcik Z. 35

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Пути проникновения польской поэзии в Россию	11
Польская поэзия в духовных училищах XVII—XVIII вв.	12
Польская поэзия в русских библиотеках и книжных собраниях XVII—первой трети XVIII в.	14
Поэт и перевод	22
Глава 2. Поэзия и дипломатия	32
Глава 3. Переводная поэзия на рубеже веков	55
Глава 4. Жанровые метаморфозы первой трети XVIII в.	83
Глава 5. Искусство перевода	112
Техника перевода	112
Поэтика перевода	116
Заключение	131

Т Е К С Т Ы

В. К о х о в с к и й. Небездельное безделье	137
«Дума» на победу под Хотином	140
О в и д и й. Метаморфозы	144
С. Т в а р д о в с к и й. Дафна, превратившаяся в лавр	149
Б. П а п р о ц к и й. Наставления разных философов о супружестве	176
С. Х. Л ю б о м и р с к и й. Притчи нравоучительные о добродетели и фортуне	189
Список сокращений	202
Список иллюстраций	202
Указатель шифров упоминаемых рукописей	203
Указатель имен	205

Научное издание

Сергей Иванович Николаев

**ПОЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ:
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII — ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XVIII века**

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Е. А. Смирнова*
Художник *Е. В. Кудина*
Технический редактор *Е. М. Черножутова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, Л. Б. Наместникова*
и *Г. В. Семеринова*

ИБ № 44014

Сдано в набор 07.12.88. Подписано к печати 31.08.89.
М-31747. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 13.5. Усл. кр.-от. 13.75. Уч.-изд. л. 15.25.
Тираж 1000. Тип. зак. № 1082. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография
издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

«Наука»

Ленинградское отделение

Zbiórki pierwotneLubny (powiada) moy rzab z
Szodlem spác orszakio / a z**O Szlachćicu Po**

DEden pan wicimofny nie dawno
W polsce Szlachćie iłłoby
Do kro iedno przyjdzie / co z bęjd
Z joná póbcieł zwolejac nie

Epitaph : dziećiu

Ozacz / nádemno pláćć nie po
Iłłoiá niwinnobć wniełł
Bobay táf wiek tobie przygwálł
Je mnie szoga ómiecć iac w

Ná młodość

Jakoby tej coł bez wiofny nni
Koczny cbeo feby mtooy s

Ná starość

Bjedna starośći / wofyfy cie s
Z fiaby przyjdzie / co záb ni

Ná śmierć

Ozłudny świecie / iłłoc s i c u s
Dofiedlem porcu : iuz wie

Ná fraśowno

Pzy iednym szegaciu dwie szodje Bog dila :
Głupi nie widzi / wiec fortunie iłłie.
Dągnij co dobre / co ná wierzab wyłłada /
Z co nie ómyłł / co pılłnie przyłłada.

Ná fortunę

В книге впервые прослеживается история становления русского стихотворного перевода с середины XVII в. до 1730 г. на примерах польской поэзии эпохи Возрождения и барокко: от эпиграмм Яна Кохановского и моралистических басен Бартоша Папроцкого до буколической поэмы Самуэля Твардовского „Дафна, превратившаяся в лавр”, философских медитаций Станислава Хераклиуша Любомирского и сатирических стихотворений Веспасиана Коховского и анонимных поэтов XVII в. Издание сопровождается научной публикацией переводов.